

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор

департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН

Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН

Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Джаннотти Андреа** — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия),

e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша** — профессор социологии и

культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Михайленок Олег Михайлович** — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru; **Мчедлова Мария Мирановна** — доктор политических наук, профессор,

заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета,

председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Смирнов Владимир Алексеевич** — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственной

университет, e-mail: kano_igt@mail.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор

Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Gennady B. PRON CHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 27 • 2021 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социальное неравенство

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь:
ключевые тренды 2020 г. (Начало)7

Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической
теории П. Бурдьё26

Глобальные проблемы: история и современность

Шумаков А.А. Диалектика развития движения за права чернокожих
в США в 60-е XX в. на примере выдающихся его представителей.44

Абрамян А.С. Вера, свобода, миссия и формирование ранней аме-
риканской идентичности65

Социология девиации

Шипунова Т.В. Контролологическая перспектива изучения соци-
ального контроля преступности.80

Современная социология, теория и методология

Смирнов В.А., Груздев В.В., Ершов В.Н. Восприятие семейности и
близких отношений на постсоветском пространстве: факторы и
направления трансформации101

Лукашук В.И. Влияние социокультурных факторов на развитие
спорта.117

Политическая социология

- Перевезенцев С.В.** К вопросу о религиозном факторе в политике.137
- Джаннотти А.** Россия и Евразия. Российская идентичность и пред-
взятость Запада154
- Фельдман П.Я., Данюк Н.С., Сенокос Я.С.** Современные техноло-
гии социального управления в политическом процессе США
(на примере президентской избирательной кампании 2020 г.).184

Научные рецензии

- Козин С.В.** Прекариат: от протокласса к новому классу. Рецензия на
монографию Ж.Т. Тощенко.202

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 27 • 2021 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

Social inequality

- Osipova N.G., Elishev S.O.* Social inequality and youth: key trends of 2020
(Beginning)7
- Baturenko S.A.* Social stratification in the sociological theory of P. Bourdieu 26

Global problems: history and modernity

- Shumakov A.A.* Dialectics of the development of the Black rights movement in the United States in the 60s of the XX century on the example of its outstanding representatives44
- Abramyan A.S.* Faith, liberty, destiny, and the shaping of early American identity65

Sociology of deviation

- Shipunova T.V.* Controlological perspective for a study of social control of crime.....80

Contemporary sociology, theory and methodology

- Smirnov V.A., Gruzdev V.V., Yershov V.N.* Perception of family and close relationships in the post-Soviet space: factors and directions of transformation101
- Lukashchuk V.I.* Influence of sociocultural factors on the development of sports117

Political sociology

- Perevezentsev S.V.*** On the question of the religious factor in politics137
- Giannotti A.*** Russia and Eurasia. Russian identity and prejudices of the West.....154
- Feldman P.Y., Danyuk N.S., Senokop Y.S.*** Modern technologies of social management in the US political process (using the example of the 2020 presidential election campaign).....184

Scientific reviews

- Kozin S.V.*** Precariat: from a proto-class to a new class. Review of the monograph of Zh.T. Toshchenko202

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-7-25

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И МОЛОДЕЖЬ: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ 2020 г.*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

Настоящая статья посвящена анализу одного из важнейших и всегда актуальных социальных феноменов — социального неравенства, которое рассматривается сквозь призму молодежных представлений о формах его проявления и особенностях. Авторами представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление отношения современной российской молодежи к проблеме социального неравенства в целом, а также диверсификации его форм в современном мире и в России. Исследование было проведено в 2020 г. сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством доктора социологических наук, профессора Н.Г. Осиповой и доктора социологических наук, профессора С.О. Елишева при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

В ходе проведения исследования летом 2020 г. методом анкетного опроса в онлайн-формате было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России. Распределение респондентов по полу и роду занятий соответствует параметрам выпускников гуманитарных вузов. 28% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 72% — женского. 9% опрошенных (т.е. более половины из них) составили молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет, 24,84% — от 16 до 19 лет, 12,26% — от 25 до 30 лет.

Методика исследования (в основе которой лежит анкета) была во многом аналогична методике, использованной авторами в 2019 г. для анализа ценностных ориентаций и представлений студенческой молодежи московских вузов. Эта методика была дополнена новыми блоками вопросов, связанных с особен-

* Начало. Окончание статьи см. в № 3 за 2021 г.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

*** **Елишев Сергей Олегович**, e-mail: elishev@list.ru

ностями и спецификой проявления в России таких относительно новых форм социального неравенства, как неравенство цифровое и неравенство в отношении здоровья. Вопросы, на которые были получены ответы, носили как общий, так и частный характер и в целом отражали ключевые тренды отношений молодежи к проблеме социального неравенства в условиях во всех отношениях сложной социальной ситуации, сложившейся в 2020 г. Детальный анализ ответов на вопросы, представленный в анкете, показал, что, хотя социальное неравенство и признается современной российской молодежью в качестве актуальной социальной проблемы, она не занимает ключевое место в ряду злободневных для российской молодежи проблем.

Ключевые слова: социальное неравенство, формы и виды социального неравенства, экономическое неравенство, неравенство доступа, цифровое неравенство, неравенство в сфере здоровья, социальная эксклюзия.

SOCIAL INEQUALITY AND YOUTH: KEY TRENDS OF 2020

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The paper deals with the analysis of one of the most important and always relevant social phenomena called social inequality, which is viewed through the prism of youth ideas about the forms of its manifestation and features. The authors present the results of a sociological study aimed at identifying the attitude of modern Russian youth to the problem of social inequality in general, as well as the diversification of its forms in the modern world and in Russia. The study was conducted in 2020 by professors of the Sociological Faculty of Lomonosov Moscow State University under the direction of Doctor of Sociological Sciences, Professor N.G. Osipova and Doctor of Sociological Sciences, Professor S.O. Elishev with the financial support of the RFBR, within the framework of the project No. 18-011-01106 "New forms of social inequality and the peculiarities of their manifestation in modern Russia".

In the course of the study in the summer of 2020, 628 young people (aged 16 to 30) from different regions of Russia were interviewed using the online questionnaire survey method. The distribution of respondents by gender and occupation corresponds to the parameters of graduates of humanitarian universities. 28% of young people surveyed were males, and 72% were females. 9% of the respondents (that is, more than half of them) were young people aged 20 to 24 years, 24,84% — from 16 to 19 years old, 12,26% — from 25 to 30 years old.

The research methodology (which is based on the questionnaire) was in many ways similar to the methodology used by the authors in 2019 to analyze the value orientations and perceptions of student youth in Moscow universities. This methodology was supplemented with new blocks of questions related to the peculiarities and specifics of the manifestation in Russia of such relatively new forms of social inequality as digital divide and inequality in health. The questions to which the answers were received were of both general and specific nature and, in general, reflected the key trends in the atti-

tude of young people to the problem of social inequality in the conditions of the complex social situation that developed in 2020 in all respects. A detailed analysis of the answers to the questions presented in the questionnaire showed that, although social inequality is recognized by modern Russian youth as an urgent social problem, it does not occupy a key place among the topical problems for Russian youth.

Key words: *social inequality, forms and types of social inequality, economic disparity, unequal access, digital divide, health inequality, social exclusion.*

Изучение представлений современной российской молодежи о сущности и различных формах социального неравенства, имеющих место в России и в современном мире, является в настоящее время одним из весьма перспективных направлений современных социологических исследований. И это в значительной степени закономерно, поскольку к настоящему времени социальное неравенство давно уже стало глобальной социальной проблемой, отягощающей жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающей всему мировому сообществу¹.

Социальное неравенство — это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей².

Однако признание проблемы социального неравенства в качестве ключевой научным сообществом совсем не означает, что отдельные социальные группы признают ее таковой. В данной связи наибольшую озабоченность вызывает современная российская молодежь, отношение которой к социальному неравенству как в мире, так и в России нельзя назвать однозначным. В то же время, от того, как осмысляют данную проблематику молодые люди, понимают ли они суть происходящих процессов и явлений, являются ли они объектом манипулятивного воздействия со стороны различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, воспроизводя различные штампы, лозунги и шаблоны, внедренные в их сознание этими субъектами, во многом напрямую зависит будущее нашей страны, не говоря уже об эффективности совершенствования процесса, механизмов осуществления молодежной политики в Российской Федерации и восполнении имеющихся пробелов в ее реализации.

¹ Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, Social Anthropology, Social Demography and Social Psychology. 2013. Vol. 2. N VII. P. 53.

² Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 2. М., 2020. С. 281.

В 2020 г. группа сотрудников социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова провела социологическое исследование, посвященное выявлению отношения молодежи и студентов к проблеме социального неравенства в целом, а также к проявлению различных его видов в современном мире и в России.

Целью проведенного исследования был анализ представлений молодежи о социальном неравенстве в современной России и мире.

Основными задачами исследования являлись:

1. Анализ общих представлений молодежи о структуре и содержании понятия социального неравенства.

2. Анализ восприятия молодежью проявлений отдельных видов социального неравенства в современной России и мире.

Распределение респондентов по полу

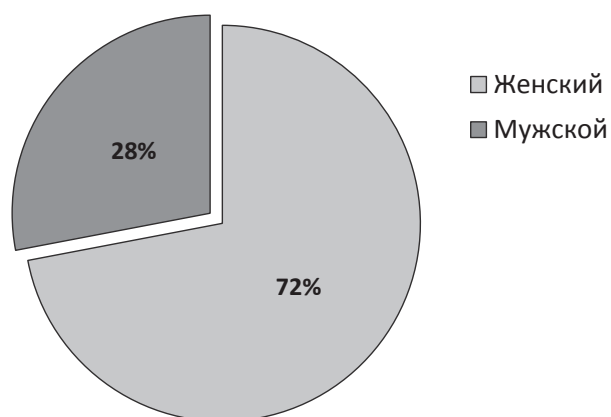

Рис. 1

В ходе проведения исследования летом 2020 г. методом анкетного опроса в онлайн-формате было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России (44 субъекта Российской Федерации: 8 — республик, 29 — областей, 5 — краев, 2 города федерального значения — Москва, Севастополь)³. Рас-

³ Выборочную совокупность составили молодые люди из следующих регионов Российской Федерации: городов федерального значения — Москвы и Севастополя; республик — Башкортостан, Бурятии, Мордовии, Северной Осетии, Татарстана, Тывы, Хакасии, Марий Эл; областей — Архангельской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Кировской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Сахалинской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Томской, Тульской, Ульяновской, Челябинской, Ярославской; краев — Краснодарского, Пермского, Приморского, Ставропольского, Хабаровского.

пределение респондентов по полу и роду занятий соответствует параметрам выпускников гуманитарных вузов.

По социально-демографическим признакам и социально-экономическим параметрам состав выборочной совокупности выглядел следующим образом. 28% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 72% — женского (рис. 1). 62,9% опрошенных (т.е. более половины из них) составили молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет, 24,84% — от 16 до 19 лет, 12,26% — от 25 до 30 лет (рис. 2).

Распределение респондентов по возрасту

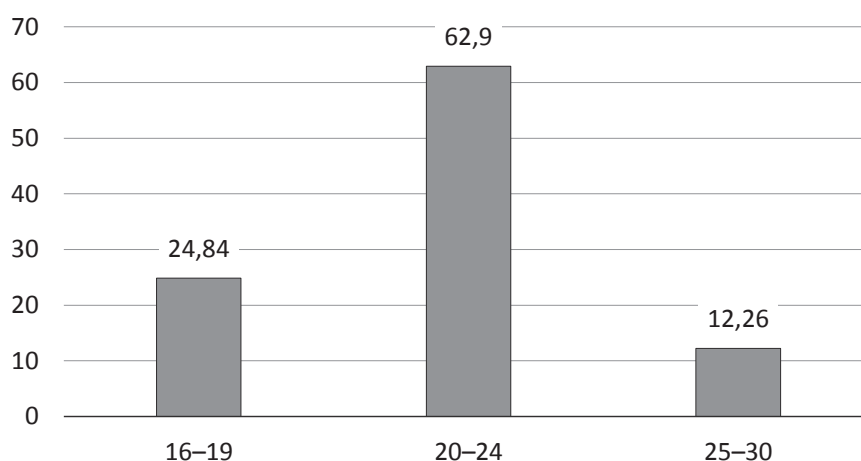

Рис. 2

84,87% опрошенных молодых людей не имеют семьи (не женаты и не замужем), 7,96 — сожительствуют (проживают в незарегистрированном браке), 7,17% — имеют свою собственную семью (проживают в зарегистрированном браке) (рис. 3).

Семейное положение

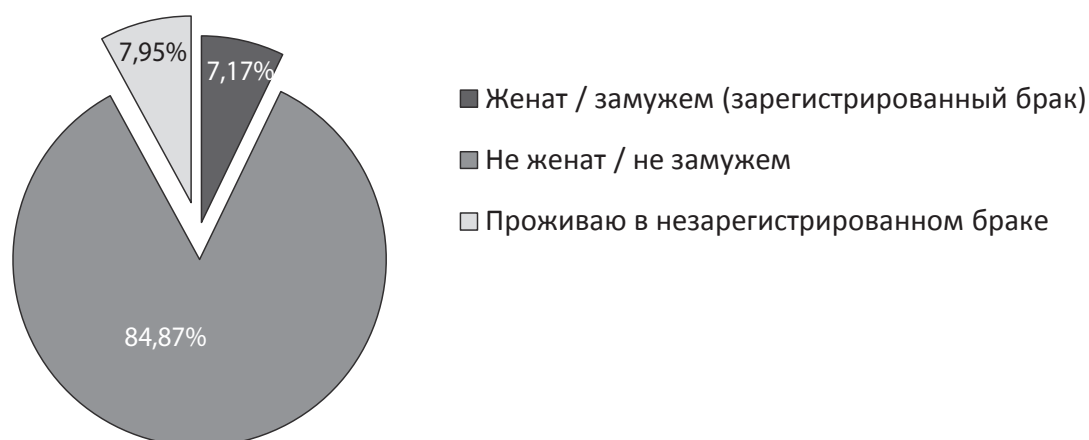

Рис. 3

72,45% молодых людей по своему роду занятий являются учащимися. 19,9% — работают, 5,89 — временно не работают, 1,75% — не работают (рис. 4).

Распределение респондентов по роду занятий

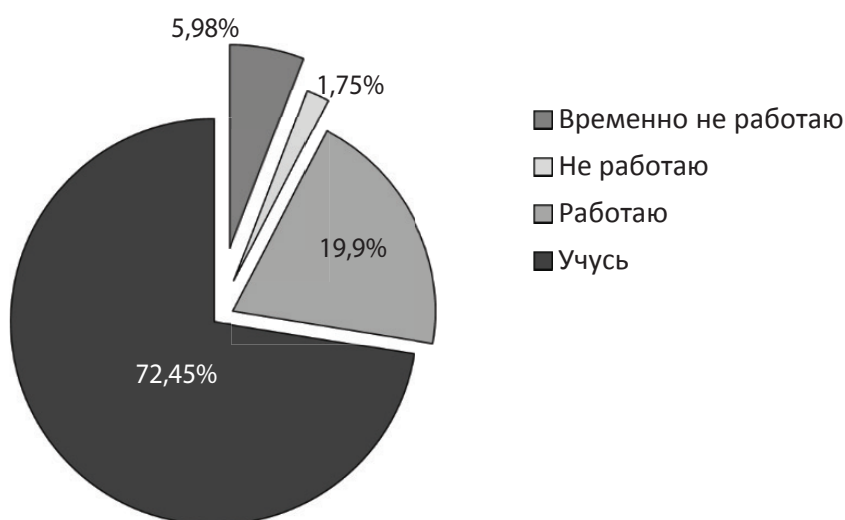

Рис. 4

54,46% опрошенных имеют незаконченное высшее образование. 23,73% — имеют высшее образование, 12,9 — среднее образование, 6,69 — среднее специальное образование, 2,23% — незаконченное среднее образование (рис. 5).

Уровень образования респондентов

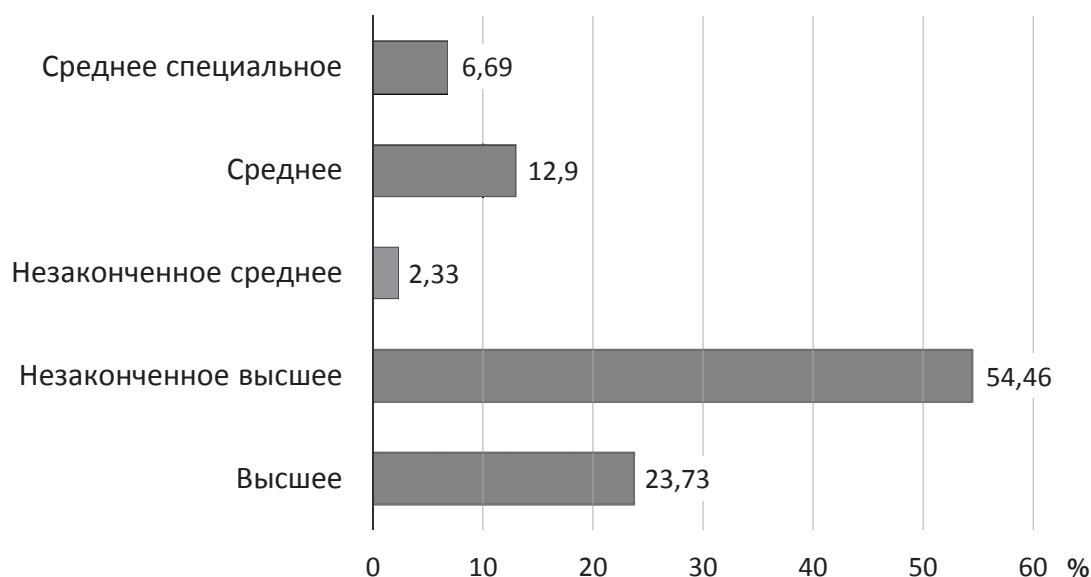

Рис. 5

46,97% молодых людей проживают в столице. 35,03% — в областных городах, 10,99 — в городах федерального значения, 7,01% — в сельских поселениях (рис. 6).

Распределение респондентов по типу населения

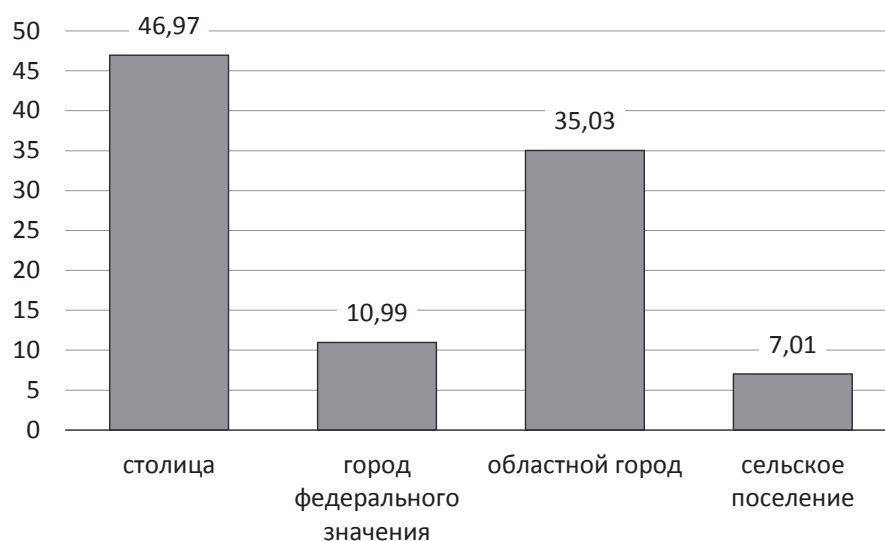

Рис. 6

В первом полугодии 2020 г. 29,46% опрошенных вовсе не имели доходов, 25,96 — имели доход от 5000 до 15000 рублей, 20,54 — от 15000 до 30000 рублей, 17,52 — имели доход свыше 45000 рублей, 6,53% — от 30000 до 45000 рублей (рис. 7).

Распределение респондентов по среднемесячному доходу

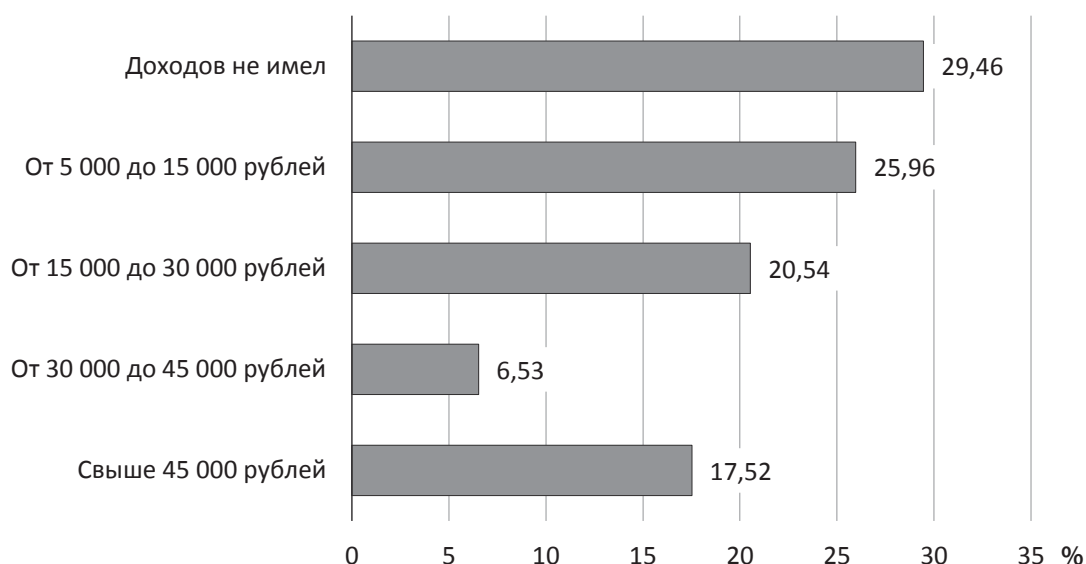

Рис. 7

83,92% опрошенных характеризовали свое материальное положение как среднеобеспеченное, 12,26 — бедствуют, ограничивая себя во всем, 3,82% — имеют высокий достаток (рис. 8).

Оценка респондентами своего материального положения

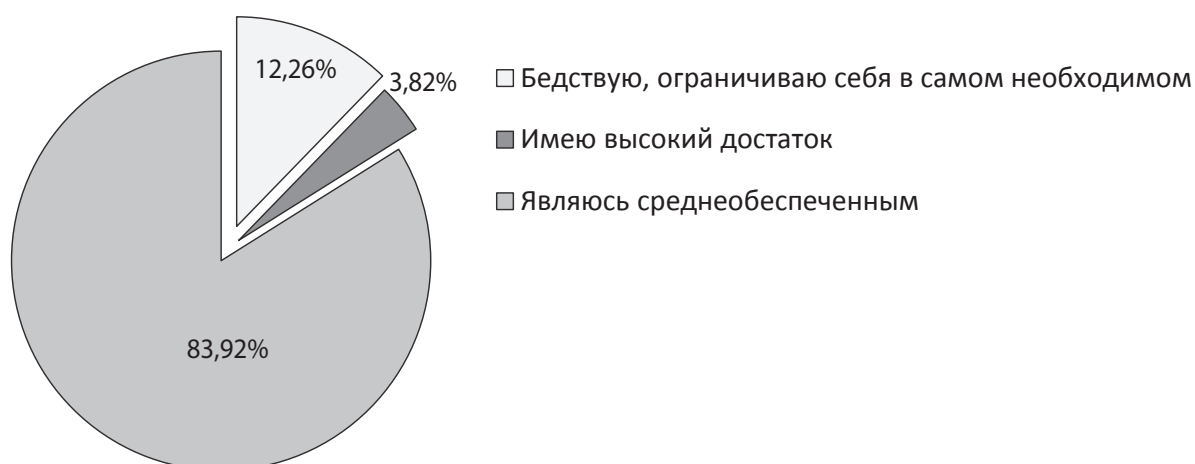

Рис. 8

Ответы студентов на общие вопросы в отношении феномена социального неравенства и особенностей его проявления позволили установить следующее.

Большая часть студентов (79,14%) считает, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство. 10,35% отрицают сам факт его наличия, а 10,51% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о его присутствии или отсутствии в современном мире (рис. 9).

Считаете ли Вы, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство?

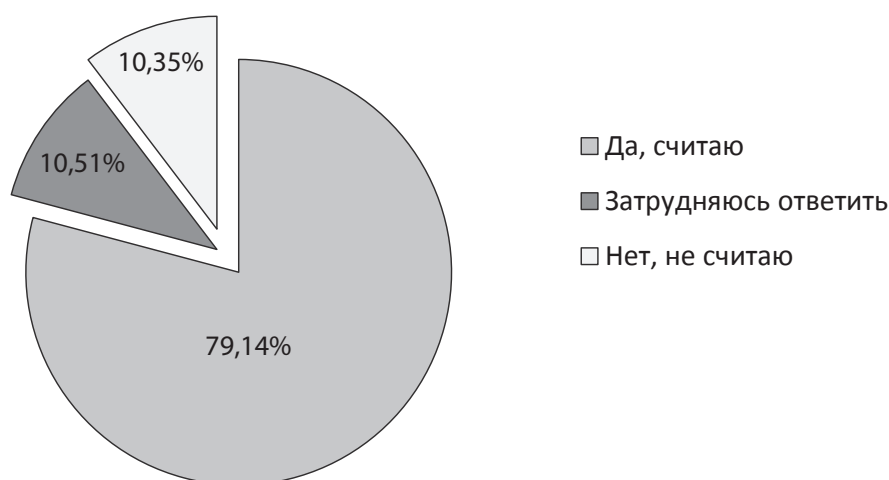

Рис. 9

В сопоставлении с результатами исследования 2019 г.⁴ можно констатировать, что после начала пандемии количество студентов, считающих, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство, увеличилось на 20%.

Среди причин, лежащих в основе социального неравенства, 30,8% студентов отметили расово-этнические причины, которые вышли на первое место среди причин социального неравенства в мире (по оценкам студентов). О том, что в основе социального неравенства лежат экономические причины ответили 19,2% респондентов (второе место). 15,4% молодых людей среди причин социального неравенства отметили культурные причины (третье место). Социальные и индивидуальные причины социального неравенства получили по 7,7% ответов соответственно. Политические и религиозные причины социального неравенства набрали по 3,8% ответов соответственно. 11,5% опрошенных затруднились с определением причин, лежащих в основе социального неравенства (рис. 10).

Какие причины, на Ваш взгляд, лежат в основе острого социального неравенства?

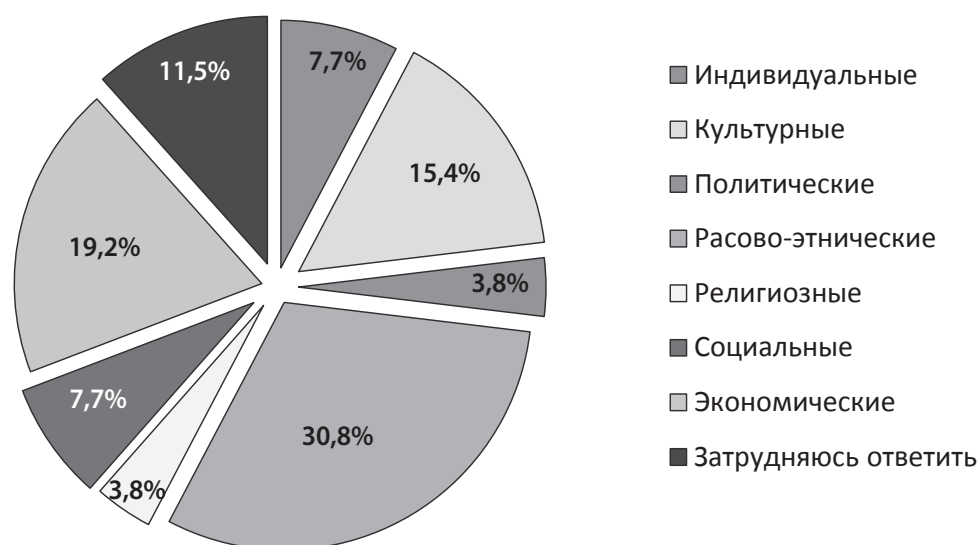

Рис. 10

Анализ ответов молодых людей на вопрос “Какими факторами, на Ваш взгляд, обусловлено социальное неравенство людей?” показал, что, по мнению опрошенных, социальное неравенство в большей степени обусловлено различием статусов, которые люди получают по рождению (19,4% ответов), имущественным различием (14,3% ответов), различием в умственных способностях (13,4%

⁴ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. 2020. № 3. С. 11–25.

ответов), обладанием властью или ее отсутствием (12,3% ответов), природой человека (11,8% ответов).

Также оно обусловлено разницей в особенностях психики (8,7% ответов), разницей в физических способностях (6,9% ответов), разделением общественного труда (6,4% ответов), дискриминацией (5,5% ответов), профессиональной принадлежностью (1,4 % ответов) (рис. 11).

Рис. 11

Весьма интересными, в определенной степени не совпадающими с представлениями о причинах социального неравенства, оказались представления студентов о видах социального неравенства, распространенных в современном мире. По их мнению, самым распространенным видом социального неравенства в современном мире является экономическое неравенство (21,6% ответов).

Затем, достаточно распространенным, по мнению студентов, является неравенство доступа к определенным нематериальным благам (13,1% ответов), неравенство жизненных возможностей (12,3% ответов), гендерное неравенство (10,7% ответов), цифровое неравенство (10,2%), социальная эксклюзия (7,1%), расовое неравенство (6,1% ответов), классовое неравенство (5,2% ответов), этническое, национальное неравенство (3,8% ответов), кастовое неравенство (3,7%), возрастное неравенство (2,8%), религиозное неравенство (2,4%). 1% опрошенных затруднился дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства наиболее распространены в современном мире (рис. 12).

Какие виды социального неравенства, по Вашему мнению, наиболее распространены в современном мире?

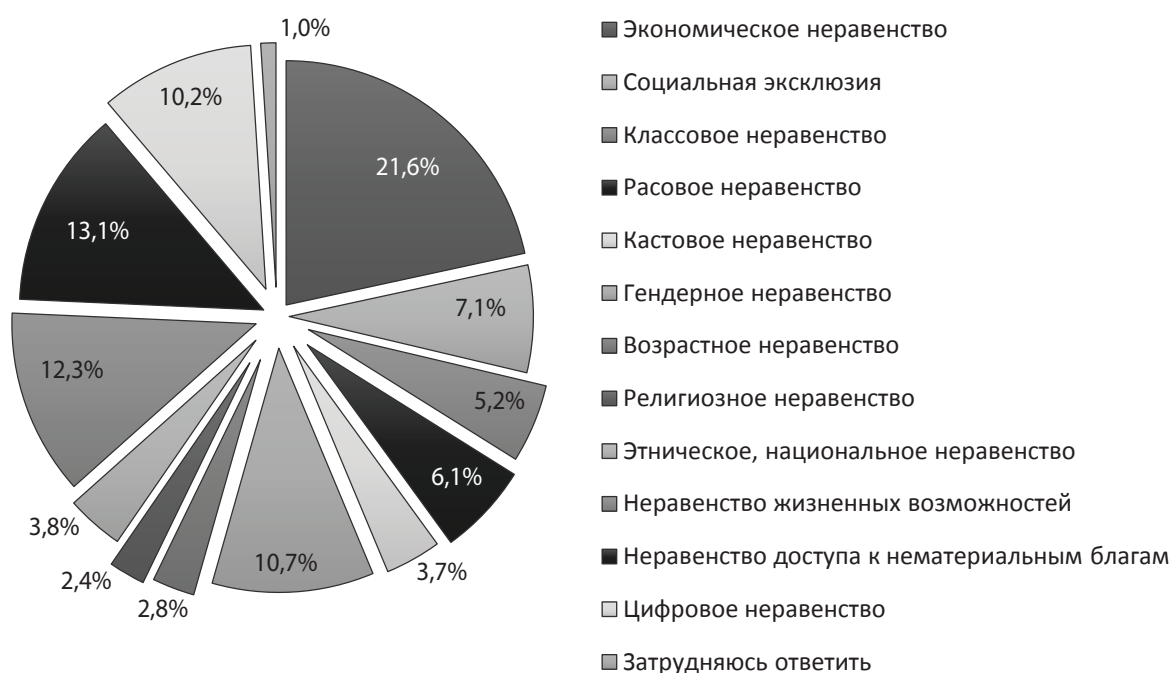

Рис. 12

При этом анализ ответов молодых людей на вопрос анкеты “Существует ли социальное неравенство в современной России?” показал, что, по мнению подавляющего большинства (94,59%) опрошенных, оно однозначно имеет место в современной России. 4,14% — затруднились с ответом на данный вопрос, 1,27% молодых людей считают, что его не существует (рис. 13).

Существует ли социальное неравенство в современной России?

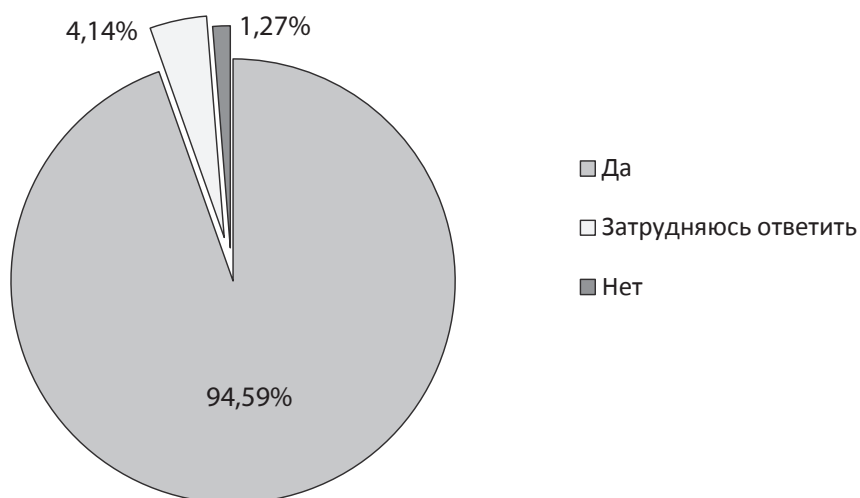

Рис. 13

На следующий вопрос “Какие формы и виды социального неравенства наиболее распространены в современном российском обществе?” ответы респондентов распределились следующим образом. На первом месте по степени распространенности стоит экономическое неравенство. Так, три четверти (76%) молодых людей считают сильно распространенным в современном российском обществе именно экономическое неравенство. О распространенности в России данного вида неравенства также заявили 22% молодых людей, что вместе составляет 98% опрошенных. Также 1% опрошенных затруднился с ответом.

На втором месте по степени распространенности в современном российском обществе (78% ответов), по мнению респондентов, находится неравенство доступа к нематериальным благам (образованию, медицине и др.). О его сильном распространении, а также о распространенности заявили по 39% опрошенных (13% — не согласились с ними, 8% — затруднились с ответом).

На третьем месте по степени распространенности (78% ответов) — неравенство жизненных шансов и возможностей (о его сильном распространении заявили 36% молодых людей, о распространенности — 42%). 13% заявили о его нераспространенности, 8% — затруднились с ответом.

На четвертом месте по степени распространенности в современном российском обществе, по мнению опрошенных, находится классовое неравенство (70% ответов): о его сильном распространении заявили 25% студентов, о распространенности — 45%. 18% заявили о его нераспространенности, 11% — затруднились с ответом.

На пятом месте (67% ответов) — гендерное неравенство (28% ответов — о его сильном распространении и 39% — просто о распространенности). 24% заявили о его нераспространенности, 9% — затруднились с ответом.

На шестом месте (66% ответов) — социальная эксклюзия (о его сильном распространении заявили 17% молодых людей, о распространенности — 49%). 12% заявили о ее нераспространенности, 22% — затруднились с ответом.

На седьмом месте — возрастное неравенство (63% ответов). 17% опрошенных заявили о сильной степени его распространенности и 46% — о его распространенности. 26% заявили о его нераспространенности, 11% — затруднились с ответом.

На восьмом месте, по мнению молодежи, находится этническое, национальное неравенство (62% ответов). О его сильном распространении, как и в 2019 г., заявили 19% молодых людей, о распро-

странённости — 43%. 25% заявили о его нераспространенности, 13% — затруднились с ответом.

На девятом месте (54% ответов) — расовое неравенство (14% ответов — о сильной степени распространенности и 40% ответов — о распространенности). 38% респондентов заявили о его нераспространенности, 8% — затруднились с ответом.

На десятом месте (44% ответов) — цифровое неравенство (11% ответов — о сильной степени распространенности и 33% ответов — о распространенности). 29% заявили о его нераспространенности, 28% — затруднились с ответом.

На одиннадцатом месте (41 % ответов) — религиозное неравенство: о его сильном распространении заявили 12% молодых людей, о распространенности — 29%. 43% заявили о его нераспространенности, 15% — затруднились с ответом.

На последнем двенадцатом месте — кастовое неравенство (26% ответов). О сильной степени его распространенности заявили 4% опрошенных и 22% — о распространенности. 50% заявили о его нераспространенности, 25% — затруднились с ответом (рис. 14).

Рис. 14

Ответы молодых людей также показали, что с проявлениями экономического неравенства очень часто сталкиваются 39% опрошенных, часто — 40, редко — 13, очень редко — 6%. 3% молодых

людей заявили, что никогда не сталкивались с проявлением экономического неравенства.

22,4% студентов постоянно сталкиваются с неравенством доступа к нематериальным благам, очень часто — 27, часто — 29, редко — 19, очень редко — 12, никогда — 13%.

С неравенством жизненных шансов и возможностей очень часто сталкиваются 26% опрошенных, часто — 30, редко — 22, очень редко — 11, никогда — 10%.

19% молодых людей отметили, что очень часто сталкиваются с гендерным неравенством, часто — 27, редко — 29, очень редко — 17, никогда — 16%.

С социальной эксклюзией очень часто сталкиваются 9% опрошенных, часто — 26, редко — 36, очень редко — 13, никогда — 15%.

14% опрошенных очень часто сталкиваются с возрастным неравенством, часто — 14,3, периодически — 27,1, очень редко — 18, никогда — 11%.

С проявлениями этнического, национального неравенства очень часто сталкиваются лишь 12% молодых людей, часто — 24, редко — 25, очень редко — 19, 20% — никогда.

11% молодых людей очень часто сталкиваются с классовым неравенством, часто — 25, редко — 34, очень редко — 14, никогда — 16%.

Как часто Вы сталкиваетесь со следующими проявлениями социального неравенства?

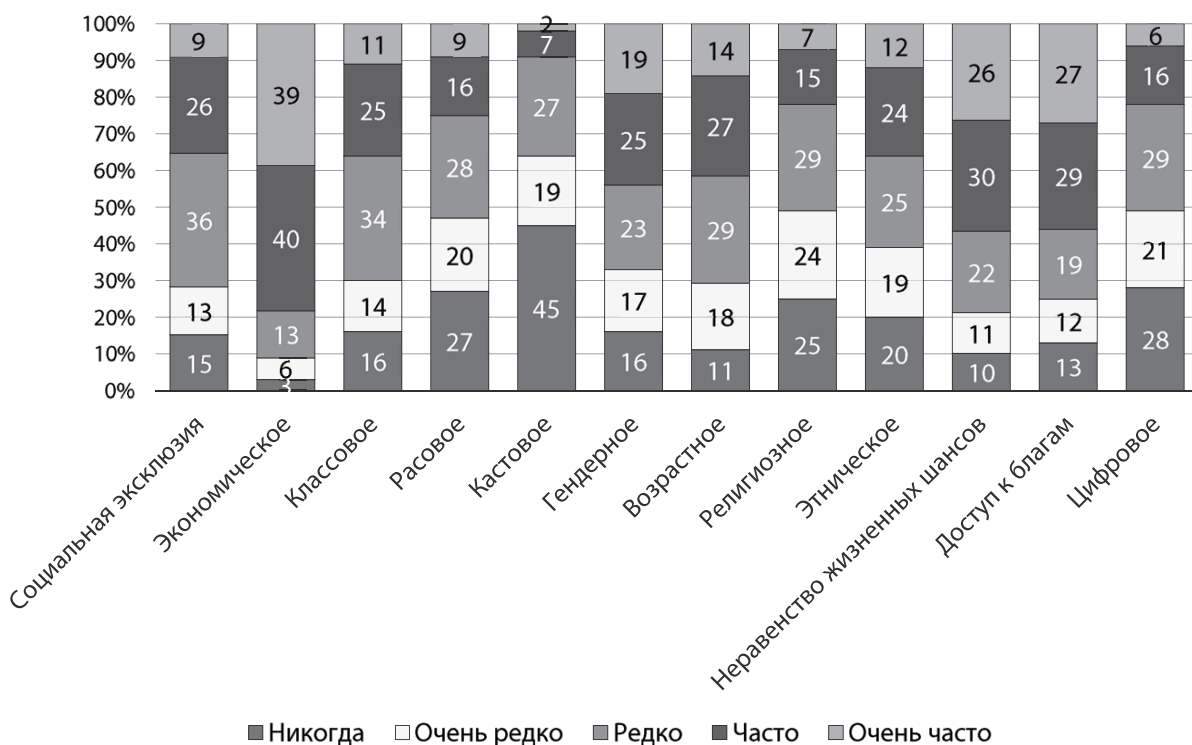

Рис. 15

9% молодых людей, по их утверждениям, очень часто сталкиваются с проявлениями расового неравенства, часто — 16, редко — 28, очень редко — 20, никогда — 27%.

6% опрошенных очень часто сталкиваются с фактами цифрового неравенства, часто — 16, редко — 29, очень редко — 21, никогда — 28%.

Об очень частых проявлениях религиозного неравенства заявили всего 7% молодых людей, о частых — 15, о редких — 29, а об очень редких — 24%. При этом четверть опрошенных (25%) никогда не сталкивалась с проявлениями религиозного неравенства.

С проявлениями кастового неравенства очень часто, по их мнению, сталкиваются 2% молодых людей, 7 — часто, 27 — периодически, 19 — очень редко, никогда — 45%. Хотя, следует отметить, что все они достаточно слабо представляют себе суть подобного неравенства (рис. 15).

Среди причин социального неравенства в России более половины опрошенных (52,8%) указали низкий уровень доходов населения. 14,7% — несправедливое распределение социальных благ, 11,4 — проводимую государством социальную политику, 8 — высокий уровень инфляции, 5,3 — коррупцию, взяточничество, воровство чиновников, 5,1 — неэффективную работу правительства, 1,3% — непрактичность людей, неумение экономить. Остальные причины были указаны менее процентом опрошенных: 0,5% — несовершенство законодательства, 0,2 — внешние обстоятельства, 0,10 — наркомания, 6% — затруднились с ответом на поставленный вопрос (рис. 16).

Рис. 16

На следующий вопрос анкеты “В каких сферах жизнедеятельности социальное неравенство наиболее сильно выражено в России?” ответы молодых людей распределились следующим образом. На первом месте по степени выраженности стоит экономическая сфера (62%). На втором — профессиональная сфера деятельности (18%), на третьем — сфера здравоохранения (14%). Четвертое место — семейная сфера (3%), на пятом — культурная (2%), на шестом месте — сфера досуга (1%) (рис. 17).

В каких сферах жизнедеятельности социальное неравенство наиболее сильно выражено в России?

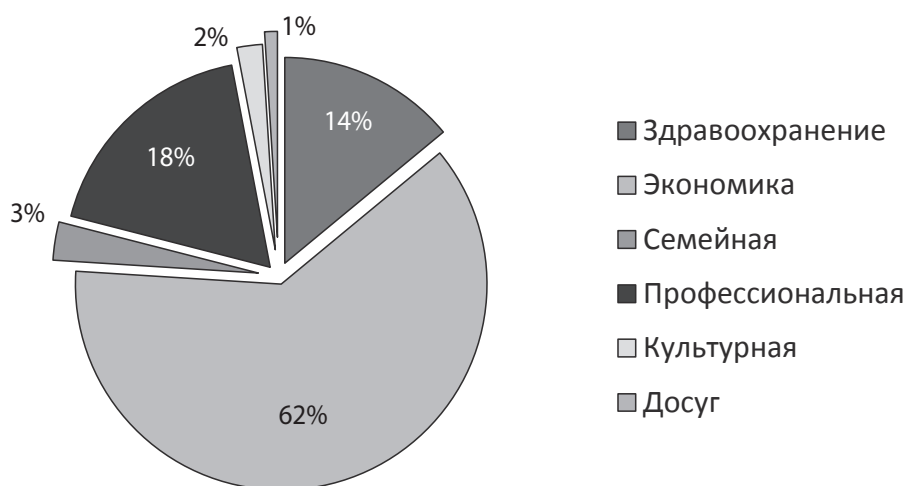

Рис. 17

61,46% молодых людей выразили свое отрицательное отношение к факту существования социального неравенства. 26,59% респондентов относятся к данной проблеме нейтрально и лишь 3,5 — положительно. 8,4% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос (рис. 18).

Каково Ваше отношение к социальному неравенству?

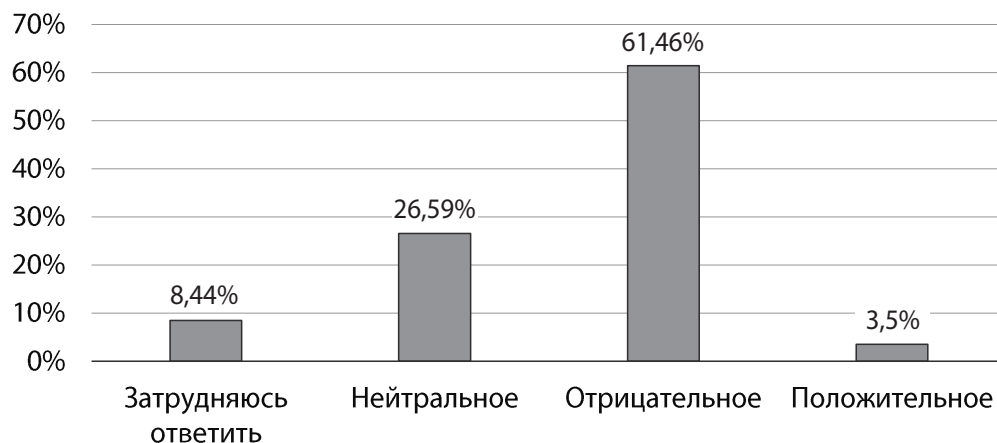

Рис. 18

Результаты исследования показали, что около половины опрошенных молодых людей (45,22%) являются “реалистами” и считают, что искоренить социальное неравенство не представляется возможным. Тем не менее, почти треть респондентов, 28,98%, является “утопистами” и считает, что искоренить социальное неравенство все же можно. Четверть (25,8%) молодых людей затруднилась с ответом на данный вопрос (рис. 19).

Рис. 19

Таким образом, в целом проведенное исследование показало, что российская молодежь имеет адекватное представление о социальном неравенстве, его различных видах, причинах и факторах, его обуславливающих как в мире, так и в России. Со многими видами неравенства молодые люди сталкиваются постоянно или периодически. Самым распространенным видом неравенства как в мире, так и в России, молодыми людьми признается экономическое неравенство, достаточно распространенными, по их мнению, являются неравенство доступа к определенным материальным благам и неравенство жизненных шансов и возможностей.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М., 2018.
- Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования “Ценностные ориентации современной российской молодежи, особенности процесса их формирования и осуществления молодежной политики” // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129.
- Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета.

Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория: Учеб. для обучающихся по направлению подготовки Социология по уровням образования (бакалавриат 39.03.01 и магистратура — 39.04.01). Ч. 2. М., 2020.

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153.

Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. 2020. № 3. С. 11–25. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10301.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г.: Научная монография. М., 2018.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования): Монография. М., 2016.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 46–69. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-46-69>.

REFERENCES

Elishev S.O. Social'noe manipulirovanie molodjozh'ju [Social manipulation of youth]. М., 2018 (in Russian).

Elishev S.O., Talanova K.S. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya "Cennostnye orientacii sovremennoj rossijskoj molodyozhi, osobennosti processa ih formirovaniya i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki" [Results of sociological research "Value orientations of modern Russian youth, peculiarities of their formation and implementation of youth policy"] // Sociologicheskie issledovaniya social'nyh problem sovremennogo rossijskogo obshchestva. Vol. 1. М., 2014. P. 64–129 (in Russian).

Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, Social Anthropology, Social Demography and Social Psychology. 2013. V. 2. N VII.

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya speciaka i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional speciacity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. P. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. Vol. 25. N. 4. P. 124–153. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya: ucheb. dlya obuchayushchihhsya po napravleniyu podgotovki Sociologiya po urovniam obrazovaniya (bakalavriat 39.03.01 i magistratura — 39.04.01). Ch. 2. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6. P. 541–550.

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Dinamika predstavlenij rossijskoj studencheskoj molodezhi o social'no-politicheskikh processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v period s 2013 po 2017 g.: Nauchnaya monograaya [Dynamics of ideas of Russian students about socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in the period from 2013 to 2017: Scientiac monograph]. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Vospriyatie social'nogo neravenstva moskovskimi studentami [Perception of social inequality by Moscow students] // *Obrazovanie i pravo*. 2020. N 3. S. 11–25. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10301 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoj molodezhi moskovskih vuzov o processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Knowledge of Moscow students about the processes, institutions of socialization and the subjects of youth policy in the Russian Federation (based on the 2019 study)] // *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020. Vol. 26. N 1. P. 46–69. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-46-69> (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya): Monograaya [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and implementation of youth policy in the Russian Federation (results of sociological research): Monograph]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political portrait of contemporary Russian student youth // *Journal of Social Studies Education Research*. 2018. Vol. 9. N. 1. P. 28–59.

Osipova N.G., Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlya gorodov [Inequality and uncertainty: modern challenges for cities] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2019. N 1. P. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-26-43

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ П. БУРДЬЕ

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Актуальность работы обусловлена трансформациями современной системы социальной стратификации и возможностей социальной мобильности, а также необходимостью поиска релевантных подходов для их изучения. Статья посвящена реконструкции в целостном виде основных положений теории социальной стратификации П. Бурдье. Его видение социальной структуры современного общества отличается оригинальностью и основано на многочисленных эмпирических исследованиях. В статье анализируются методологические основы и особенности теории социальной стратификации французского социолога. Рассматривается эвристический потенциал одного из современных конструктивистских методологических подходов к анализу социальной стратификации и социальной мобильности. П. Бурдье значительно способствовал тому, что социологическое объяснение современной системы социальной стратификации трансформируется. Он описал основные характеристики социальной структуры постиндустриального общества, главные тенденции ее развития, разработал предложения по использованию некоторых категорий, необходимых для ее объяснения. Разрабатывая собственную теорию габитуса и теорию социального капитала, П. Бурдье предлагает исследовать позицию индивида, которая представлена через стиль жизни. Теория социальной стратификации П. Бурдье может быть применима к проблемам современного социального неравенства. Автор статьи предпринял попытку проследить исследовательскую логику французского социолога, а также показать взаимосвязь различных блоков теории социальной стратификации.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная мобильность, капитал, П. Бурдье.

SOCIAL STRATIFICATION IN THE SOCIOLOGICAL THEORY OF P. BOURDIEU

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof. of History and Theory of Sociology of Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1–33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

The relevance of the work is due to the transformations of the modern system of social stratification and opportunities for social mobility, as well as the need to find relevant approaches for their study. The article is devoted to reconstruction in a holistic form of the main provisions of the theory of social stratification of P. Bourdieu. His vision

of the social structure of modern society is original and based on numerous empirical studies. The article analyzes the methodological foundations and features of the theory of social stratification of the French sociologist. Heuristic potential of one of modern constructivist methodological approaches to analysis of social stratification and social mobility is considered. P. Bourdieu significantly contributed to the fact that the sociological explanation of the modern system of social stratification is being transformed. He described the main characteristics of the social structure of a post-industrial society, the main trends in its development, developed proposals for using some categories necessary to explain it. Developing his own theory of habitus and the theory of social capital, P. Bourdieu proposes to explore the position of the individual, which is represented through a lifestyle. Bourdieu's theory of social stratification can be applied to the problems of modern social inequality. The author of the article made an attempt to trace the research logic of the French sociologist, as well as show the relationship of various blocks of the theory of social stratification.

Key words: social stratification, social mobility, capital, P. Bourdieu.

Одной из главных фигур современной французской социологии является Пьер Бурдьё (1930–2002), разработавший собственную теорию социальной стратификации. Бурдьё — один из самых известных социологов Франции, он был учеником Л. Альтюссера и М. Фуко и внес огромный вклад в общую теорию социологии, социологию образования и культуры, создал оригинальную теорию общества, которая вытекает из его эмпирических исследований самой различной тематики. В 1958 г. ученый уехал в Алжир, где вел преподавательскую деятельность и начал осуществлять эмпирические исследования. Первые социологические работы были посвящены трудящимся и мелким предпринимателям Алжира: “Социология Алжира” (1961), “Труд и трудящиеся в Алжире” (1964). После возвращения из Алжира социолог работал в Лилле и в Париже. В 1975 г. Бурдьё основал Центр европейской социологии, который имел широкие международные контакты и программы. Творчество французского социолога включает более двадцати монографий и сотни статей, многие работы переведены на иностранные языки. Отечественные социологи также проявляют большой интерес к творчеству ученого и активно переводят его труды. Бурдьё разрабатывал проблемы онтологического и социального статуса социологии в современном обществе, социального поля, политических институтов, общественного мнения, политического фетишизма, коммуникативного пространства, социолингвистики. Вместе с тем особое внимание французский социолог уделял проблеме социальной стратификации и социальной мобильности современного общества.

Теория социальной стратификации Бурдьё представляет собой концепцию, которая, во-первых, направлена на решение одной из классических проблем социологии — вопрос о единстве социальной

структуры и социального действия. Во-вторых, преследует цель адекватно отразить современные социальные трансформации. Бурдьё разрабатывает ее путем пересмотра структуралистских и феноменологических подходов к описанию социальной реальности, стараясь дистанцироваться от них. Спецификой его методологического подхода становится введение и использование новых непривычных с точки зрения классической социологической теории категорий. Бурдьё предлагает использовать понятие “агент” в противоположность более привычным индивиду и субъекту. Основой для объяснения становятся “практики агента”, которые непосредственно и логически выражены через “габитус”, “стратегии поведения”, “практическое чувство”. Система специфических терминов, которую предлагает использовать французский социолог, предполагает объяснение не только проблемы социальной стратификации в современном обществе, но также и особенностей воспроизводства в нем противодействия господства и подчинения. Задачей данного теоретического исследования является реконструкция в целостном виде теории социальной стратификации, а также рассмотрение перспективы применения данной теории к изучению современного социального неравенства.

Бурдьё выстраивает свою теорию социальной стратификации через соотнесение с другими значимыми концепциями, прежде всего, это концепции Карла Маркса и Ирвина Гофмана. Главной целью французского социолога является исследование социальных изменений, произошедших в конце XX в., кроме того, он пытается составить современное представление об актуальности теорий этих двух авторов в настоящем и соединить два основных подхода структурной и феноменологической традиции. Теорию социальной стратификации Бурдьё можно разложить на несколько смысловых блоков. Первой составной частью стал пересмотр и критика классовой теории Маркса. Второй — создание теорий габитуса и социального капитала. И наконец, третья часть — это построение теории современной социальной стратификации и социальной мобильности.

Как и многие другие современные социологи, Бурдьё начинает свой анализ с пересмотра классической классовой теории Маркса. Можно заметить, что логика рассуждений французского социолога противостоит обычному теоретизированию в целом, во многих своих работах он обращает внимание на отсутствие самой по себе ценности теоретических конструкций, подчеркивая важность эмпирической социологии. Переосмысливая классовую теорию Маркса, он указывает соответственно на первую ошибку, которой и является

ошибка теоретизирования. Немецкий классик исходит из рассмотрения классов в качестве реальных групп, выводя их из объективной идентичности существования и тех позиций в социальном пространстве, которое занимают индивиды. Рассуждая о системе социальной стратификации, Бурдье замечает, что основная ошибка предшественника состоит в представлении класса в виде реально существующей группы, для которой характерно определенное единство, осознание классовой принадлежности и наличие классового интереса. Второй ошибкой классовой теории французский социолог называет утверждаемый Марксом экономизм. Экономический редукционизм в марксизме наиболее часто подвергается критике современными зарубежными и отечественными социологами. Описывая социальное пространство как многомерное, Бурдье отмечает одну из главных ошибок — сведение многомерного социального пространства к одному экономическому, а точнее к экономическим отношениям производства.

В современной социологии начиная с 70-80-х гг. XX в. новое звучание приобретает дискуссия о классах как элементах социальной структуры общества. Представители теории постиндустриального общества наиболее активно вступают в научные споры по данной проблеме. Все чаще социологи указывают на неадекватность использования категории класса и классовых теорий для объяснения социальной стратификации современного общества. В настоящее время дискуссия продолжается, и класс как аналитическая категория по-прежнему остается одной из основных в социологической науке. Бурдье начинает построение своей теории социальной стратификации с анализа классической классовой теории, и сама категория “класс” используется французским социологом достаточно часто во многих его трудах.

Отождествление такой теоретической конструкции как класс с существующей в реальности активной группой людей Бурдье называет обычной иллюзией. Он утверждает, что «классы, которые можно вычленишь в социальном пространстве... не существуют как реальные группы, несмотря на то что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические “движения”»¹.

В качестве наглядного примера для объяснения собственной логики рассуждения Бурдье указывает на генеалогический анализ. Генеалогическое исследование основано на выделении собственно теоретических единиц. В действительности эти единицы не встре-

¹ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 60.

чаются и не могут являться на практике реально и одновременно существующими группами. Таким же образом классы, с которыми сталкивается социологическая наука, также представляют собой обычные теоретические конструкции. Социология не может отказать от подобных конструкций, поскольку стремится сделать понятной практическую реальность, но, как и в генеалогическом исследовании, эти группы не следует считать автоматически существующими и действительными. Бурдьё называет такие группы “группами на бумаге”. Вместе с тем в обществе существуют и реальные группы разного рода, например, семейные или любые другие, их наличие базируется на постоянном поддержании внутренней связи, что возможно осуществить, прилагая достаточное количество усилий со стороны агентов. Классы, существующие в реальности, будут обладать характеристиками, свойственными любым другим группам: их реальное существование, длящееся даже самое незначительное время, и принадлежность агентов к ним, говоря словами Бурдьё, разыгрывается, обсуждается, выторговывается, конструируется.

Бурдьё указывает на то, что классы в определенных обстоятельствах могут рассматриваться в качестве реально существующих групп, называя такие группы возможными или потенциальными. Если рассматривать классы как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы на обладание сходными диспозициями и интересами, а также на выработку сходной практики и занятия сходных позиций, то в этом случае “класс” позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и поведение, ведущее к объединению в группу. Однако это не реальный класс в смысле группы, а лишь возможный класс².

Бурдьё, опираясь на свои наблюдения, убежден в том, что классы сами по себе не существуют в “социальной реальности”; французский социолог предлагает вместо марксистского понятия “классовая структура” использовать другое, наиболее подходящее в современных условиях, это понятие “социальное пространство”. Сравнивая социальное пространство с географическим, ученый указывает на идентичность реальности их существования и определяет социальное пространство как пространство отношений. Агент может перемещаться в социальном пространстве также как и в географическом. Движение в социальном пространстве зависит от предпринятых агентом усилий, от его непрерывного труда и того

² Бурдьё П. Указ. соч.

количества времени, которое затрачивается на этот труд. Эти наблюдения приводят к представлению о том, что расстояния внутри социального пространства (что также идентично географическому) могут измеряться временем. Бурдьё утверждает, что универсальным эквивалентом в системе социальной стратификации и социальной мобильности, мерой всех эквивалентностей является не что иное, как время, затраченное на труд в самом широком смысле³.

Созданная французским социологом теория полей и теория капитала имеет большое значение для изучения современных систем социальной стратификации. Исследуя социальное пространство, Бурдьё указывает на то, что возможные дистанции между агентами могут быть измерены количеством капитала различного вида. Величина капитала, таким образом, в значительной степени влияет на расстояния между агентами в социальном пространстве и определяет тем самым вероятность принадлежности к существующим в действительности группам, будь то социальные классы, семьи, клубы или любые другие объединения. Бурдьё показывает не только то, что классы не даны нам в вещах, но и то, что они образуются посредством представления и воли. Стать осязаемыми эти группы могут только при условии объективной близости в социальном пространстве.

Бурдьё до некоторой степени является последователем представления о социальном мире как о многомерном пространстве. Подобное видение сложилось еще в классический период развития социологии и встречается у М. Вебера, П. Сорокина, Л. Уорнера. Французский социолог вносит значительный вклад в развитие этих идей, выделяя принципы построения социального мира, такие как дифференциация и распределение, образованные общим количеством действующих свойств, от которых зависит обладание агентом преимуществом, объемом власти, значимостью в обществе. Учитывая выявленные принципы, предлагается установить положение агента или группы агентов по отношению друг к другу в социальном пространстве. Разработанная социологом теория полей, требование учета их множественности помогает рассмотреть положение агентов или групп агентов в каждом из этих полей. В рамках предлагаемого методологического подхода рекомендуется исследовать позиции агентов в каждом из выделенных полей, поскольку в конкретной области изучаемого пространства они не занимают противоположных позиций. Для того чтобы определить положение агента в социальном пространстве и составить общую картину социальной

³ Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 519–536.

стратификации следует проанализировать его нахождение в различных полях, говоря иначе, его положение будет определено в соответствии с распределением ресурсов внутри каждого отдельного поля. Ресурсы Бурдьё называет капиталом и выделяет в разных своих работах различные виды этого капитала, но в качестве основных видов можно вычлени́ть экономический капитал в разных его формах, культурный, социальный, а также символический капитал, который традиционно называют репутацией, престижем, статусом, именем.

Каждое из отдельных полей требует внимательного изучения, поскольку каждое из них обладает особой структурой. Структура конкретного поля формируется в процессе распределения сил между агентами. Французский социолог уделяет большое внимание исследованию полей и выявляет наличие в них специфических интересов и особых “правил игры”, которые действуют и имеют значение только в рамках данного конкретного поля, их нельзя перенести в другие поля, поскольку там они не будут иметь никакого смысла. Вместе с тем можно заметить, что структура поля является подвижной, непрерывно изменяющейся в результате того, что она формируется соотношением сил и борьбой между агентами.

Систему социальной стратификации современного общества следует рассматривать, по мнению автора, опираясь на теорию полей и теорию капитала. Отношения неравенства агентов или групп агентов устанавливаются посредством формы распределения и сочетания разных видов капитала, эта форма проявляется локально в пространстве и времени. Таким образом, позиции агентов могут быть определены объективно исходя из их положения в этих отношениях. Положения агентов в системе социальной стратификации могут быть признаны социально, выражены в социальном статусе, зафиксированы юридически. Бурдьё пишет: “В реальности социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, т.е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства: внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию, и те, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу”⁴.

Рассуждая о реальном существовании классов, Бурдьё утверждает, что класс может существовать при условии существования людей, называющих себя тем или иным классом, если они говорят об этом публично, официально, а также если они являются теми пред-

⁴ Бурдьё П. Социология политики. С. 82.

ставителями агентов, которые будут признаны членами различных групп, таких как народ, нация, класс или любой другой социальной общности. Вообще, “группа, класс, род, регион, нация начинают существовать для тех, кто туда входит, и для всех остальных лишь тогда, когда они отличаются по какому-либо основанию от других групп, то есть, узнаны и признаны”⁵. Таким образом, Бурдьё использует категорию “класс”, под которой понимаются группы, различающиеся не только своим положением в системе экономических отношений, но и группы, имеющие собственный “стиль жизни”, отражающий форму их приспособления к своему положению в социальной структуре.

Следует признать большую ответственность ученых, производящих различное видение социального пространства в современных условиях. Имея большой опыт вовлеченности в политическую работу с 90-х гг. XX в., Бурдьё написал ряд трудов, имеющих значение для социологии политических процессов: “Нищета мира”, “Социология политики”, “О государстве”, “Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики”, “Политическая онтология Мартина Хайдеггера” и др.⁶ Используя свой опыт политической работы, французский социолог приводит в пример тот факт, что политическая работа, также как и работа социолога, бывает ориентирована на создание социальных классов, или каких-то других реальных групп, имеющих постоянные органы представительства. Успех такой работы напрямую зависит от учета близости агентов в социальном пространстве. Создавая политические течения или сообщества, также как и в случае создания классов, по мнению Бурдьё, следует принимать во внимание факт нахождения людей в одном секторе социального пространства. Вместе с тем ученый указывает на возможности построения социального мира исходя из других принципов. Другие основания деления и представления также могут сделать мир осязаемым в реальности. В такого рода деятельности ученых и политиков нужно иметь в виду, что группы, в основе конструирования которых заложен принцип учета структуры социального пространства, окажутся в большей степени устойчивыми по сравнению с другими формами группировок, подверженных риску разрушения и оппозиции. Объяснить этот факт можно исключительно близостью или отдаленностью агентов в социальном пространстве, при этом особое значение будут иметь экономические и культурные различия. Бур-

⁵ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 205.

⁶ Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М., 2003; Он же. О государстве: курс лекций в Колледж де Франс (1989–1992). М., 2017; Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., 2001.

дье утверждает невозможность объединения любого с любым. При этом французский социолог не отрицает наличия и использования других принципов построения и организации агентов, таких как этнические или национальные.

Бурдье обращает внимание еще на один важный факт при рассмотрении системы социальной стратификации, это вопрос о соотношении той, претендующей на объективность классификации, которую производит ученый, и той, которую непрерывно производят агенты, находясь в социальном пространстве⁷. Непременнo следует учитывать, что социальная реальность является также и объектом восприятия для агентов. Это означает, что социолог должен исследовать в качестве объекта и саму реальность и ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют в этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве. Для каждого агента представление о пространстве, в котором он находится, зависит от его собственного положения в нем. На положение индивида влияет общая величина капитала, сложенная из разных его видов, а также имеет значение структура капитала или относительный вес всех его видов в общей сумме, которой располагает индивид.

Бурдье разрабатывает теорию капитала, представляющую основу для современной теории социальной стратификации. Здесь категория “капитал” становится центральной и в общем виде определяется социологом как накопленный труд⁸. Для того чтобы адекватно описать строение и функционирование социального мира, необходимо обратиться к категории “капитал” во всех ее значениях и рассматривать все виды капитала: экономический, культурный, социальный и символический. В своей статье “Формы капитала” социолог подробно их представляет. Экономический капитал является самым понятным и привычным для исследования, он свободно конвертируется в деньги, а также может быть зафиксирован правом собственности. Культурный капитал представляется более сложным, его тоже возможно преобразовать в экономический капитал, он может существовать в форме образовательных квалификаций. Бурдье описывает три состояния культурного капитала: инкорпорированное, объективированное и институционализированное. Получение и приумножение культурного капитала зависит, как замечает Бурдье, главным образом от его величины, накопленной

⁷ Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 10.

⁸ Бурдье П. Формы капитала. С. 519–536.

в семье, и от количества свободного времени, которое индивид может затратить на его обретение. В свою очередь эту возможность обеспечивает экономический капитал, отдавая необходимый выход на рынок труда. Со временем культурный капитал стремится функционировать символически (язык, свойства внешности и т. д.). Социальный капитал также может трансформироваться в экономический и быть представлен, например, в форме аристократического титула. “Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе”⁹. Членство в группе дает агентам опору в виде коллективного капитала. Объем этого коллективного капитала, по мнению Бурдье, может изменяться, он зависит, во-первых, от величины сети связей, которые индивид может эффективно мобилизовать, а во-вторых, также от объема всех видов капитала (экономического, культурного, социального, символического), которым в свою очередь обладает каждый из тех, кто с ним связан. Таким образом, социальный капитал является зависимым от других видов капитала. Как и любой другой вид капитала социальный может и должен воспроизводиться. Воспроизводство социального капитала основано на непрерывной работе, направленной на формирование социальных связей, установление серии обменов, в ходе которых признание будет постоянно утверждаться и подтверждаться. Бурдье пишет: “Существование сети связей не является естественной или даже социальной данностью, сконструированной раз и навсегда в результате первоначального акта институционализации и представленной (как в случае семейной группы) генеалогическим определением родственных связей, характеризующих то или иное социальное образование. Эти связи являются продуктом нескончаемой работы по институциональному оформлению, ключевые моменты которого обозначаются соответствующими обрядами институционализации (часто неверно описываемыми как обряды, связанные с изменением социального статуса). Сети связей необходимы для построения и воспроизведения длительных, полезных отношений, позволяющих сохранять материальную или символическую прибыль”¹⁰.

В соответствии с теорией Бурдье, различные виды капитала могут проистекать из экономического. В ряде своих работ именно экономический капитал выделяется французским социологом в

⁹ Бурдье П. Формы капитала. С. 528.

¹⁰ Там же. С. 530.

качестве основного. Однако как подчеркивает автор, это возможно только ценой определенных усилий по трансформации этого капитала в другой, усилий, необходимых для производства того типа власти, которая была бы эффективной в рассматриваемом поле. Учитывая это, действительно универсальным эквивалентом и мерой всех эквивалентностей можно назвать время, затраченное на труд.

В современной социологической литературе встречается критика относительно использования категории “капитал” французским социологом, якобы возвращающая исследователей к дискурсу классической классовой теории. Однако следует отметить, что данная категория была выбрана автором не случайно, поскольку именно она способна отражать основные свойства рассматриваемых ресурсов, характерных в классической теории для экономического капитала, таких как самовозрастающая стоимость, накопление, обмен, передача, различные возможности конвертации, способность приносить прибыль и т.п.

Согласно концепции Бурдьё в общем виде капитал представляет собой власть над полем в данный момент времени, а более точно — власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд, обеспечивая в конечном итоге агенту власть над доходами и прибылью. Отдельные виды капитала Бурдьё сравнивает с козырями в игре, которые являются властью, формирующей шансы на выигрыш в данном поле. Каждому полю соответствует особый вид капитала (экономический, культурный, социальный и символический капиталы). Ученый подчеркивает, что власть над распределением капиталов становится в современном обществе основным ресурсом, определяющим жизненные шансы агентов.

На основании своих эмпирических исследований Бурдьё создает концепцию факторов социальной стратификации, опираясь на разработанную им теорию различных типов капитала. Типология факторов социальной стратификации в концепции Бурдьё представлена следующим образом: экономический (доход, собственность), культурный (образование, нормы и ценности группы), социальный (семья, социальные связи), символический (средства коммуникации, например, язык). Данные факторы социальной стратификации достаточно устойчивы и приемлемы для анализа социальной структуры любого общества, при этом комбинации стратификационных систем могут быть различными. В зависимости от типа социальной иерархии, характера распределения власти и собственности, экономического развития и природы культурно-символических различий определяется значимость того или иного фактора.

Необходимо определить, что автор называет символическим капиталом, поскольку именно символический капитал приобретает решающее значение в оформлении системы социальной стратификации современного общества. Бурдье пишет: “Символический капитал — это доверие и власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание”¹¹. Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов. И только тогда, когда описание верно, адекватно вещам, оно создает вещи. В этом смысле символическая власть есть власть утверждения или проявления, возможность утвердить и проявить то, что уже существует¹². Некоторые последователи и сторонники идей Бурдье в области разработки проблемы символического капитала и его значения для современного общества отмечают, что современный этап в развитии общества следует называть символическим капитализмом и считать его новой общественно-экономической формацией (в терминологии Маркса), поскольку мы имеем дело с новым способом производства — символическим капиталом, лежащим в основе данной формации¹³.

В своих исследованиях социальной стратификации Бурдье использует и такую категорию, как “социальный статус”. Социальный статус индивида в теории Бурдье — понятие многомерное, зависящее от масштабов контролирования тех или иных ресурсов, которые при определенных обстоятельствах приобретают форму капитала и приносят индивиду прибыль (экономическую, социальную, символическую, культурную), что и предопределяет его место в социальной системе. Агенты обладают определенными свойствами, которые функционируют в действительной социальной жизни в виде знаков. Наблюдаемые различия действуют как различительные знаки и как знаки отличия (позитивного или негативного). В соответствии с теорией Бурдье через распределение свойств социальный мир объективно представляется в виде символической системы, и система социальной стратификации превращается в пространство стилей жизни и статусных групп, которые характеризуются различными стилями жизни. Социальный мир обретает статус символической системы. Различия, проявляющиеся в социальном пространстве “спонтанно”, начинают функционировать символически в виде пространства стилей жизни, а система социальной стратификации

¹¹ Бурдье П. Начала. С. 204.

¹² Там же..

¹³ Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: философский подход // Известия Томского политехнического университета. Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 325. № 6. С. 75.

предстает как совокупность групп, характеризующихся различным стилем жизни. Речь идет об обладании агентами разным объемом власти, которая будет пропорциональна символическому капиталу и признанию, получаемому от группы. В работе “Начала” Бурдьё указывает на наличие символической борьбы, и определяет ее как борьбу за власть производить и навязывать легитимное видение мира. В системе социальной стратификации современного общества решающее значение имеют отношения символической власти, в них отражаются объективные властные отношения. Для социального пространства характерно постоянное вовлечение в символическую борьбу агентов, использующих весь потенциал своего символического капитала, полученного в течение прошлой борьбы. Символический капитал может быть подтвержден юридически, например, в виде дворянского титула или диплома и т.д. В конечном счете это приводит к борьбе за “производство здравого смысла”, за “монополию легитимной номинации”. Агенты, обладающие внушительным объемом символического капитала, могут претендовать на установление целей, ценностей, “правил игры”, соответствующих их собственным интересам. Бурдьё пишет: “В действительности в обществе всегда есть конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, то есть конструировать группы”¹⁴.

Французского социолога часто представляют последователем идей Маркса, Вебера и других предшественников из истории социологической теории¹⁵. Однако сам ученый дает ответ на вопрос о том, насколько он опирается на разработки других социологов и следует их логике, и в особенности это касается вопроса о символическом капитале и символической борьбе, имеющим решающее значение в формировании системы социальной стратификации. Говоря о символической борьбе, Бурдьё не считает себя ни марксистом, ни веберистом. По его мнению, вопрос “является ли какой-то автор марксистом, дюркгеймистом или веберистом” не дает почти никакой информации о данном авторе. Сам социолог отмечает свое прагматичное отношение к другим ученым и рассматривает их как “компаньонов” в традиционном, ремесленном смысле этого слова, у которых можно попросить помощи в трудных ситуациях.

В качестве завершающего аккорда общей теории социальной дифференциации и стратификации Бурдьё вводит понятие

¹⁴ Бурдьё П. Начала. С. 203.

¹⁵ Неделевская И.Г. Классовый подход Бурдьё: реконструкция исследовательской логики // Вестник МДУ имени М.М. Кулешова. Экономика, социология, право. 2020. № 2 (56). С. 75–82.

“габитус”, которое продолжает быть одним из самых спорных в современной социологии. Использование категории “габитус” вызывало скорее неприятие со стороны отечественной академической науки в начале 90-х гг. XX в., поскольку было непривычным и не укладывалось в логику привычных рассуждений о социальной стратификации. В настоящее время исследователи стараются лучше понять значение данной категории в творчестве Бурдьё¹⁶. Вместе с тем оказалось, что категория габитуса органично вплетена в теорию социальной стратификации французского социолога. Габитус фиксирует позицию индивида в социальном пространстве, с одной стороны, и позволяет представить это социальное пространство как пространство, создаваемое в практиках, — с другой. Автор уделяет огромное внимание данной категории и дает различные определения в ряде своих работ. “Габитус — это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления”¹⁷. Значительная часть работы “Социология политики” посвящена объяснению содержания категории “габитус” и ее ценности для современной социологии. По мнению Бурдьё, габитус есть продукт характерологических структур определенного класса условий существования, т.е. экономической, социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости, что находит выражение в пространстве стилей жизни агентов¹⁸. Габитус состоит из диспозиций действия, мышления, оценивания, ощущения.

Бурдьё подчеркивает порождающую способность диспозиций, учитывая их социальную обусловленность. “Габитус — совокупность черт, которые приобретает индивид, диспозиции, которыми он располагает, или, иначе говоря, — свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, некоторого опыта”¹⁹. Бурдьё подходит к выводу о том, что именно габитус ответственен за систематический характер совокупности практик агента (или группы агентов, являющихся продуктом сходных условий), который оказывается результатом применения идентичных схем, и одновременно с этим систематически отличается от практик, образующих другой стиль жизни.

¹⁶ Шматко Н.А. “Габитус” в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 1. № 2. С. 60–70; Рубцова О.В. Значение категории “габитус” в социальной философии Пьера Бурдьё // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 178–180.

¹⁷ Бурдьё П. Социология политики. С. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 46.

Ученым было отмечено, что различные условия существования производят различные габитусы. Практики, порожденные различными габитусами, “предстают как организованные конфигурации свойств, выражающих различия, которые объективно вписаны в условия существования в виде систем дифференциальных расхождений”²⁰. Позиция агента определяется через все то, что отличает ее от всего того, чем она не является, и, в особенности, от всего того, чему она противопоставляется. Социальная идентичность, таким образом, определяется и утверждается в различии. Стили жизни, по Бурдье, предстают систематической производной от габитусов.

Сделаем некоторые выводы. Рассматривая классовую теорию К. Маркса, Пьер Бурдье приходит к заключению о том, что необходимо отказаться от теории классов. Учитывая современные социальные изменения, общество не может быть объяснено посредством теории закрытых групп. Французский социолог показывает, что понять современную стратификацию общества невозможно без учета всех видов капитала, при этом необходимо выявлять законы, посредством которых различные формы капитала превращаются друг в друга, а также возможные прибыли и вероятности их воспроизводства. Разрабатывая собственную теорию габитуса и теорию социального капитала, Бурдье предлагает исследовать позицию индивида, которая представлена через стиль жизни. Теория социальной стратификации Бурдье может быть применима к проблемам современного социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
Бурдье П. Начала. М., 1994.
Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.
Бурдье П. Практический смысл. СПб.; М., 2001.
Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М., 2003.
Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М., 2004. С. 537–565.
Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 519–536.
Бурдье П. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М., 2007.
Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2007.
Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.
Бурдье П. О государстве: курс лекций в Колледж де Франс (1989–1992). М., 2017.

²⁰ *Бурдье П.* Формы капитала. С. 539.

Воронцов А.В., Громов И.А. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.

Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: философский подход // Известия Томского политехнического университета. Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 325. № 6. С. 75–80.

Максимов А.А. Французская социология последней трети XX века: основные парадигмы // Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб., 2003. С. 498–518.

Неделева И.Г. Классовый подход Бурдьё: реконструкция исследовательской логики // Вестник МДУ имени М.М. Кулешова. Экономика, социология, право. 2020. № 2 (56). С. 75–82.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46.

Осипова Н.Г. Источники и виды социального неравенства // Общая социология. Основы современной социологической теории / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2017. С. 246–268.

Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 7–25.

Рубцова О.В. Значение категории “габитус” в социальной философии Пьера Бурдьё // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 178–180.

Современные социологические теории: Э. Гидденс, Ю. Хабермас, П. Бурдьё // Наука. Культура. Общество. 2010. № 4. С. 112–125.

Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.

Федорова С.А. Современные концепции социальной структуры: от интегративных теорий к теориям потоков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2 (85). С. 46–59.

Шматко Н.А. “Габитус” в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 1. № 2. С. 60–70.

Шматко Н.А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии. Т. 4. СПб., 2000. С. 386–403.

Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.

REFERENCES

- Burdé P. Sociologija politiki [Sociology of politics]. M., 1993 (in Russian).
Burdé P. Nachala. [Beginnings]. M., 1994 (in Russian).
Burdé P. Struktura, gabbitus, praktika [Structure, habitus, practice] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1998. T. 1. N 2. P. 44–59 (in Russian).
Burdé P. Prakticheskij smysl [Practical meaning]. SPb.; M., 2001 (in Russian).
Burdé P. Politicheskaja ontologija Martina Hajdeggera [Political ontology of Martin Heidegger]. M., 2003 (in Russian).

Burdė P. Razlichenie: social'naja kritika suzhdenija [Distinction: social criticism of judgment] // Zapadnaja jekonomicheskaja sociologija: hrestomatija sovremennoj klassiki / Sost. i nauch. red. V.V. Radaev. M., 2004. P. 537–565 (in Russian).

Burdė P. Formy kapitala [Forms of capital] // Zapadnaja jekonomicheskaja sociologija: Hrestomatija sovremennoj klassiki. M., 2004. P. 519–536 (in Russian).

Burdė P. Vosproizvodstvo: jelementy teorii sistemy obrazovanija [Reproduction: elements of the theory of the education system]. M., 2007 (in Russian).

Burdė P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki [Social space: fields and practices]. SPb., 2007 (in Russian).

Burdė P. Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Burdė P. O gosudarstve: kurs lekcij v Kolledzh de Frans (1989–1992) [On the State: lecture course at the College de France (1989–1992)]. M., 2017 (in Russian).

Demidova M. V. Social'naja stratifikacija v uslovijah simvolicheskogo kapitalizma: filosofskij podhod [Social stratification under symbolic capitalism: philosophical approach] // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-gumanitarnye tehnologii. 2014. T. 325. N 6. P. 75–80 (in Russian).

Fedorova S.A. Sovremennye koncepcii social'noj struktury: ot integrativnyh teorii k teorijam potokov [Modern concepts of social structure: from integrative theories to theories of flows] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. T. XIX. N 2 (85). P. 46–59 (in Russian).

Gunn S. Translating Bourdieu: cultural capital and the English middle class in historical perspective // British Journal of Sociology. 2005. Vol. 56. N 1. P. 49–64.

Maksimov A.A. Francuzskaja sociologija poslednej treći XX veka: osnovnye paradigmy [French sociology of the last third of the twentieth century: the main paradigms] // Gromov I.A., Mackevich A.Ju., Semenov V.A. Zapadnaja sociologija. SPb., 2003. P. 498–518 (in Russian).

Nedelevskaja I.G. Klassovyy podhod Burdė: rekonstrukcija issledovatel'skoj logiki [Bourdieu's approach to social class: reconstruction of research logic] // Vestnik MDU imeni M.M. Kuleshova. Jekonomika, sociologija, pravo. 2020. N 2 (56). P. 75–82 (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstvo v jepohu globalizacii: sushhnost', instituty, regional'naja specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2014. N 2. P. 22–46 (in Russian).

Osipova N.G. Istochniki i vidy social'nogo neravenstva [Sources and types of social inequality] // Obshhaja sociologija. Osnovy sovremennoj sociologicheskoy teorii / Pod red. N.G. Osipovoj. M., 2017. P. 246–268 (in Russian).

Poljakova N.L. Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikah povsednevnosti: istoricheskaja perspektiva [The formation of social inequality in the everyday practices: the historical perspective] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2018. T. 24. N 4. P. 7–25 (in Russian).

Rubcova O. V. Znachenie kategorii "gabitus" v social'noj filosofii P'era Burdė [The meaning of the category "habitus" in the social philosophy of Pierre Bourdieu] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. N 4 (78). P. 178–180 (in Russian).

Shmatko N.A. "Gabbitus" v strukture sociologicheskoy teorii ["Gabbitus" in the structure of sociological theory] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. T. 1. 1999. N 2. P. 60–70 (in Russian).

Shmatko N.A. Geneticheskij strukturalizm P'era Burd'e [Genetic structuralism of Pierre Bourdieu] // Istorija teoreticheskoy sociologii. T. 4. SPb., 2000. P. 386–403 (in Russian).

Shmatko N.A. Prakticheskie i konstruirovannyye social'nye gruppy: dejatel'nostno-aktivistskij podhod [Practical and constructed social groups: activist approach] / Rossiya: transformiruyushchiesya obshchestvo. M., 2001 (in Russian).

Sovremennyye sociologicheskie teorii: Je. Giddens, Ju. Habermas, P. Burd'e [Modern sociological theories: E. Guiddens, J. Habermas, P. Burdier] // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2010. N 4. S. 112–125 (in Russian).

Socioanaliz P'era Burd'e [Socioanalysis of Pierre Bourdieu] Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk. M.; SPb., 2001 (in Russian).

Voroncov A.V., Gromov I.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sociologii P. Burd'e [Theoretical and methodological foundations of sociology P. Bourdieu] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2010. N 4. P. 82–102 (in Russian).

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-44-64

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ЧЕРНОКОЖИХ В США В 60-е гг. XX в. НА ПРИМЕРЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

А.А. Шумаков, канд. ист. наук, доц. кафедры гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, просп. Ленина, д. 53, г. Тула, Российская Федерация, 300000*

В данной работе рассматриваются и подробно исследуются ключевые теоретические аспекты и ведущие идейно-политические направления Движения за права чернокожих США в 1960-е гг. В качестве основных источников автор использует работы и речи самых известных его представителей, таких как: Мартин Лютер Кинг, Малкольм Икс, Стокли Кармайл, Хьюи Перси Ньютон, Роберт Сил, Элдридж Кливер, выделяя основные направления и доминирующие на различных этапах развития указанного явления тенденции. В качестве основного метода исследования предлагается материалистическая диалектика. Это дает возможность рассмотрения феномена Движения за права афроамериканцев непосредственно в развитии. Автор не только проводит сравнительный анализ различных течений и идейно-политических воззрений наиболее выдающихся представителей указанного движения, но и делает это в динамике, объясняя природу и механизм происходящих качественных изменений с помощью законов материалистической диалектики. В частности, в качестве основного тезиса он отмечает, что во второй половине 1960-х гг. на смену противостоящим друг другу классическим концепциям интеграционизма и черного национализма, лежащим в основе определения пресловутой амбивалентности афроамериканского сознания, приходят революционный черный национализм и революционный социализм, отрицающие два предыдущих направления и одновременно тесно связанные с ними. В качестве вывода предлагается концепция понимания качественных трансформаций в идеологии и практике Движения за права чернокожих в США. Также автором проводятся параллели с сегодняшним подъемом социально-расового движения, происходящим в рамках все того же дискурсивного поля, которое окончательно сформировалось именно в 1960-е гг. Это дает автору возможность сделать прогноз по дальнейшему развитию ситуации в США и непосредственно самого Движения.

Ключевые слова: Движение за права чернокожих, Движение за гражданские права, материалистическая диалектика, интеграционизм, черный национализм, Мартин Лютер Кинг, Малкольм Икс, Партия “Черная пантера”, Стокли Кармайл, Хьюи Перси Ньютон, Роберт Сил, Элдридж Кливер, Джордж Флойд, *Black Lives Matter*.

* Шумаков Андрей Андреевич, e-mail: takamori@rambler.ru

DIALECTICS OF THE DEVELOPMENT OF THE BLACK RIGHTS MOVEMENT IN THE UNITED STATES IN THE 60S OF THE XX CENTURY ON THE EXAMPLE OF ITS OUTSTANDING REPRESENTATIVES

Shumakov Andrey A., candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Humanities of the Tula branch of the Plekhanov Russian University of Economics, e-mail: takamori@rambler.ru

This paper examines and explores in detail the key theoretical aspects and leading ideological and political trends of the Movement for Black Rights in the United States in the 1960s. As the main sources, the author uses the works and speeches of its most famous representatives, such as: Martin Luther King, Malcolm X, Stokely Carmichael, Huey Percy Newton, Robert Seal, Eldridge Cleaver, highlighting the main trends that dominate at various stages of the development of this phenomenon. Materialistic dialectics is proposed as the main directions and research method. This makes it possible to consider the phenomenon of the Movement for the Rights of African Americans directly in development. The author not only conducts a comparative analysis of various trends and ideological and political views of the most prominent representatives of this movement, but also does it in dynamics, with reference to a specific historical context, explaining the nature and mechanism of qualitative changes taking place using the laws of materialistic dialectics. In particular, as the main thesis, he notes that in the second half of the 1960s. the opposing classical concepts of integrationism and black nationalism, which underlie the definition of the notorious ambivalence of african-american consciousness, are replaced by revolutionary black nationalism and revolutionary socialism, which deny the two previous trends and are at the same time closely related to them. As a conclusion, the concept of understanding the qualitative transformations in the ideology and practice of the Black Rights Movement in the United States is proposed. The author also draws parallels with the current rise of the socio-racial movement, which take place within the same discursive field, which was finally formed in the 1960s. This gives the author the opportunity to make a forecast for the future development of the situation in the United States and the Movement itself.

Key words: Black rights movement, Civil rights Movement, materialist dialectics, integrationism, black nationalism, Martin Luther King Jr., Malcolm X, Black Panther Party, Stokely Carmichael, Huey Percy Newton, Robert George Seale, Leroy Eldridge Cleaver, George Perry Floyd Jr., Black Lives Matter.

Тема преодоления “институционального расизма”¹ в США в последнее время вновь вышла на первый план. Причиной этого стал небывалый подъем протестного движения. Вспыхнувшие сразу после убийства в Миннеаполисе 25 мая 2020 г. сотрудником местной полиции темнокожего гражданина Джорджа Флойда массовые манифестации и беспорядки уже привели к существенным социально-политическим трансформациям и оказали заметное влияние как на внутреннюю американскую, так и на международную поли-

¹ Сам термин был введен в употребление Стокли Кармайклом в 1967 г.

тическую повестку. Сегодня их называют самыми масштабными и продолжительными с 1960-х гг., когда Соединенные Штаты точно так же сотрясали мощнейшие социальные волнения, а расовый вопрос находился в самом центре общественного внимания.

Главным и безусловным отличием от социально-расовых волнений тех лет является то, что несмотря на масштабность и продолжительность американские протесты 2020–2021 гг. крайне трудно поддаются идентификации и, как следствие, критическому анализу. Их очень сложно отнести к какому-либо конкретному типу массовых общественно-политических выступлений, равно как и выделить доминирующую идеологию. Спустя год с момента начала уличных акций манифестанты так и не выдвинули из своих рядов более-менее заметных лидеров, способных говорить от имени всего движения или хотя бы значительной его части, не сформулировали единой программы действий, а их цели, состав и идеологическая платформа для подавляющего большинства исследователей и простых обывателей по-прежнему представляются весьма неопределенными.

Формальным лидером протестов чаще всего называется интернациональное движение *Black Lives Matter*. Однако говорить о каком-либо контроле над происходящими выступлениями со стороны данного объединения не приходится. Далеко не все протестующие разделяют его идеологию, равно как и декларируемую BLM тактику ненасильственного сопротивления. Некоторые, например, лидеры другого афроамериканского объединения — NFAC, и вовсе открыто заявляют о максимальном дистанцировании от данного движения и приверженности идеологии “черного национализма” и вооруженной самообороны², в то время как третьи, например Antifa, напротив, придерживаются в основном леворадикальной риторики, озвучивая даже призывы к свершению социалистической революции в США³.

Собственно именно этим и объясняется тот невероятный разброс мнений по поводу оценки и трактовки указанных процессов, определения социальной и идеологической природы данного явления, его значения и прогнозирования последствий развития этого конфликта. В ходе своих научных изысканий исследователи и публицисты нередко приходят к диаметрально противоположным выводам, даже опираясь на один и тот же фактический материал.

² Leader of radical black-only militia NFAC ‘believes in violence’ & wants a real-life Wakanda for every black person in America. URL: <https://www.rt.com/usa/495109-nfac-black-militia-blm/>

³ Socialism and dignity: a job is a right! URL: <https://www.struggle-la-lucha.org/2020/06/30/socialism-and-dignity-a-job-is-a-right/>; Social class, capitalism and the murder of George Floyd. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/06/11/pers-j11.html>

По мнению автора, основная проблема подобного подхода заключается в том, что происходящие сегодня “социально-расовые” волнения в США нельзя рассматривать вне исторического контекста. В этой связи представляется особенно актуальным проведение диалектического анализа эволюции Движения за права чернокожих в 60-е гг. XX в. на основе рассмотрения ключевых идеологических концепций и взглядов его ведущих представителей. Выполнив данную задачу, мы сможем не только проследить генезис и динамику внутренних изменений, но и предложить свой концептуальный взгляд на развитие указанного феномена в обозначенный период, а также провести необходимые параллели с днем сегодняшним и предложить объяснение природы текущих процессов.

Почему выбраны именно эти хронологические рамки? Руководствуясь терминологией *Карла Ясперса*, 60-е гг. XX в. вполне можно назвать “осевым временем” в истории Движения за права чернокожих в США. Ведь именно в этот период произошли качественные изменения в его структуре и идеологии, а само движение фактически достигло периода своего наивысшего расцвета, выдвинув из своих рядов сразу несколько ярких и харизматичных лидеров и теоретиков, таких как *Мартин Лютер Кинг*, *Малкольм Икс*, *Стокли Кармайкл*, *Хьюи Перси Ньютон*, *Роберт Сил* и *Элдридж Кливер*, каждый из которых не только внес неоценимый вклад в его развитие, но и на определенных этапах претендовал на то, чтобы стать голосом всего протестно настроенного чернокожего населения США. Кроме того, именно в 1960-е гг. произошло четкое и окончательное размежевание между основными идейно-политическими течениями внутри движения, а значит, именно тогда сформировалось дискурсивное поле, в рамках которого данный феномен продолжает развиваться и по сей день.

“Негритянская революция” Мартина Лютера Кинга

Для подавляющего большинства исследователей центральной в истории Движения за права чернокожих в США является фигура баптистского проповедника Мартина Лютера Кинга. Последний несмотря на довольно распространенное мнение не был первым афроамериканским интеграционистом и даже не был первым афроамериканским апологетом учения ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди, попытавшимся создать на данной основе массовое движение⁴, но именно этому человеку удалось сформулировать

⁴ К примеру, в марте 1942 г. в Чикаго был создан Конгресс расового равенства (CORE), который находился под сильнейшим влиянием идей ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди и сыграл важнейшую роль в деятельности Движения за гражданские права.

ключевые положения идейной доктрины интеграции негров в американское общество и, что более важно, на ее основе объединить широкие слои населения. Его идеи и предложенную стратегию ненасильственного сопротивления в разное время называли революционными, оппортунистскими и даже предательскими по отношению все к тому же афроамериканскому населению, тем не менее, нельзя не признать, что именно они оказали ключевое влияние на развитие Движения за права чернокожих. Именно поэтому логично было бы начать основную часть данного исследования именно с рассмотрения идейно-политических воззрений данного общественного деятеля.

Стоит отметить, что Кинг не сразу пришел к пониманию необходимости и эффективности применения тактики ненасильственного сопротивления и соответствующей философии. По словам самого Мартина, поворотным моментом его жизни стало знакомство с идеями Генри Торо, изучение опыта индийской революции Махатмы Ганди и отчасти раннехристианской теологии. *«В студенческие годы в Мурхаузе я в первый раз прочитал “Очерки по социальному неповиновению” Торо, — писал Кинг в своей первой книге. — Очарованный его идеей отказа от сотрудничества с этой несправедливой системой, я был настолько потрясен, что несколько раз перечитал эту работу. Это был мой первый духовный контакт с теорией ненасильственного сопротивления»*⁵. *«Однажды в воскресенье днем я поехал в Филадельфию, чтобы услышать проповедь доктора М. Джонсона, президента Хоувордского университета, — продолжал Мартин. — Доктор Джонсон накануне вернулся из поездки в Индию и, что меня особенно заинтересовало, говорил о жизни и учении Махатмы Ганди. Его сообщение было настолько глубоким и зажигательным, что, покинув собрание, я купил полдюжины книг о жизни Ганди и его собственные труды. Как и большинство, я слышал про Ганди, но серьезно его никогда не изучал. Во время чтения я был совершенно покорен его кампаниями в поддержку ненасильственного сопротивления. Особенно поразил меня Соляной Марш к морю и огромное число его сторонников. <...> Когда я углубился в изучение философии Ганди, мой скептицизм относительно силы любви значительно ослабел, и я впервые увидел ее реальную способность действовать в сфере социальных реформ. До чтения Ганди я пришел к выводу, что мораль Иисуса является эффективной только для личных отношений. Мне представлялось, что принципы “подставь-те другую щеку”, “возлюбите врагов ваших” имели практическую*

⁵ King M.L. *Stride toward freedom: the Montgomery story* (King legacy). Boston, 2010. P. 78.

ценность и там, где индивиды конфликтовали друг с другом; там же, где был конфликт между расовыми группами или нациями, был необходим другой, более реалистичный подход. Но после прочтения Ганди я осознал, что ошибался»⁶.

Безусловно, одним из основополагающих факторов взлета популярности Кинга стал успех бойкота автобусных линий в Монтгомери в 1955–1956 гг., закончившийся признанием практики расовой сегрегации в общественных автобусах Монтгомери неконституционной и фактически сделавший Кинга общепризнанным лидером Движения за гражданские права, а также без какого-либо преувеличения — фигурой национального масштаба. Именно тогда Кинг окончательно утвердился в правильности своих взглядов и чрезвычайной эффективности выбранной тактики. Вот что он писал в той же работе: *“Когда протесты начались, мой разум, сознательно или неосознанно, был возвращен к Нагорной проповеди с ее возвышенным учением о любви и методу ненасильственного сопротивления Ганди. По мере того, как проходили дни, я видел силу ненасилия все больше и больше. Переживание фактического опыта протеста ненасилия стало большим, чем метод, на который я дал интеллектуальное согласие; это стало образом жизни. Многие из вещей, которые у меня были не выяснены интеллектуально относительно ненасилия, сейчас были решены в сфере практических действий”⁷.*

Примечательно, что в то время Кинг старался сознательно избегать употребления слова “революция”, в крайнем случае, заявляя лишь о предпосылках некой социальной революции, которая, как он напишет позднее, уже тогда медленно развивалась в колыбели Конфедерации⁸. В то время Мартин Лютер рассказывал об эволюционном пути развития и методе социальных реформ, как о единственно верном. Впрочем, в самом начале 1960-х гг. взгляды Кинга заметно радикализируются, и он начинает говорить о “негритянской революции” и необходимости решительных действий. По словам самого Мартина, именно Монтгомери стал психологически поворотным моментом для американских негров в их борьбе с сегрегацией и местом рождения той самой революции⁹.

В 1964 г. выходит работа Кинга с говорящим названием “Почему мы не можем ждать”, где он заявляет о начале бескровной “негритянской революции”. При этом Мартин Лютер остался верен тактике

⁶ King M.L. Op. cit. P. 83–84.

⁷ Ibid. P. 89.

⁸ Ibid. P. 26.

⁹ King M.L. The autobiography of Martin Luther King Jr. / Ed. by C. Carson. N.Y., 1998. P. 107.

проведения ненасильственных акций прямого действия, принципу интернационализма и идее необходимости интеграции чернокожего населения в американское общество. *“Когда мы говорим, что негр хочет абсолютной и немедленной свободы и равенства, — писал Мартин, — не в Африке или в каком-то воображаемом государстве, но прямо здесь, сегодня на этой земле, ответ тревожно лаконичен для людей, которые не уверены, что хотят в это верить. И все же это факт”*¹⁰. Как видим, Кинг категорически отвергал панафриканизм, стремительно набиравший популярность в то время.

В 1965 г. Движение за гражданские права переживает очевидный кризис, вызванный кровавыми событиями в Сельме и последующим принятием закона об избирательных правах, который многие долгое время воспринимали как главную цель движения. Последнее теряет поддержку со стороны значительной части белого населения и американского истеблишмента, посчитавшей “негритянскую революцию” завершенной. Сам же Кинг, констатируя кризис, попытался найти выход из сложившейся ситуации, сформулировав новую цель движения — осуществление равенства¹¹. Однако его идеи уже не были восприняты не только белыми, но и большей частью чернокожих активистов, посчитавших их слишком утопичными и неопределенными. Ну а после “Марша против страха” в июне 1966 г., начатого Джеймсом Мередитом, происходит радикализация Движения за гражданские права. На первый план выходит лозунг “Власть черным!” (Black Power) бывшего сподвижника Кинга Стокли Кармайкла, возглавлявшего на тот момент одно из самых влиятельных объединений — Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (SNCC).

Сам Мартин оставался верен своим взглядам и критиковал новую доктрину, призывая вернуться к прежней тактике ненасильственного сопротивления. Вот что он писал по этому поводу: *«В прошлом году тактика прямых ненасильственных действий — в который уж раз — объявлялась похороненной. Предлагалось заменить ее новой тактикой. Лозунг “власть черным!” представлялся доктриной, столь притягательной для негров, что с ней не могла соперничать никакая другая. Мятежи и беспорядки были провозглашены новой формой борьбы, в результате чего всякая организованная демонстрация оплевывалась и превозносилось необузданное сопротивление. Однако оказалось, что лозунг “власть черным” не имеет ни программы, ни реального будущего. И если очевидно, что спор о*

¹⁰ King M.L. Why we can't wait (King legacy). Boston, 2010. P. 114.

¹¹ Ibid. P. 3.

тактике борьбы еще не решен, то столь же очевидно и то, что еще не найдена никакая другая форма борьбы, которая могла бы с успехом соперничать с тактикой прямых ненасильственных действий»¹².

Во второй половине 1960-х гг. риторика Кинга приобретает все большую остросоциальную окраску, а главной целью движения объявляется преодоление экономического неравенства и борьба с бедностью. *“Негритянское движение неоправимо подорвало сами устои сегрегации на Юге, — писал он в 1967. — Объединяясь в различные организации и союзы, негры сплотили силы для того, чтобы вынести свои требования на повестку дня. Более того, они накопили силу, достаточную, чтобы изменить и характер, и существо этих требований. От отдельных вопросов, касающихся человеческого достоинства, они ушли далеко вперед — к программе, затрагивающей основы социальной и экономической жизни. На данном этапе развития негритянского движения его программа затрагивает вопросы экономического неравенства, в чем бы оно ни выражалось, далеко выходя за рамки чисто расовых отношений. В эту борьбу включаются и белые бедняки, создавая возможность организации нового мощного союза белых и черных американцев”*¹³.

Тем не менее, как показали дальнейшие события, интеграционистская концепция Кинга, его остросоциальная риторика, равно как и тактика ненасильственного сопротивления, больше не находили большого отклика у протестно настроенной части негритянского населения, посчитавшего ее исчерпанной и даже вредной на данном этапе. Вследствие подобных количественных изменений в Движении за права чернокожих в США происходят существенные качественные практические и идеологические изменения: интеграционизм отходит на второй план, уступая место “черному национализму”.

“Черная революция” Малкольма Икс

Пример Стокли Кармайкла в этом отношении весьма показателен, так как дает ключ к пониманию механизма данной диалектической трансформации. Изначально сторонник Мартина Лютера Кинга, активный член, а после — председатель SNCC, в 1966 г. он полностью разочаровывается в Движении за гражданские права и выдвигает новую доктрину “Власть черным!” (“Черная власть”). Вот, как Кармайкл описал подобные метаморфозы: *«Сторонники Black Power отвергают старые лозунги и бессмысленную риторику прошлых лет борьбы за гражданские права. Вчерашний язык действительно*

¹² King M.L. Where do we go from here: chaos or community? P. 18.

¹³ King M.L. Where do we go from here: chaos or community? P. 17.

не имеет значения: прогресс, ненасилие, интеграция, боязнь “белой реакции”, коалиция¹⁴. Давайте посмотрим на риторику и увидим, почему эти условия должны быть отменены или переопределены»¹⁵. Идея интеграции отбрасывалась Стокли полностью. “Мы отвергаем цель ассимиляции в американский средний класс, — писал он в своей совместной работе с Чарльзом Гамильтоном, — потому что ценности этого класса сами по себе антигуманистичны, и потому что этот класс как социальная сила только закрепит расизм”¹⁶.

Теперь доминирующей концепцией среди активной части афроамериканской молодежи становится “черный национализм”. Кармайкл описывал эти метаморфозы следующим образом: “Революционный путь говорит, что мы ведем освободительную войну. Для того чтобы вести освободительную войну, вам нужна идеология национализма. У нас нет страны, а значит, не может быть никакого национализма, кроме черного. Безумно думать о чем-то еще. Черный национализм должен быть нашей идеологией”¹⁷.

Концепцию “черного национализма” Кармайкл, как он сам неоднократно признавался, по большей части почерпнул у другого лидера Движения за права чернокожих Малкольма Икс, трагически погибшего в феврале 1965 г. Собственно его гибель во многом способствовала подъему радикальных настроений среди активной части афроамериканского населения.

Вообще Малкольма Икс на всех этапах его активной общественной деятельности отличал чрезвычайный радикализм суждений и максимализм. В своем обосновании “черного национализма” почти всегда он доходил до крайности. К примеру, заявлял о невозможности сосуществования черного и белого человека, называл последнего “библейским дьяволом”¹⁸ и предрекал Белой Америке божий суд и скорую гибель¹⁹. В своих рассуждениях до марта 1964 г. Малкольм опирался на ультраправую политическую риторику и радикальную теологию лидеров “Нации Ислама” Уоллеса Фарда Мухаммада и Элайджи Мухаммеда, но при этом сама религия играла лишь вспомогательную роль в его политико-философских построениях. “Ни-

¹⁴ Имеется в виду коалиция с белыми, активно принимавшими участие в акциях Движения за гражданские права.

¹⁵ Ture K., Hamilton C. Black power: the politics of liberation. N.Y., 1992. P. 47.

¹⁶ Ture K., Hamilton C. Op. cit. P. 40.

¹⁷ Carmichael S. Stokely speaks: black power back to Pan-Africanism. Chicago, 2007. P. 119.

¹⁸ Malcolm X. The end of white world supremacy: four speeches by Malcolm X / Ed. by B. Karim. N.Y., 2001. P. 81.

¹⁹ Ibid. P. 179.

*какая религия никогда, — говорил он, — не заставит меня забыть о положении наших людей в этой стране. Никакая религия никогда не заставит меня забыть о продолжающейся борьбе с собаками против наших людей в этой стране. Никакая религия не заставит меня забыть о полицейских дубинках, которые проходятся по нашей голове. Никакой Бог, никакая религия, никакое ничто не заставит меня забыть все это*²⁰.

Взгляды Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икс как нельзя лучше подходят для проведения сравнительного диалектического анализа в качестве конкретного примера единства и борьбы противоположностей. Первый выступал за интеграцию темнокожего населения в американский социум и боролся против сегрегации, второй — за полное отделение²¹. Мартин верил в возможность преобразования американского общества, Малкольм долгое время находил это совершенно невозможным в силу хищнической природы белого человека²². Кинг проповедовал ненасильственное сопротивление, Малкольм же открыто высмеивал последнего и других лидеров Движения за гражданские права за такой подход. *“Революции никогда не бывают мирными, никогда не бывают во имя любви к врагу, никогда не бывают ненасильственными”*, — говорил он²³. Даже самую успешную акцию движения — “Марш на Вашингтон” в августе 1963 г. — Малкольм Икс назвал “цирком”, а его участников — “клоунами”²⁴. В отличие от ярко выраженного пацифиста Мартина Лютера Кинга Малкольм постоянно заявлял о праве афроамериканцев на самооборону любыми доступными средствами и праве на максимальное возмездие “расистским агрессорам”²⁵. Кинг был сторонником классического просвещения чернокожего населения и черпал примеры успешной социально-освободительной борьбы непосредственно из американской истории, нередко ссылаясь на авторитет отцов-основателей и основополагающие законодательные акты. Малкольм же, напротив, полностью отрицал “расистское” законодательство и историю США как историю рабства, дискриминации и угнетения, которое началось с прибытием пилигримов на корабле “Мэйфлауэр”²⁶, и вообще категорически отказывался идентифицировать себя со

²⁰ *Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements* / Ed. by G. Breitman. N.Y., 1990. P. 70.

²¹ *Malcolm X. The end of white world supremacy...* P. 99.

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.* P. 202.

²⁴ *Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements.* P. 16.

²⁵ *Ibid.* P. 75–76.

²⁶ *Ibid.* P. 4–5.

страной рождения. Мартин был убежденным интернационалистом, Малкольм позиционировал себя как ярко выраженного черного националиста, что впрочем, никогда не мешало ему обвинять своего оппонента в узости взглядов и исключительной заикленности на внутренней американской повестке. Кинг опирался на просвещенный средний класс, Малкольм апеллировал к низам негритянского общества, презрительно называя представителей среднего класса “домашними неграми”²⁷. И наконец, социальной “негритянской революции” Кинга, Малкольм открыто противопоставлял национально-освободительную “черную революцию”. *«Негритянская “революция” контролируется этим белым правительством, — утверждал он. — Лидеры негритянской “революции” (лидеры Движения за гражданские права) субсидируются, находятся под влиянием и контролем белых либералов. И все демонстрации, которые проходят в этой стране для десегрегации обеденных прилавков, театров, общественных туалетов и т.д., являются всего лишь искусственными пожарами, зажженными и раздутыми белыми либералами в их отчаянной надежде, что они смогут использовать эту искусственную революцию для борьбы с настоящей черной революцией, которая уже вытеснила белое превосходство из Африки, Азии, и выметает его из Латинской Америки, и также сейчас проявляет себя здесь, среди черных масс в этой стране»*²⁸. При этом сами определения “черного национализма” и соответственно “черной революции” у него постоянно менялись — от борьбы против белых угнетателей²⁹ до борьбы с капитализмом и последним его оплотом — Соединенными Штатами³⁰. Малкольм позднее даже увязывал все это в одной формуле: *“Для белого человека невозможно верить в капитализм и не верить в расизм. Вы не можете иметь капитализм без расизма”*³¹.

Исследователи довольно часто фокусируются на рассмотрении еще одного важного и, казалось бы, вполне очевидного противоречия между христианским мировоззрением Мартина Лютера Кинга и мусульманским Малкольма Икс. Данную интерпретацию можно принять лишь с существенной оговоркой, что речь идет исключительно о теологии “Нации ислама”, которая неотделима от “черного национализма”, на чем, к слову, и сам Икс постоянно акцентировал внимание в своих выступлениях. Согласно его видению, христианство представляет собой белый национализм, а

²⁷ *Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements.* P. 11.

²⁸ *Malcolm X. The end of white world supremacy: four speeches by Malcolm X.* P. 202.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements.* P. 69.

³¹ *Ibid.*

ислам — черный. Христианство порабощает негров, в то время как ислам освобождает их. Христианство разделяет негров, ислам объединяет их. Христианство учит, что черное — это проклятие, ислам учит, что “быть черным — это счастье”. Христианство призывает черных любить белых и быть ненасильственными по отношению к ним. Ислам побуждает черных любить себя, не подставлять другую щеку друг к другу, но защищать их. Христианство учит, что “ад находится в земле, куда мы идем после нашей смерти”. Ислам учит, что “ад здесь, в Северной Америке”. Христианство — это западная религия, приверженцы которой в основном встречаются в Европе, Северной и Южной Америке. Ислам — это восточная, небелая религия, чей “обширный мир простирается от китайских морей до солнечных берегов Западной Африки”³². Таким образом, и здесь мы видим продолжение той самой диалектической логики развития.

После того как Малкольм вышел из “Нации ислама” в марте 1964 г., его взгляды претерпевают существенную трансформацию. Он заявляет о том, что США все же могут избежать насильственной революции и Божьего суда, отказывается от своих слов и обвинений в адрес лидеров Движения за гражданские права и даже делает ряд очевидных шагов, направленных на сближение. Например, призывает своих оппонентов выйти из-под “юрисдикции Дяди Сэма” и начать совместную борьбу за права человека вместо гражданских прав³³. Данное сближение стало возможно не только благодаря смягчению риторики Малкольма, но и сосредоточению обоих лидеров на критике капитализма, милитаризма (войны во Вьетнаме) и социального неравенства, позволившему Кингу и Икс найти общую идеологическую базу. Незадолго до своей трагической кончины Малкольм был близок к тому, чтобы сделать следующий шаг и отказаться и от черного национализма, но преждевременная кончина не позволила ему сделать этого. Примечательно, что спустя некоторое время к аналогичным выводам придет и Стокли Кармайл, когда объявит свое “наступление на американский капитализм”.

В итоге в очередной раз накопление внутренних противоречий привело к качественным изменениям внутри движения за права чернокожих, которые мы можем видеть на примере изменения риторики его самых выдающихся представителей. Ряд исследователей рассматривает интеграционизм и национализм как этапы развития указанного феномена. В их представлении картина выглядит следующим образом: до 1965 г. преобладала идеологическая концепция

³² *Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements; Cone J.H. Martin & Malcolm & America: a dream or a nightmare. N.Y., 1991. P. 232–233.*

³³ *Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements. P. 83.*

и стратегия Мартина Лютера, а после событий в Сельме, убийства Малкольма Икс, принятия закона об избирательных правах среди протестно настроенной части афроамериканского населения начали доминировать идеи черного национализма. На взгляд автора такая трактовка в принципе отражает происходящее, но лишь с оговоркой о долгосрочном параллельном развитии обоих направлений. Все-таки нужно учитывать, что концепции черного национализма и интеграционизма оформились еще в середине XIX в., что связано с деятельностью двух других известных лидеров Движения за права афроамериканцев и признанных антагонистов Мартина Робинсона Делани³⁴ и Фредерика Дугласа³⁵, и долгое время развивались параллельно, активно конкурируя между собой и взаимодополняя друг друга³⁶. В 1960-е гг. их антагонизм достиг пика, что мы могли видеть на вышеприведенных примерах, и был преодолен.

Кризис интеграционизма был связан с достижением ряда поставленных задач и, как следствие, с началом борьбы за углубление достигнутых преобразований. Естественно, в этой связи радикальный черный национализм на первых этапах казался более подходящей и привлекательной идеологией для протестно настроенной части чернокожего населения. Но проблема состоит в том, что носил он исключительно реакционный характер и не предлагал реальной альтернативы, позитивной программы и стратегии ее реализации, а главное — напрямую был связан с тем же интеграционизмом. Кризис последнего вполне очевидным и вполне логичным образом повлек за собой и кризис “черного национализма”. В итоге во второй половине 1960-х гг. оба направления теряют популярность среди протестно настроенной афроамериканской молодежи, в то время как на первый план выходят революционный социализм и революционный национализм, отрицавшие обе указанные концепции и одновременно с этим являвшиеся их полноправными преемниками.

Революционный социализм и национализм

Здесь вновь в качестве примера развития и внутренней диалектики движения можно привести эволюцию политико-философских взглядов все того же Кармайка, который еще будучи председателем SNCC (с мая 1966 г.), начал сотрудничать с леворадикальной органи-

³⁴ Мартина Робинсона Делани обычно называют “отцом черного национализма”.

³⁵ Шумаков А.А. Жизнь Мартина Робинсона Делани и эволюция его идейно-политических взглядов // Вестник БГУ. 2021. №1 (47). С. 141–153.

³⁶ Шумаков А.А. Проблема появления “черного национализма” в США // Приднестровский научный вестник. 2020. Т. 3. № 8. С. 53–64.

зацией «Партия “Черная пантера”», а после ухода с указанного поста в мае 1967 г. стал ее “почетным” премьер-министром. Так же как в свое время международное турне заставило отчасти пересмотреть свои взгляды Малкольма Икс, так и Стокли Кармайкл пришел к противоположным выводам после своего “80-дневного кругосветного путешествия”³⁷, вот только роль Мекки исполнила Гавана, где он принял участие в конференции. *«Это был невероятный момент, больше, чем просто захватывающий, — напишет он позднее. — Это было открытие, вдохновляющее и умопомрачительное. Я имею в виду, здесь были братья и сестры со всего мира, особенно из “третьего мира”, которые борются за освобождение человечества от колониализма, экономической эксплуатации и абсурдного и пагубного принципа, что корпоративная прибыль, индивидуальный эгоизм и жадность могут быть эффективной основой для социальной организации и достойного человеческого взаимодействия. Я чувствовал, мы чувствовали, мы были среди друзей и союзников общей приверженности, многие из которых, как ожидалось, будут арестованы, когда они вернутся домой. Так много разных групп и лиц, все это в некотором роде было борьбой с несправедливостью и неравенством, а также во имя улучшения человечества»*³⁸. Также как и в случае с Малкольмом Икс и Мартином Лютером Кингом, во второй половине у Кармайкла можно видеть нарастание антикапиталистической риторики. Еще в сентябре 1966 г. в статье “Чего мы хотим” он напишет: *“Таким образом, общество, которое мы стремимся построить среди чернокожих людей, не является капиталистическим. Это общество, в котором преобладает дух общности и гуманистической любви”*³⁹. В дальнейшем в работах Кармайкла можно видеть постоянные отсылки к работам классиков марксизма-ленинизма, теорию которого, по его собственным словам, Стокли изучил досконально. При этом в отличие от других лидеров «Партии “Черная пантера”», Кармайкл так и не стал последовательным марксистом и социалистом, а главное — не отказался от своих революционно-националистических взглядов, что послужит главной причиной их дальнейшего идейного расхождения.

Организация «Партия “Черная пантера” за самооборону» появилась в мае-июне 1966 г. благодаря усилиям студентов Оклендского колледжа Хьюи Перси Ньютона и Роберта Сила, находившихся,

³⁷ Carmichael S., Thelwell M. Ready for revolution: the life and struggles of Stokely Carmichael (Kwame Ture). N.Y., 2005. P. 564.

³⁸ Carmichael S., Thelwell M. Ready for revolution... P. 582.

³⁹ Carmichael S. “What we want” // The New York Review of Books. 1966. 22 Sept. Vol. 7. P. 5–6, 8. URL: https://web.mit.edu/21h.102/www/Primary_source_collections/Civil_Rights/Carmichael.htm

по их словам, под “всепроникающим влиянием” Малкольма Икса и его идеи о необходимости вооружения⁴⁰. Эволюция идейно-политических воззрений “Черных пантер” в этом отношении также весьма показательна. Сам Ньютон в своей знаменитой речи в Бостонском колледже 18 ноября 1970 г. опишет ее следующим образом: *«В 1966 году мы называли нашу партию партией черных националистов. Мы называли себя черными националистами, потому что полагали, что все наши проблемы решит национальная независимость. Вскоре после этого мы решили, что на самом деле то, что нужно, — это революционный национализм, то есть национализм плюс социализм. Когда мы проанализировали реальные условия несколько глубже, то обнаружили, что эта идея неосуществима и даже противоречит сама себе. Тогда мы поднялись на более высокий уровень осознания. Мы поняли, что для того, чтобы стать свободными, нам нужно сокрушить правящую элиту, а для этого надо объединиться с различными народами мира. И мы стали называть себя интернационалистами. <...> Но поскольку не существует ни одной нации, и поскольку Соединенные Штаты на самом деле являются империей, мы не можем быть интернационалистами. Все эти преобразования и новые явления заставляют нас теперь называть себя “интеркоммуналистами”, потому что нации трансформировались в сообщества (communities). И теперь Партия черных пантер отказывается от интернационализма и выступает за интеркоммунизм»*⁴¹. Последний термин был придуман и введен в оборот непосредственно Ньютоном.

Несмотря на громкие заявления лидеров, идеологию “Черных пантер” с полным основанием можно рассматривать как своеобразный синтез интеграционизма Мартина Лютера Кинга и “черного национализма” Малкольма Икса. Это стало понятно уже в октябре 1966 г. после выхода их главного документа — Платформы и программы «Партии “Черная пантера”» “Чего мы хотим. Во что мы верим”. Данная программа отвергала тактику ненасильственных акций Движения за гражданские права, но при этом содержала требования расширения и обеспечения соблюдения тех самых социально-политических и экономических прав. Сюда входило: предоставление автономии негритянской общине, обеспечение полной занятости чернокожему населению, обеспечение его “приличным” жильем и одеждой, получение образования, создание справедливой и беспристрастной судебной системы, проведение судебной реформы,

⁴⁰ Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. М., 2003. С. 69.

⁴¹ Newton H.P. To die for the people. N.Y., 1972. P. 31–32.

освобождение от военной службы, а главной политической целью объявлялось проведение плебисцита по вопросу определения дальнейшей судьбы “негритянской колонии”⁴². Как и Мартин Лютер Кинг, Ньютон и Сил ссылались на Конституцию и законодательство США. Даже, очевидно, заимствованное у Малкольма требование компенсации содержало отсылку к специальному полевому приказу № 15 1865 г. Уильяма Шермана, по словам Ньютона, предполагавшему предоставление 40 акров земли и двух мулов⁴³ каждому освобожденному как возмещение за рабский труд и массовые убийства негров⁴⁴. Тактика вооруженного патрулирования улиц “черных” кварталов и призыв к всеобщему вооружению обосновывались действием второй поправки к Конституции США. Помимо этого, основными направлениями деятельности были оказание юридической помощи, организация бесплатных завтраков, создание школ освобождения, медицинских центров и распределения одежды, помощь заключенным и распространение агитационных материалов, что вполне можно отнести к методам ненасильственного сопротивления.

Идеология “Черных пантер” отвергала одновременно и панафриканизм, и черный расизм, и отделение, что служило еще одним важным показателем размежевания с взглядами Стокли Кармайка и Малкольма Икс. Впоследствии Ньютон и Сил приходят и к отрицанию вооруженного восстания как действенного метода сопротивления, о котором они так много говорили в 1967 г. Собственно это и послужило причиной их идейных разногласий и окончательного разрыва не только с Кармайклом, но и Эддриджем Кливером, еще одним лидером и видным идеологом “Черных пантер”. В своей главной работе “Революционное самоубийство” Ньютон напишет: *«Имя Эддриджа Кливера связано и с другими отрицательными явлениями в жизни партии. <...> Его привлекала сила, мощь оружия и тот звенящий от напряжения момент, когда бойцы стоят на краю гибели. Для него это и было революцией. Идеология Эддриджа основывалась на риторике, превозносящей насилие; его речь изобиловала бескомпромиссными высказываниями в духе “либо-либо”, например: “Или взять в руки оружие, или остаться сопливым трусом”. Он не поддерживал программы по выживанию, отказываясь рассматривать их как необходимую составляющую революционного процесса, в качестве средства, с помощью которого можно подготовить людей к общественной трансформации. Кливер был уверен в том, что эта трансформация может осуществиться лишь через насилие, для чего,*

⁴² Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. С. 71–72.

⁴³ На самом деле одного мула.

⁴⁴ Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. С. 72.

по его мнению, требовалось вооружиться и штурмовать баррикады. Его одержимость насилием все больше и больше отдаляла его от общины. Не захотев отказаться от позиции, пропагандировавшей разрушение и отчаяние, Кливер недооценил врага и вступил на путь реакционного самоубийства»⁴⁵. Как можно видеть, здесь просматриваются те же посылы, что и у Кинга с его отрицанием насилия. Подготовка населения гетто к неизбежной общественной трансформации скорее роднила “Черных пантер” с “народниками” конца XIX — начала XX в. в Российской империи, чем с революционно-повстанческими движениями Африки, Азии и Латинской Америки. И Сил, и Ньютон открыто заявляли, что черные общины не готовы к вооруженным столкновениям с полицией.

“Черные пантеры” категорически отвергали любые проявления расизма, в том числе и черного. *“Расизм и этнические различия, — писал Бобби Сил, — позволяют властной структуре эксплуатировать массы рабочих в этой стране, потому что это ключ, с помощью которого они сохраняют свой контроль. Разделять и побеждать массы является целью структуры любой власти. Это правящий класс, очень небольшое меньшинство, несколько скупых, демагогических свиней и крыс, которые контролируют и заражают правительство. Правящий класс и их бегающие собачонки, их лакеи, их подхалимы, их Дяди Тома и их черные расисты, их культурные националисты — они все бегающие собачонки правящего класса. Это те, кто поддерживает и помогает структуре власти путем увековечивания их расистских взглядов и использует расизм в качестве средства разделения людей”*⁴⁶.

Как видим, несмотря на алармистскую риторику и призывы к осуществлению пролетарской революции, идеологию “Черных пантер” очень сложно охарактеризовать как экстремистскую. Напротив, прослеживая динамику заявлений, можно отчетливо видеть, как риторика “партии” последовательно смягчалась. Если в июле 1967 г. Ньютон рассуждал о преимуществах партизанских приемов ведения войны⁴⁷, то после выхода из тюрьмы в 1971 г. осуждал радикализм и безответственность воинственных заявлений Кливера, исключенного на этом основании из партии, и даже призывал к “тактическому” отказу от насилия и авангардной роли.

Собственно дальнейшего развития линия на вооруженную борьбу в форме “городской герильи” не получила, что свидетельствует

⁴⁵ Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. С. 198.

⁴⁶ Seale R. Seize the time: the story of the Black Panther Party and Huey P. Newton. Baltimore, 1991. P. 45.

⁴⁷ Newton H.P. To die for the people. 1972. P. 16–20.

о крайней непопулярности подобного подхода среди протестно настроенной части афроамериканской молодежи. Организация Кливера, находившегося в вынужденной эмиграции, просуществовала недолго и особого влияния на развитие Движения за права чернокожих в США не оказала, а сам он в 1975 г. отрекся от своих убеждений. В начале 1970-х гг. в качестве основных оппонентов Ньютона и Сила справа выступали все те же Кармайл и Элайджа Мухаммед, хотя и их популярность также заметно снижается к указанному периоду, что обусловлено теми же причинами, что и снижение популярности “черного национализма”. Антагонизм черного революционного национализма и революционного социализма постепенно сходит на нет. Наступает очередной кризис движения, который продлится до начала 1990-х гг.

В заключение, также как и в случае с предыдущими героями повествования, необходимо констатировать, что «Партия “Черная пантера”» не была первой революционной марксистской организацией в США, а Хьюи Ньютон и Роберт Сил не были первыми афроамериканскими идеологами марксизма. Тем не менее, именно они одними из первых попытались на основе критического переосмысления теоретического наследия идеологов марксизма-ленинизма разработать новую тактику активного гражданского сопротивления. Собственно в этом и заключается их основная заслуга и вклад в развитие движения.

Что же касается революционного национализма, основоположником которого по праву можно назвать Малкольма Икс⁴⁸, а с конца 1960-х гг. его главным выразителем становится Стокли Кармайл, то с кризисом революционного социализма в начале 1970-х гг. данное направление постепенно теряет актуальность и популярность среди протестно настроенной части афроамериканской молодежи. Сам Кармайл к тому моменту уже иммигрировал в Гвинею, а в его политической философии наблюдается отчетливый дрейф в сторону панафриканизма, главным выразителем идей которого он собственно и становится на долгие годы.

Вынужденные параллели

К каким выводам может подтолкнуть нас проведенный анализ? Исходя из диалектического понимания истории развития Движения за права чернокожих в США и принимая во внимание ее спиралевидный характер, автор склонен видеть в сегодняшних протестах

⁴⁸ Bloom J., Martin W.E. Black against Empire. The history and politics of the Black Panther Party. Berkeley; Los Angeles; L., 2013. P. 26.

во многом повторение тех процессов шестидесятилетней давности на качественно новом уровне.

Так, идеология движения Black Lives Matter, ставшего основным инициатором организации массовых протестов в мае 2020 г., во многом сочетает в себе черты идеологии Движения за гражданские права и революционных афроамериканских организаций наподобие «Партии “Черная пантера”». Оно декларирует все тот же интернационалистский (а в ряде случаев и интеркоммуналистский) подход, а в качестве главного метода — проведение ненасильственных акций прямого действия, выступает за преобразование американского общества, а также борется за расширение социальных прав с любыми формами дискриминации, особенно расовой, гендерной и по признаку сексуальной ориентации. Движение BLM представляет собой децентрализованную сеть активистов и поддерживается рядом видных представителей американского культурного и политического истеблишмента. Леволиберальная риторика во многом повторяет идеологические постулаты Мартина Лютера Кинга и “Черных пантер”. Причем в американской прессе можно видеть постоянные сравнения BLM именно с последними. И нужно признать, что они не лишены оснований. Так две из трех основательниц указанного объединения даже заявили о своем марксистском прошлом, а члены движения постоянно прибегают к соответствующей риторике, критикующей и даже отрицающей капиталистический путь развития.

Помимо обвинений в симпатиях к марксизму, BLM также довольно часто обвиняют в симпатиях к черному национализму. Действительно, в программе данного движения присутствует ряд положений, сильно напоминающих ключевые тезисы данного направления. К примеру, один из принципов объединения гласит: *“Мы непримиримо позиционируем себя как черных. Утверждая, что Черная жизнь имеет значение, мы не обязаны уточнять нашу позицию”*⁴⁹. Также в идеологии BLM можно найти и черты пан-африканизма. *“Мы рассматриваем себя как часть глобальной Черной семьи”*⁵⁰, — говорится в той же программе. Таким образом, BLM вполне можно рассматривать как идеологического преемника всех четырех указанных направлений. Однако не стоит отождествлять это объединение с современным Движением за права чернокожих, которое гораздо шире и представлено огромным спектром объединений.

На противоположном фланге находятся праворадикальные организации, такие как *Not Fucking Around Coalition*, выступающие за вооруженную самооборону общин. В отличие от BLM, данное

⁴⁹ What we believe. URL: <https://blacklivesmatter.com/what-we-believe/>

⁵⁰ Ibid.

движение имеет жесткую централизованную структуру. Основной идейной концепцией выступает радикальный черный национализм и панафриканизм. Лидеры данного объединения считают себя идейными последователями Малкольма Икс и выступают с радикальными ультраправыми лозунгами. Например, заявляют об отделении с созданием собственного государства на территории США, допускают возможность массовой репатриации в Африку, критикуют ненасильственные методы сопротивления, отрицают общеамериканскую историю. При этом NFAC остается глубоко законспирированной организацией, что существенно затрудняет проведение анализа.

Таким образом, расклад сил и общетеоретический дискурс внутри движения остается примерно тем же, что и 60 лет назад. Это дает повод предполагать, что по мере развития ситуации движение будет и дальше радикализироваться и выдвигать все большее количество социальных требований, что собственно мы уже можем наблюдать. Последнее обстоятельство продиктовано не только ухудшающейся социально-экономической ситуацией, но и необходимостью создания более широкой идеологической платформы для консолидации со всеми протестно настроенными группами населения. Данная цель недостижима при использовании радикально националистических или откровенно расистских лозунгов, которые ведут лишь к углублению раскола. Но к ним будут постоянно возвращаться в случае затормаживания требуемых преобразований или даже достижения поставленных целей, как это было после принятия закона об избирательных правах в 1965 г. и как это происходит сегодня после кардинальной смены правительственной риторики и принятия целого ряда законопроектов, направленных на преодоление “институционального расизма” и “тяжелого наследия прошлого”⁵¹. Как можем видеть, активность Движения за права афроамериканцев и уровень его радикализации не только не снижаются, но и стремительно нарастают. В этом и заключается главный парадокс и принцип развития рассматриваемого феномена и социальных движений в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. М., 2003.
Шумаков А.А. Проблема появления “черного национализма” в США // Приднепровский научный вестник. 2020. Т. 3. № 8.
Шумаков А.А. Жизнь Мартина Робинсона Делани и эволюция его идейно-политических взглядов // Вестник БГУ. 2021. № 1 (47). С. 141–153.

⁵¹ В ряде случаев речь уже идет о так называемой позитивной дискриминации.

Шумаков А.А. От изгоя до пророка: эволюция религиозно-политической философии Малкольма Икс // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 191–207.

REFERENCES

Bloom J., Martin W.E. Black against Empire. The history and politics of the Black Panther Party. Berkeley; Los Angeles; L., 2013.

Carmichael S. Stokely speaks: black power back to Pan-Africanism. Chicago, 2007.

Carmichael S. What we want // The New York Review of Books. 1966. 22 Sept. Vol. 7. P. 5–6, 8. URL: https://web.mit.edu/21h.102/www/Primary_source_collections/Civil_Rights/Carmichael.htm (accessed: 05.11.2020).

Carmichael S., Thelwell M. Ready for revolution: the life and struggles of Stokely Carmichael (Kwame Ture). N.Y., 2005.

Cone J.H. Martin & Malcolm & America: a dream or a nightmare. N.Y., 1991.

King M.L. The autobiography of Martin Luther King Jr. / Ed. by C. Carson. N.Y., 1998.

King M.L. Stride toward freedom: the Montgomery story (King legacy). Boston, 2010.

King M.L. Where do we go from here: chaos or community? (King legacy). Boston, 2010.

King M.L. Why we can't wait (King legacy). Boston, 2010.

Malcolm X. Malcolm X speaks: selected speeches and statements / Ed. by G. Breitman. N.Y., 1990.

Malcolm X. The end of white world supremacy: four speeches by Malcolm X / Ed. by B. Karim. N.Y., 2001.

Millies S. Socialism and dignity: a job is a right! URL: <https://www.struggle-lucha.org/2020/06/30/socialism-and-dignity-a-job-is-a-right/> (accessed: 05.11.2020).

N'juton H. Revoljucionnoe samoubijstvo [Revolutionary suicide]. M., 2003 (in Russian).

Newton H.P. To die for the people. N.Y., 1972.

Niemuth N. Social class, capitalism and the murder of George Floyd. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/06/11/pers-j11.html> (accessed: 05.11.2020).

Seale R. Seize the time: the story of the Black Panther Party and Huey P. Newton. Baltimore, 1991.

Shumakov A.A. Problema pojavlenija "chernogo nacionalizma" v SShA [The problem of the emergence of "black nationalism" in the United States] // Pridneprovskij nauchnyj vestnik. 2020. T. 3. N 8 (in Russian).

Shumakov A.A. Zhizn' Martina Robinsona Delani i evolyuciya ego idejno-politicheskikh vzglyadov // Vestnik BGU. 2021. № 1 (47). S. 141–153.

Shumakov A.A. Ot izgoya do proroka: evolyuciya religiozno-politicheskoy filosofii Malkol'ma Iks // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2021. T. 7. № 2 (26). S. 191–207.

Sweeney C. Leader of radical black-only militia NFAC 'believes in violence' & wants a real-life Wakanda for every black person in America. URL: <https://www.rt.com/usa/495109-nfac-black-militia-blm/> (accessed: 05.11.2020).

Ture K., Hamilton C. Black power: the politics of liberation. N.Y., 1992.

What we believe. URL: <https://blacklivesmatter.com/what-we-believe/> (accessed: 05.11.2020).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-65-79

ВЕРА, СВОБОДА, МИССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.С. Абрамян, асп. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Открытие Америки, само по себе являющееся судьбоносным событием в европейской истории, совпало с тектоническими трансформациями, происходившими в религиозной сфере. Книгопечатание, создание национальных переводов Библии, переосмысление привычных форм религиозности — все это поспособствовало созданию особого религиозного и религиозно-политического климата эпохи. Англия, ставшая одной из наиболее успешных колониальных держав, одновременно являлась и страной, переживающей эти религиозные трансформации особенно ярко. Провозгласив раньше многих свою церковную независимость от Рима, Англия стала пространством для интенсивного поиска новой религиозной идентичности и связанного с этим процессом возникновения различных протомессианских концепций. Параллельно с этим конкуренция новых религиозных доктрин в условиях принципиальной возможности санкционированных государством притеснений инакомыслящих создала специфическую среду, делающую вопрос о политической свободе особенно актуальным и связанным с христианским контекстом. Получив в Америке дополнительное развитие и соединившись с возросшим антиколониальным и национально-освободительным посылом, все эти идейные потоки смогли дать старт одному из наиболее примечательных аспектов ранней американской социально-политической мысли и идентичности, в рамках которого в единую композицию сплетаются либерализм, республиканизм, провиденциализм, мессианизм и христианская религиозность. Дебаты о влиянии этого идейного комплекса на развитие американской идентичности и государственности ведутся по сей день, вызывая порой полярные оценки. Однако как представляется, данный феномен так или иначе является примечательным фактором американской истории, который в какой-то мере остается актуальной темой обсуждения и для современной Америки.

Ключевые слова: Реформация, Джон Локк, Томас Пейн, Томас Джефферсон, англиканство, пуритане, свобода вероисповедания, мессианизм.

* Абрамян Арман Суренович, e-mail: asabramyan@gmail.com

FAITH, LIBERTY, DESTINY, AND THE SHAPING OF EARLY AMERICAN IDENTITY

Abramyan Arman S., Postgraduate Student, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prospect, 27, bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: asabramyan@gmail.com

The discovery of America, which was in itself a fateful event in European history, coincided with the crucial transformations taking place in the religious sphere. The development of printing technology, the creation of national translations of the Bible, the rethinking of the established forms of religiosity — all these innovations contributed to the creation of a special religious and religio-political climate of the era. England, which became one of the most successful colonial powers, was at the same time a country experiencing these religious transformations in an especially profound manner. Having proclaimed its ecclesiastical independence from Rome earlier than many other countries, England became a space for an intensive search for a new religious identity and a melting pot of various proto-messianic concepts. In addition, the competition of these new religious doctrines, existing in the shadow of potential and actual state-sanctioned oppression of dissidents, has created a specific environment that makes the issue of political freedom especially relevant and pertinent to the context of Christianity. Having received additional development in America and combined with an increased spread of the anti-colonial nationalist message, all these ideological streams could have given a start to one of the most remarkable aspects of early American socio-political thought and identity, within which liberalism, republicanism, providentialism, messianism, and Christian religiosity are woven into a single composition. The debate about the influence of this ideological complex on the development of American identity and nationhood continues to this day, sometimes leading to conflicting assessments. However, it seems that this phenomenon is, in one way or another, a remarkable factor in American history, which, to some extent, remains a relevant topic of discussion for modern America.

Key words: Reformation, John Locke, Thomas Payne, Thomas Jefferson, Anglicanism, Puritans, religious freedom, messianism.

Еще до обретения колониями независимости в объединенном виде и до построения в Америке государства, заявляющего о себе на мировой арене, американский континент обращал на себя взоры различных людей. Одни рассчитывали на экономические возможности Нового света, других привлекали открывающиеся земельные просторы. Однако среди прочих Америка привлекала также и религиозных энтузиастов или просто религиозных людей, принадлежащих к различным христианским деноминациям. Эти люди часто могли отличаться друг от друга по вопросу приверженности к конкретным доктринам, однако, как представляется, освоение Америки и зарождение в ней политического самоуправления могло вызывать

у них сходные реакции вне границ деноминаций, несмотря на их конкуренцию и периодическое взаимное неприятие. Общая мера влияния умонастроения этих людей на судьбу страны и ее идентичности дебатруется и критически осмысливается¹, однако сам по себе нарратив, сформированный этими людьми или относительно этих людей, представляется примечательным.

В первую очередь, говоря о самом континенте, необходимо учесть тот фундаментальный вызов, который представляло для христианского мира расширение карты известных земель. Религиозные мыслители и деятели той эпохи могли видеть в произошедшем не только новую экономическую или политическую возможность, но и историсофски значимое событие: должна быть причина, по которой Провидение утаило эту землю от глаз христиан на такое долгое время, и ее нынешнее открытие может сулить старт чего-то важного в мировой истории². Провиденциальные ожидания от открытия Нового света в этом смысле кажутся закономерными. Если же переводить фокус рассмотрения на самих обративших к Новому свету взор людей, населявших в те годы Европу, то можно отметить, что ко времени открытия и начала освоения новых земель Европа переживала этап тектонических религиозных трансформаций, в ходе которых произошел совпавший с усовершенствованием книгопечатания всплеск интереса к библейскому тексту и выдвинулись новые христианские течения, желающие доказать свою евангельскую аутентичность. И хотя внимание исследователей чаще приковано к немецкой Реформации, религиозные трансформации в Англии никак нельзя сбрасывать со счетов. Английскую Реформацию можно считать крайне значимым историческим феноменом, имеющим важные религиозные и даже религиозно-политические последствия как для самой Англии, так и для мира.

Уже начиная с провозглашения Генрихом VIII независимости Английской Церкви среди некоторых симпатизирующих реформационным сдвигам мыслителей начинают выдвигаться концепции особой миссии англичан, призванных вернуть подверженным римскому влиянию европейцам представление о подлинной церковности³. Дальнейшее же обсуждение необходимой меры реформи-

¹ *Fea J.* Was America founded as a Christian nation? A historical introduction. Louisville, 2011. P. 245.

² *Zakai A.* Exile and Kingdom: history and apocalypse in the Puritan migration to America. Cambridge, 2002. P. 85.

³ *Адамова Н.Э.* Представления пуритан об “исключительности” Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени (СПбГУ). 2015. № 15. С. 21.

вания английской церковности и догматики, вкупе с религиозными конфликтами и гонениями, которыми сопровождался процесс поиска англиканской идентичности, порождает новые конфессиональные мессианские или околومессианские тезисы и даже эсхатологические/ апокалиптические ожидания⁴. И в этом отношении также не представляется удивительным тот факт, что религиозные энтузиасты, устремившиеся в Америку во многом именно из Англии, зачастую описывали свой политический и вообще коллективный опыт в Новом свете языком библейской мессианской израильской образности: религиозно-политический интеллектуальный климат можно назвать располагающим и в общем контексте континента и эпохи, и в контексте “особой” по масштабам христианского мира Англии, и в контексте “особых” групп внутри “особой” страны. При этом делать это могли люди самых разных религиозных толков: так, в Америку переселялись и те английские пуритане, которые рассчитывали обновить английскую церковность изнутри и не порывали с метрополией, и те, которые считали эту задачу недостижимой и рассматривали свой путь в Америку как путь обособления⁵. Тем не менее общий американский вектор был сформирован, и Новый свет или, конкретно, Северная Америка и расположенные там английские колонии, стали, среди всего прочего, как просто исторически новым местом жительства для людей исторически новой протестантской религиозности (точнее, религиозностей), так и убежищем для участников “новых Исходов”, для искателей “новых Ханаанов” и для учредителей “новых Израилей” и “новых Сионов” в той или иной трактовке⁶.

Однако не пропадают образы избрания и на новом, объединенном и независимом этапе американской жизни, пусть они и теряют прежний конкретный конфессиональный или этноконфессиональный окрас. Тезис обо всей Америке как об “открытом Всемогущим убежище для гонимых” воспроизводит легендарный “Здравый смысл” Томаса Пейна⁷, а если говорить конкретно об израильской библейской образности, то обращает на себя внимание поддержанный Томасом Джефферсоном и Бенджамином Франклином проект Большой печати США, на котором планировалось изобразить израильтян в годы Исхода. При этом изображение должно

⁴ Acheson R.J. Radical Puritans in England 1550–1660. L., 2014. P. 75.

⁵ Fortson S.D. Colonial Presbyterianism: old faith in a new land. Eugene, 2007. P. 2.

⁶ Sollors W. Beyond ethnicity: consent and descent in American culture. N.Y., 1986. P. 43.

⁷ Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Бакина. М., 1959. С. 38.

было сопровождаться подписью “Восстание против тиранов есть послушание Богу”⁸.

Последнее обстоятельство представляется особо показательным в рамках рассмотрения еще одного значимого, традиционного и характерного выражения американской социально-политической и религиозно-политической мысли и важной детали зарождающейся американской идентичности. А именно, речь идет о специфическом сплаве категорий “христианства” и “свободы” в политическом измерении, который существует параллельно с мессианскими библейскими образами и с ними, как можно было убедиться, связан. При этом, как и в случае с мессианской образностью, некие косвенные предпосылки можно обнаружить в более ранней английской мысли и религиозно-политической реальности.

Возвращаясь к диспутам эры Реформации и соперничеству церковных и вообще религиозных деятелей еще в Англии, можно отметить, что определенный антитиранический пафос потенциально усматривается уже в вопросе выхода Церкви Англии из зоны влияния римской кафедры⁹: католики, с одной стороны, рассматривались как подверженные влиянию зарубежной и тиранической политической силы, с другой же стороны, в качестве репрессивного мировоззрения трактовался и сам католицизм. К слову, антикатолический запал пронесут с собой и некоторые последующие деятели уже независимой Америки, в частности, Джон Адамс¹⁰; антикатолические настроения будут относительно сильны вплоть до XX в., благодаря чему президентство Кеннеди будет выглядеть историческим событием. Затем в некоторых случаях антиримский посыл начинает направляться уже в адрес иерархии самой Церкви Англии и английской власти, которые либо не смогли в полной мере отвергнуть католические порядки как таковые, либо в какой-то период времени контролируются людьми, проявляющими тиранические наклонности¹¹; данная метода восприятия английской церковности впоследствии также будет играть роль в мировоззрении некоторых отцов-основателей независимой американской

⁸ Coffey J. Exodus and liberation: deliverance politics from John Calvin to Martin Luther King Jr. N.Y., 2014. P. 69.

⁹ Neal D. The history of the Puritans, or Protestant nonconformists. Vol. 1. N.Y., 1843. P. 47.

¹⁰ Grasso K.L., Bradley G.V., Hunt R.P. Catholicism, liberalism, and communitarianism: the Catholic intellectual tradition and the moral foundations of democracy. Lanham, 1995. P. 244.

¹¹ Hopkins S. The Puritans, or the Church, court, and parliament of England, during the reigns of Edward VI and Queen Elizabeth. Vol. 3. N.Y., 1861. P. 557.

государственности¹². Стоит также помнить, что Англия той эпохи была государством, законы которого требовали от вступающего на общественную должность давать присягу в том числе по вопросам его евхаристических убеждений¹³, а непосещение официальной церкви могло караться штрафом¹⁴, не говоря уже о казнях эпохи Генриха VIII или Марии Католички. Такова была реальность и таково было наследие метрополии; говоря же о колонизируемом англичанами Новом свете, оказавшемся в еще более явной реальности соперничающих религиозно-политических институтов и нарративов, тема религии, свободы и принуждения раскрывается в новом ракурсе. Например, уже сами пуритане зачастую становятся архетипом религиозной тирании, активно преследуя инакомыслящих, в частности, квакеров¹⁵. Таким образом, проблема власти и свободы встает перед англо-американским обществом еще до революционных событий конца XVIII в. и оказывается актуальной, сначала в религиозном, но затем и в более политическом смысле, и происходит это в том числе во внутрехристианском разрезе отношений между различными деноминациями. Темы христианского вероисповедания и политической свободы пересекаются если не в строго богословском обсуждении, то хотя бы из обстоятельства “столкновения христианств” и вытекающего отсюда общественного конфликта.

Спустя время, с одной стороны, в самой Англии складывается либеральная традиция имени Джона Локка, и традиция эта, нося в себе, среди прочих, посыл свободы вероисповедания, зарождается не в последнюю очередь как христианская программа общежития различных деноминаций (за исключением католиков¹⁶). В своем “Послании о веротерпимости” Локк постулирует, что нет приемлемого насилия ради утверждения ортодоксии, поскольку оно и не затронет суть чувств и убеждений человека, и не является моральным; при этом даже если бы оно было оправдано, каждая церковь считает себя

¹² Waldstreicher D. Companion to John Adams and John Quincy Adams. N.Y., 2013. P. 191.

¹³ Charles II, 1661: an act for the well governing and regulating of corporations // The Statutes of the Realm: Printed by Command of His Majesty King George the Third, in Pursuance of an Address of the House of Commons of Great Britain. From Original Records and Authentic Manuscripts. Vol. 5. L., 1819. P. 321–323.

¹⁴ Elizabeth's act of Uniformity (1559), 1 Elizabeth, Cap. 2 // Documents Illustrative of English Church History / Ed. by H. Gee, W.J. Hardy. N.Y., 1896. P. 458–467.

¹⁵ Lucci D. John Locke's Christianity. N.Y., 2020. P. 189.

¹⁶ Parker J. The first charter and the Early Religious legislation of Massachusetts // Lectures Delivered in a Course Before the Lowell Institute, in Boston. Boston, 1869. P. 426.

ортодоксальной. Таким образом, гражданская власть не имеет права “терзать рабов чужого господина”¹⁷, т.е. должна оставить вопрос об истине и суде над совестью человека непосредственно Богу¹⁸. С другой стороны, сходная тематика начинает выдвигаться на передний план среди ряда интеллектуалов по ту сторону океана. Автор вдохновленного историей Исхода проекта Большой печати Томас Джефферсон известен также и своим Биллем о религиозной свободе, в котором утверждается, что Бог создал человека свободным в рассуждении и желает свободного принятия истины, что религиозное насилие не добивается благочестия и перемены мышления, но лишь научает лицемерию, и что наделенная репрессивными полномочиями в сфере религии власть будет неизбежно выдавать свое мнение за истину, без гарантии того, что это мнение не превратно¹⁹. Фактор личного богословского мнения Локка или Джефферсона, безусловно, подлежит учету, и подобную тематику можно обнаружить и в других образцах христианского богословия вне англо-американского контекста. Можно вспомнить, к примеру, русскую полемику иосифлян и нестяжателей о наказании для еретиков или навеянные судьбой павликиан рассуждения преп. Феодора Студита о том, что “церковный закон никому не угрожает ни ножом, ни мечом, ни бичом”²⁰. Однако как видится, ситуация христианского межконфессионального конфликта, идущего рука об руку с освоением новых земель и интенсивным поиском идентичностей, делает интеллектуальное усилие по поиску межхристианской формулы политического примирения еще более наглядным.

Таким образом, сходное с идеей Локка представление находит отклик и в самой Америке. Но если в Англии, говоря схематично, оно конкурирует среди прочих нарративов в обществе, помнящем груз феодальной истории и имеющем старые и устоявшиеся центры власти, то в Америке, объединяясь с постепенно зарождающимся антиколониальным, национально-освободительным и при этом национально-конституирующим пафосом, настроения Локка находят, если можно так выразиться, более благодатную почву и

¹⁷ Метафора “раба и господина”, скорее всего, позаимствована из Послания к Римлянам: “Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает. И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его” [Рим. 14:4].

¹⁸ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 100.

¹⁹ Джефферсон Т. Билль об установлении религиозной свободы // Американские просветители. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1969. С. 47–49.

²⁰ Феодор Студит, преп. К торговцу ароматами Льву // Творения. Т. 2. СПб., 1908. С. 650.

более “молодые мехи”. И то же, как представляется, происходит и с непосредственно политическими сюжетами: созревая в самой английской традиции в событиях, связанных с получением Великой хартии вольностей и Славной революцией, революционная риторика, пусть и мало-помалу (практически ровно за год до Декларации независимости в Лондон направлена Петиция оливковой ветви, в которой подтверждалась лояльность Великобритании и предлагается мирное решение конфликта²¹; следует помнить и то, что лоялисты составляли значительную часть населения колоний²²), но разворачивается уже против английской власти как таковой. Причем и в случае Славной революции, и в случае Американской революции и Войны за независимость, революция часто трактуется не как “разрыв с прошлым”, но как своего рода закономерное требование “возврата к норме”. Это дает право сначала Бёрку называть Славную революцию событием, сохраняющим “старинные неоспоримые законы и свободы и ту старинную конституцию правления, которая только и является нашей гарантией для закона и свободы”²³, а затем некоторым последующим историкам американской государственности называть уже борьбу самой Америки против британского владычества “консервативной революцией”²⁴. Представляется показательным, что отец английского консерватизма, состоявшийся как мыслитель во многом на критике революционного террора во Франции, к американскому делу отнесся несколько сочувственнее, видя его в каком-то роде британским начинанием²⁵.

Однако и в политическом, и в религиозном смысле “мехами ветхими” вскоре начинает выглядеть не только метрополия на острове, но и весь Старый свет. Континентальный и даже общемировой контекст американского предприятия постепенно начинает возвышаться, конкурируя с внутрианглийским. Показателен в этом отношении уже упомянутый “Здравый смысл” Пейна: если о влиянии каких-то книг и идей на тех или иных деятелей можно высказывать предположения разной степени достоверности, то факт широкого влияния риторики этого сочинения на умы жителей колоний может

²¹ *Birchall J.* England under the revolution and the house of Hanover, 1688 to 1820. L., 1876. P. 373.

²² *The Oxford handbook of the American revolution* / Ed. by E.G. Gray, J. Kamensky. N.Y., 2015. P. 295.

²³ Цит. по: *Conservatism: an anthology of social and political thought from David Hume to the present* / Ed. by J.Z. Muller. Princeton, 1997. P. 90.

²⁴ *Morison S.E.* The conservative American revolution. Washington, 1976. P. 3.

²⁵ *Kirk R.* A revolution not made, but prevented // *Edmund Burke: Appraisals and Applications* / Ed. by D.E. Ritchie. New Brunswick, 2011. P. 95–111.

быть эмпирически подтвержден как минимум стремительностью ее распространения и рекордным тиражом²⁶. Транслировало это влиятельное сочинение несколько важных идей: во-первых, Америка является самостоятельным феноменом уже по одному факту своей континентальности — островное внешнее управление выглядит нонсенсом; во-вторых, обретение этого континента американцами является важным историческим и моральным событием — Пейн, несмотря на закрепившуюся за ним славу деиста и даже циника, трактует колонизацию Америки как акт Провидения; в-третьих, провиденциальная задача Америки — стать “приютом свободы” не только для английских религиозных и политических диссидентов, но для всей Европы и даже для всего мира²⁷. Так Америка выводится из контекста исключительно отношений с метрополией и идейно выдвигается на мировую арену; политические формулы, выводимые в Америке, важны уже не только для внутрианглийских разделений, но и для всего мира. Тем более располагает к этому повороту и то обстоятельство, что к тому времени северная часть американского континента и сами колонии активно заселяются и неанглийскими колонистами.

При всем при этом не только провиденциализм, но и республиканизм получает у Пейна в том числе богословскую аргументацию. Так, он обращает внимание на историю Первой книги Царств, которая в сюжете о помазании Саула на царство представляет институт монархии как отклонение от первоначального божественного замысла. Увязывается в мысли американских отцов-основателей с религиозным постулатом также и категория общечеловеческих прав, которую, несмотря на определенные симпатии к американцам, отвергал Бёрк и по теме которой с самим Бёрком полемизировал тот же Пейн²⁸. Важную часть Декларации независимости, которая прославила Джефферсона еще больше, чем Билль о религиозной свободе, занимает тезис о “неотъемлемых правах”, данных не абстрактным Разумом или государством, а именно Творцом²⁹. Таким образом, хотя и не сообразуясь по этому вопросу с англо-консервативным пониманием политики, данная идея не дрейфует до конца и во французскую “революционно-рационалистическую” сторону,

²⁶ Ayer A.J. Thomas Paine. Chicago, 1990. P. 35.

²⁷ Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. М., 1959. С. 48.

²⁸ Fennessy R.R. Burke, Paine, and the rights of man: a difference of political opinion. The Hague, 1963. P. 138.

²⁹ Jayne A. Jefferson's Declaration of independence: origins, philosophy, and theology. Lexington, 1998. P. 109.

находя универалистские аргументы в пользу выдвигаемых категорий на богословской почве. В свою очередь уже француз Алексис де Токвиль в своей легендарной “Демократии в Америке” будет удивляться тому факту, что “приверженность религии” и “дух свободы” в США, в отличие от Франции, соединяются³⁰. Так американская политическая и религиозная мысль начинает контрастировать не только с английскими, но и другими европейскими образцами: мыслители нового континента и нового общества делают заявку не только на особую межконфессиональную конфигурацию, но на новый образец всей политической практики и даже политического богословия, не имевший в Старом свете достаточно безопасного места для разворачивания и обращающийся с призывом к научению не только к метрополии, но и ко всем остальным странам. Довольно трогательным примером этого умонастроения выглядит предложение Томаса Пейна, побывавшего во Франции, выслать короля в Америку вместо казни не только по соображениям гуманности, но и по причине того, что есть перспектива продемонстрировать королю верные представления о правлении на американской земле³¹.

Наконец, тезис о новизне американского эксперимента вплетается в ряд мессианских воззрений: рождаясь в недрах английских, а затем и колониальных национально-религиозных сюжетов, мессианский посыл обретает новую жизнь в общей политической заявке североамериканского предприятия. “Избрание Америки” имеет дело уже не со строго конфессиональными или национально-конфессиональными взглядами пуритан или квакеров, но с политическими ценностями, разделяемыми Америкой. При этом сами эти ценности оказываются поняты в том числе религиозным образом: американцы “свободны” не вопреки религии, а благодаря ей, и во многом именно богословская аргументация, апеллирующая не к “верховному существу” или “разуму”, но к Богу/Творцу, подкрепляет тезисы американских просветителей (пускай некоторые из них, включая Джефферсона, имели неортодоксальные взгляды — в том числе и по меркам протестантской Америки — по ряду неполитических вопросов вероучения³²). Поэтому постулаты Джефферсона о правах человека и веротерпимости сочетаются с его образом библейского Исхода на Большой печати куда органичнее, чем могло бы показать-

³⁰ Цит. по: Hess A. Tocqueville and Beaumont: aristocratic liberalism in democratic times. Dublin, 2018. P. 25.

³¹ Wilson J.D., Ricketson W.F. Thomas Paine. Boston, 1989. P. 83.

³² The Founding Fathers and the debate over religion in revolutionary America: a history in documents / Ed. by M. Harris, Th. Kidd. N.Y., 2012. P. 157.

ся в Старом свете сторонникам абсолютизма, с одной стороны, и сторонникам антицерковного революционного террора — с другой.

Суммируя вышеперечисленное, представляется возможным сделать вывод о том, что нарративы миссии, религии и политических свобод сами по себе оказываются важными в формировании идентичности и идейного содержания молодого североамериканского государства — хотя бы на уровне воззрений его наиболее известных лидеров и интеллектуалов и принадлежащих их перу документов; впрочем, насколько об этом можно судить как об одной из основ зарождающейся идентичности — вопрос отдельного осмысления. Однако еще примечательнее, что все эти компоненты — христианская религиозность, политическая свобода, историческое предназначение и прочие — во многом сплетаются в единый смысловой ряд в уникальной американской композиции. Библейские образцы помогают истолковывать республиканский образ правления и права человека, они, в свою очередь, проникают в представления о роли страны в истории, рефлексия о роли в истории влияет на осознание американской идентичности как уникальной и отличной от британской и вообще старосветной, подобный универсализм же вновь укореняется в рассуждениях о связи гражданственности и христианской антропологии и т.д.

Безусловно, описанная логика развития идей и их связей не тождественна полной истории зарождения американской государственности и идентичности и не отражает всего спектра политических идей, развивавшихся в США. Кроме того, и у самих конкретных описанных идей также имелись альтернативные источники появления. Так, естественным образом на республиканский идеал оказало влияние античное римское наследие³³; есть также и смелые концепции, некоторым образом связывающие американский федерализм с наследием ирокезов³⁴. Отдельного внимания заслуживают экономические и политические факторы выбора тех или иных властных схем и нарративов. На представления же о миссии вполне могли оказать и выкладки в духе географического детерминизма или актуальная политическая практика. Не говоря уже о том, что, даже если оставаться в строго идейном поле, миссия миссии рознь: есть разница между миссией-примером и миссией-преобразованием, и, упрощенно говоря, архетипы “обитатели” и “крестового похода” будут еще долго соперничать в истории американской мысли, а по-

³³ *Shalev E.* Rome reborn on Western shores: historical imagination and the creation of the American republic. Charlottesville, 2009. P. 3.

³⁴ *Shannon T.J.* Indians and colonists at the crossroads of Empire: the Albany Congress of 1754. N.Y., 2002. P. 7.

рой и политической практики — таким образом, словосочетания “американский мессианизм”/“американская исключительность” не являются самообъясняющимися и требуют пояснения. Тем не менее эти обстоятельства, во-первых, как представляется, не умаляют важности рассмотренного религиозно-политического идейного комплекса в интеллектуальной и политической судьбе США, а лишь уточняют его место в общей картине, а во-вторых, они не умаляют примечательности зародившегося религиозно-политического идейного сплава как такового.

Соединенные Штаты прошли долгий путь развития, во многом изменивший страну до неузнаваемости. Некогда существовавшее на окраине государство, ревностно защищавшееся от попыток внешних сил вмешиваться в свои дела и скептически относившееся к мировой политике, пришло к ХХI в. в статусе мировой сверхдержавы, проводящей активную внешнюю политику и связанную множеством международных договоренностей. Тринадцать колоний, долго решавшие задачу поддержания политического и идентичностного единства, стали пятьюдесятью штатами, раскинувшимися от океана до океана. Заявленный в самом начале пути республиканский идеал не помешал поступательному усилению федеральной власти и разрастанию беспрецедентного бюрократического аппарата. Некогда единая и не знавшая столь крупных конфликтов страна прошла кровопролитную гражданскую войну, две войны мировые, биполярное противостояние с Советским Союзом и атаку международного терроризма на свою территорию, не говоря о ряде травматичных периферийных конфликтов вроде Ирака и Вьетнама, оставивших отпечаток на американской культуре. Причем в случае с Советским Союзом и идеологией коммунизма, имеющей универсалистский, эгалитарный и при этом атеистический посыл, Америка получила и беспрецедентный идейный вызов, заставивший острее поставить вопрос о том, кто такие американцы. Усложнился религиозный и этнический состав страны, и на авансцену выдвинулось множество новых идей. Были подвергнуты ревизии и некоторые старые идеи и практики: Америка, в частности, прошла долгий путь борьбы с расизмом и выстраивания добрососедских отношений с коренным населением. Так в американскую жизнь вошел сюжет суда над собственной страной и историей, обостренное переживание морального несоответствия. Хотя, как представляется, корректнее будет сказать, что этот сюжет не “вошел в американскую жизнь”, а усилился: во многом он уже является и составляющей частью христианской религиозности, и обратной стороной библейского мессианизма, и потому неудивительно, что сюжет суда над нравами в виде “иеремиа-

ды” знаком Америке еще с ранних времен³⁵. Одним словом, попытка выстраивания магистральной дороги от Уинтропа и Джефферсона до Обамы или Трампа или попытка редукции американской идентичности до этих сюжетов окажется существенным упрощением, пусть и использующимся порой в партийной политике и риторике. Необходимо учитывать, что американские идеи, в том числе идеи религиозно-политические, как и сама история страны, пережили множество судьбоносных вех, оставивших свой отпечаток. Изучение развития американских идей и идентичности в их внутренней взаимосвязи и в контексте реальной политической или экономической практики потребует многих томов. Тем не менее как представляется, не стоит ролью обозначенных сюжетов в формировании представлений об американской идентичности и пренебрегать, и фактор “точки отсчета” американской государственности и идентичности, особенно в контексте сложной специфически американской связи республиканизма, мессианизма и религиозности, ставшей в каком-то роде “визитной карточкой” ранней американской социально-политической мысли, все равно имеет значение.

Для все еще молодого американского государства, знающего два с половиной столетия непрерывного континуитета субъектности и политических форм, нарративы и, если можно так выразиться, мифология основания не являются вопросом сугубо исторического интереса. Мысли американских просветителей об американской государственности обсуждаются в школах, вспоминаются во время прений в Конгрессе и рассмотрений дел в Верховном суде, причем и в контексте их похвалы, и в контексте осуждения политической системы, не соответствующей заявленному. Американская история успела дать стране огромное множество других системообразующих precedents, от эпохи Линкольна до Нового курса Рузвельта, однако сохраняющийся, порой даже болезненный интерес американцев к вопросам генезиса их государственности и идентичности заставляет относиться к этой теме серьезно, несмотря на все изменения, которые пережила Америка за десятки лет своего существования, и несмотря на всю непредсказуемость динамики сегодняшнего дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамова Н.Э. Представления пуритан об “исключительности” Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени (СПбГУ). 2015. № 15.

Джефферсон Т. Билль об установлении религиозной свободы // Американские просветители. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1969.

³⁵ Bercovitch S. The American Jeremiad. Madison, 2012. P. 5.

- Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988.*
- Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. М., 1959.*
- Феодор Студит, преп. К торговцу ароматами Льву // Творения. Т. 2. СПб., 1908.*

REFERENCES

- Acheson R.J. Radical Puritans in England 1550–1660. L., 2014.*
- An anthology of social and political thought from David Hume to the present / Ed. by J.Z. Muller. Princeton, 1997.*
- Adamova N.E. Predstavlenija puritan ob “iskljuchitel’nosti” Anglii i ejo edinstve s Evropoj: religioznyj aspekt [Puritans’ View on the “Exceptionalism” of England and Her Unity with Europe: a Religious Aspect] // Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni (SPbGU). 2015. N 15 (in Russian).*
- Ayer A.J. Thomas Paine. Chicago, 1990.*
- Bercovitch S. The American Jeremiad. Madison, 2012.*
- Birchall J. England under the revolution and the house of Hanover, 1688 to 1820. L., 1876.*
- Charles II, 1661: an act for the well governing and regulating of corporations // The Statutes of the Realm: Printed by Command of His Majesty King George the Third, in Pursuance of an Address of the House of Commons of Great Britain. From Original Records and Authentic Manuscripts. Vol. 5. L., 1819.*
- Coffey J. Exodus and liberation: deliverance politics from John Calvin to Martin Luther King Jr. N.Y., 2014.*
- Elizabeth’s act of Uniformity (1559), 1 Elizabeth, Cap. 2 // Documents Illustrative of English Church History / Ed. by H. Gee, W.J. Hardy. N.Y., 1896.*
- Dzhefferson T. Bill’ ob ustanovlenii religioznoj svobody [A Bill for Establishing Religious Freedom] // Amerikanskije prosvetiteli. Izbrannye proizvedenija. T. 2. M., 1969 (in Russian).*
- Fea J. Was America founded as a Christian nation? A historical introduction. Louisville, 2011.*
- Fennessy R.R. Burke, Paine, and the rights of man: a difference of political opinion. The Hague, 1963.*
- Feodor Studit, prep. K trgovcu aromatami L’vu [To Leo the Perfume Trader] // Tvorenija. T. 2. SPb., 1908 (in Russian).*
- Fortson S. D. Colonial Presbyterianism: old faith in a new land. Eugene, 2007.*
- Grasso K.L., Bradley G.V., Hunt R.P. Catholicism, liberalism, and communitarianism: the Catholic intellectual tradition and the moral foundations of democracy. Lanham, 1995.*
- Hess A. Tocqueville and Beaumont: aristocratic liberalism in democratic times. Dublin, 2018.*
- Hopkins S. The Puritans, or the Church, court, and parliament of England, during the reigns of Edward VI and Queen Elizabeth. Vol. 3. N.Y., 1861.*
- Jayne A. Jefferson’s Declaration of independence: origins, philosophy, and theology. Lexington, 1998.*
- Kirk R. A revolution not made, but prevented // Edmund Burke: Appraisals and Applications / Ed. by D.E. Ritchie. New Brunswick, 2011.*

- Lokk Dzh.* Poslanie o veroterpimosti [A Letter Concerning Toleration] // Lokk Dzh. Sochinenija. T. 3. M., 1988 (in Russian).
- Lucci D.* John Locke's Christianity. N.Y., 2020.
- Morison S.E.* The conservative American revolution. Washington, 1976.
- Neal D.* The history of the Puritans, or Protestant nonconformists. Vol. 1. N.Y., 1843.
- Parker J.* The first charter and the Early Religious legislation of Massachusetts // Lectures Delivered in a Course Before the Lowell Institute, in Boston. Boston, 1869.
- Pejn T.* Zdravyj smysl [Common Sense] // Pejn T. Izbrannye sochinenija / Pod red. M.P. Baskina. M., 1959 (in Russian).
- Shalev E.* Rome reborn on Western shores: historical imagination and the creation of the American republic. Charlottesville, 2009.
- Shannon T.J.* Indians and colonists at the crossroads of Empire: the Albany Congress of 1754. N.Y., 2002.
- Sollors W.* Beyond ethnicity: consent and descent in American culture. N.Y., 1986.
- The Oxford handbook of the American revolution / Ed. by E.G. Gray, J. Kamen-sky. N.Y., 2015.
- The Founding Fathers and the debate over religion in revolutionary America: a history in documents / Ed. by M. Harris, Th. Kidd. N.Y., 2012.
- Waldstreicher D.* Companion to John Adams and John Quincy Adams. N.Y., 2013.
- Wilson J.D., Ricketson W.F.* Thomas Paine. Boston, 1989.
- Zakai A.* Exile and Kingdom: history and apocalypse in the Puritan migration to America. Cambridge, 2002.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАЦИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-80-100

КОНТРОЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Т.В. Шипунова, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034*

Статья имеет целью рассмотрение возможностей использования контролологической (критической) перспективы в анализе социального контроля преступности. Автор раскрывает основные положения новой социологии социального контроля или, иначе, контролологии, получившие поддержку в современных концепциях социального контроля. Показано отличие контролологических представлений от классического правового дискурса. Оно, в первую очередь, касается восприятия институционального насилия государственных институтов противодействия преступности и обеспечения безопасности. Дискуссии, отражающие критическое видение контроля преступности, развиваются по трем основным направлениям. Первое касается рассмотрения контроля не только в качестве инструмента поддержания установленного государством порядка, но и в аспекте его негативных последствий для индивидов и общества. Рассмотрены вопросы, связанные с избирательным контролем деятельности лиц, имеющих определенный статус во власти и влияющих на конструирование правового поля. Второе направление связано с анализом целей социального контроля. Представлены способы сегрегации лиц, в отношении которых вынесено обвинительное заключение. В отношении них реализуется принцип поведенческой гомогенности, который проявляется как в определенном профессиональном «обхождении» с заключенными, так и в возбуждении у населения стойкого негативного отношения к ним. Рассматривается вопрос о социально-культурной виктимизации заключенных. В третьем направлении прослеживается критическое восприятие предмета деятельности агентов контроля преступности. Здесь в центре внимания исследователей находится понятие «надежность», которое дискутируется применительно к оценке рисков преступности, средств обеспечения безопасности и правомерности действий агентов контроля. Основные положения и выводы в статье подкреплены статистическими данными и результатами различных исследований.

Ключевые слова: контролология, преступность, безопасность, надежность, риски, сегрегация, социально-культурная виктимизация.

* Шипунова Татьяна Владимировна, e-mail: shtatspb@yandex.ru

CONTROLOLOGICAL PERSPECTIVE FOR A STUDY OF SOCIAL CONTROL OF CRIME

Shipunova Tatyana V., Dr. Sociol. Sciences, Associate Professor, Prof. Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

The article aims to consider the possibilities of using the controlological (critical) perspective in the analysis of social control of crime. The author reveals the main provisions of the new sociology of social control, or, in other words, the controlology. These provisions have received support in modern concepts of social control. The article shows the difference between controlological representations from the classical legal discourse. This difference, first of all, concerns the perception of institutional violence of state institutions for combating crime and ensuring security. Discussions, which reflect a critical view of crime control, unfold along three main lines. The first one concerns the consideration of control not only as a tool for maintaining the order established by the state, but also in terms of its negative consequences for individuals and society. The issues related to the selective control of the activities of persons holding a certain status in power and influencing the design of the legal field are considered. The second direction is associated with the analysis of the goals of social control. The methods of segregation of persons against whom the indictment has been issued are presented. In relation to them, the principle of behavioral homogeneity, which manifests itself both in a certain professional "treatment" with prisoners, and in arousing a persistent negative attitude towards them among the population, is implemented. The issue of social and cultural victimization of prisoners is considered. In the third direction, a critical perception of the subject of the activity of crime control agents is traced. Here, the focus of researchers is on the concept of "reliability", which is discussed in relation to the assessment of crime risks, security means and the legality of actions of control agents. The basic provisions and conclusions in the article are supported by statistical data and the results of various studies.

Key words: controlology, crime, security, reliability, risks, segregation, socio-cultural victimization.

Конструктивистские теории рассматривают социальный контроль девиантных явлений как централизованный и спонсируемый государством процесс, имеющий почти исключительно угнетающий характер. Такая перспектива называется новой социологией социального контроля или "контрологией"¹. Данное определение социального контроля привело к расширению и углублению представлений о безопасности, которая должна обеспечиваться в процессе противодействия разным формам девиантности, включая преступность.

Несмотря на то что контрология не оформилась как самостоятельная научная дисциплина и остается в статусе относительно самостоятельной перспективы или подхода, ее научный и исследовательский потенциал подтвержден многочисленными трудами

¹ Goode E. Deviant behavior. N.Y., 2016. P. 75.

авторитетных зарубежных авторов². Вместе с тем в отечественной литературе, затрагивающей проблемы контроля и особенно “борьбы” с преступностью, данное критическое осмысление реальных практик остается большей частью вне поля зрения ученых. Исследователи останавливаются преимущественно на традиционном анализе концепций и практик наказания, не концентрируя внимания на негативных последствиях контроля и его влиянии на воспроизводство преступности/девиантности. Поэтому исследовательской задачей в статье является демонстрация возможностей применения контролологической перспективы при изучении социального контроля преступности. Для подтверждения отдельных положений в статье использован анализ статистических данных и вторичный анализ результатов исследований.

Идейные основания новой социологии социального контроля (контролологии)

Контролологическая перспектива восходит к идеям М. Фуко, который в своих трудах демонстрирует становление и распространение государственного контроля как инструмента насилия и тотального надзора за поведением и деятельностью людей. Фуко анализирует комплекс “власть — знание”, порождающий манипулятивные дискурсивные практики, нацеленные на “нормализацию” индивидов и их дисциплинирование в системе специально созданных социальных институтов. Он считает, что “надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом (если не исключительно) средством борьбы с правонарушениями”³. Напротив, “установление правонарушений и их пресечение направлены... на поддержание карательных механизмов и их функций”⁴, т.е. на самовоспроизводство и воспроизводство надзора. Власть, реализованная через повседневные практики надзора, тренировки, анализа индивидов и их оценки, постоянно поддерживает отношения доминирования и подчинения.

Фуко является, пожалуй, одним из самых цитируемых авторов. На него ссылаются представители всех социогуманитарных дисциплин, вычлняя то важное, что раскрывает их предмет изучения. Так, юристы-правоведы, проецируя положения Фуко на современную государственно-правовую реальность, делают акцент на естествен-

² См., напр.: *Кристи Н.* Опасные государства (опасные режимы) // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 22–38; *Garland D.* The culture of control, crime and social order in contemporary society. Chicago; Oxford, 2001.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2018. С. 33.

⁴ Там же.

но-историческом процессе развития институтов дисциплинирования, что как бы снимает недостатки, сопровождающие контроль. С их точки зрения, данный способ властвования “призван не карать и устрашать, а приучать” к дисциплине, что объясняет “появление в Новое время гуманности и мягкости наказаний”. Карцерный архипелаг «дает возможность рассматривать девиантов (включая преступников) не как отбросы общества, а как индивидов, находящихся “внутри” особого института этого общества — пенитенциарной системы»⁵. К тому же некоторые критики фуколианской перспективы анализа утверждают, что она умалчивает о принципиальном отсутствии более мягких проявлений современной бюрократии⁶.

Приведенные выводы в статье криминологов-юристов действительно включены в рассуждения Фуко. Вместе с тем избегание сложных вопросов, вскрывающих отношения “власть — подчинение”, которые анализирует Фуко, существенно сглаживает остроту проблем, сформулированных автором. Так, из поля зрения исчезает институционализированное насилие государства, направленное на поддержание неравенства и подчинение людей посредством тотального государственного контроля. Понятно, что правовая позиция авторов принуждает их к оправданию такого насилия, поскольку сам институт права является инструментом его реализации, даже если “правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением... если оно продолжает карать, то не во славу собственной силы; насилие — его внутренний элемент, который ему приходится терпеть, но который ему трудно обосновать”⁷. Главным при этом остается то, что существенная часть социальной реальности предзадана уголовным правом, которое формирует совокупность актов, оцениваемых в качестве преступности или, напротив, не рассматривает в качестве преступлений некоторые крайне опасные для общества и индивидов деяния. Такой подход “имеет важное практическое значение для укрепления правопорядка в рамках принятого законодателем определения преступности”⁸, направленного на поддержание интересов определенных групп. Что касается проявлений современной бюрократии, то данное утверждение можно подвергнуть сомнению.

⁵ Баев В.Г., Лаврик Т.М., Марченко А.Н. “Дисциплинарная власть” Мишеля Фуко: размышления над книгой “Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы” // Современное право. 2017. № 10. С. 9–10.

⁶ Goode E. Op. cit. P. 77–79.

⁷ Фуко М. Указ. соч. С. 14.

⁸ Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): основы общей теории. М., 2001. С. 3.

Бюрократия в своей основе имеет рациональное управление. Его рост и расширение обусловлены возрастанием сложности социальных систем, возникновением все новых, многочисленных и нелинейных, связей между подсистемами общества и их элементами. Возникает вопрос: почему рациональное управление не может подразумевать разработку, внедрение и поддержание функционирования компенсаторных механизмов, снимающих и/или смягчающих государственное насилие? Противостоять ему могли бы институты гражданского общества, союзы независимых экспертов, отдельные граждане, общественные движения. Следовательно, речь идет о необходимости создания (прежде всего, государством) условий для контроля со стороны общества за деятельностью институтов и субъектов рационально-бюрократического управления, а вовсе не о принципиальной невозможности существования других форм бюрократии в данной сфере. Сказанное одновременно подчеркивает необходимость обсуждения этих вопросов в теме социального контроля преступности и проведения исследований негативных институциональных эффектов, порождаемых профессиональными практиками агентов социального контроля.

Если в правовом дискурсе происходит оправдание и нормализация контроля и дисциплинирования, то во втором — с позиций контролологии — социальный контроль предстает как явление, имеющее определенные негативные последствия для индивидов и общества. Можно выделить несколько положений, систематизирующих и направляющих рассуждения представителей данного научного дискурса⁹:

- социальный контроль проблематичен и его не следует воспринимать как должное: он не возникает “естественно”, но сознательно формируется определяемыми организациями, группами, классами;
- социальный контроль является коэрцитивным (принудительным), репрессивным и далеко не “доброкачественным”: сколько бы ни старались агенты контроля сделать его привлекательным или просвещенным, он всегда проявляется как “железный кулак”;
- социальный контроль является либо полностью когерентным с государственным или похожим на него (state-like). Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что “ряд организаций, агентств и институтов выполняют функцию социального контроля, подчиняясь или служа государству”;

⁹ Goode E. Op. cit. P. 77–78.

- аппарат социального контроля унифицирован и когерентен: подсистемы контроля соединяются во взаимосвязанные функционально эквивалентные части, они “стали массовой сетью, посвященной наблюдению и наказанию отклонений”.

Таким образом, в контролologической перспективе социальный контроль преступности и его механизмы представляют собой институт, дополняющий развернутую сеть “карцерного архипелага” и выполняющий функцию нормализации с применением средств дисциплинирования, не всегда имеющих правовой характер. Использование агентами контроля механизмов дисциплины и нормирования может создавать области, в которых происходит воспроизводство преступности. Наиболее продуктивно, с нашей точки зрения, критическое восприятие обеспечения безопасности в сфере социального контроля преступности разворачивается по двум вопросам: каковы (скрытые) цели контроля? и как можно оценивать предмет деятельности системы безопасности по вопросам “борьбы” с преступностью?

(Скрытые) цели контроля преступности и последствия для индивидов

Уголовное право очерчивает круг деяний, вызывающих или могущих вызвать ответную реакцию в виде наказания. Однако чрезмерная криминализация поведения и деятельности социальных акторов может привести к усилению нормирования и укреплению дисциплинирования, препятствующих саморазвитию общества и продуцированию переменных норм и способов поведения. Одновременно явное уклонение от криминализации опасных для общества деяний может способствовать нарушению социального порядка и создавать угрозы для безопасности жизнедеятельности социума. Так, исследование, проведенное D. Ellis и D. Whyte в 2016 г.¹⁰, показало, что имущие слои населения часто подвергают опасности рядовых граждан, но могут делать это безнаказанно, так как сами защищены от уголовного закона: хотя некоторые их преступления квалифицируются как уголовные или другие правонарушения, судопроизводство в отношении них либо вообще не ведется, либо ведется “лениво”. В любом случае относительно высокий статус правонарушителей (лиц, групп и/или организаций) с высокой степенью

¹⁰ Ellis D., Whyte D. Redefining criminality: public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (accessed: 14.07.2017).

вероятности защищает их действия от криминализации. Кроме того, результаты исследования подтверждают избирательность определения деяний как преступных в зависимости от статуса и наличия власти (политической, экономической, юридической и т.д.). Однако если фактически опасные деяния имущих не становятся предметом и объектом социального контроля, то такая ситуация создает благоприятное поле возможностей для проявления (негативных) функций данных (преступных) деяний¹¹. Постоянное воспроизводство опасного для общества поведения и его хабиитуализация ведет к изменению нормативно-ценностной системы общества (меняет местами полюса на шкале “норма — нарушение нормы”); закладывает фундамент для недолжной (патологичной) линии его развития, основанной на уничтожении понятия “справедливое правосудие”; создает основы дальнейшей эскалации преступности, поскольку “преступление возникает из интеракции индивида с его окружением. Из этой интеракции индивидуум выносит определенную антисоциальную тенденцию, которая может проявить себя через короткое время в определенной ситуации как фактор, мотивирующий к преступлению”¹². Тем самым, открываются большие возможности для реализации агрессии, интеграции преступных групп, дестабилизации общества, подрыва его устойчивого развития.

Главной (скрытой) целью избирательного социального контроля преступности является сегрегация, т.е. отделение лиц, совершивших преступление, от общей массы индивидов в обществе и объединение в группу, в отношении которой реализуется принцип поведенческой гомогенности как формы нормализации, построенной на специфических способах обхождения с представителями группы. Данная функция актуализируется в отношении индивидов, не имеющих достаточных ресурсов для получения своего рода иммунитета к воздействию социального контроля. Речь идет не только о тех, кто совершил тяжкие преступления, но и о других правонарушителях и лиц, осужденных невинно. В отношении богатых и власть имущих эта цель не преследуется. К ним “законы терпимы, а когда дело доходит до суда, они могут рассчитывать на снисходительность судей и сдержанность прессы”¹³. Власть имущие могут быть отнесены к се-

¹¹ См., напр.: Булаков В.Н., Волков Ю.Н., Сальников В.П. Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 128–131; Bussmann K.-D. Kriminalität als notwendiger Teil gesellschaftlicher Entwicklung // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2000. 83. Jahrgang. Heft 4. S. 233–246.

¹² Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie; Überblick und Diskussion. Münster, 2001. S. 64.

¹³ Фуко М. Указ. соч. С. 352.

группированной группе только в том случае, если в силу определенных обстоятельств на их поступки или деятельность обратит внимание группа лиц, имеющая еще большие властные полномочия. Стоит отметить, что наличие власти и богатства также ведет к отделению, но оно добровольное и имеет другие качественные характеристики. Здесь социальный контроль играет скорее превентивную роль, принуждающую “просто играть по правилам”, установленным теми, кто формирует эти нормы и правила. Такое отделение можно назвать сепарацией, но в статье мы не будем на этом останавливаться.

Сегрегация может реализовываться разными способами, например, посредством:

- стигматизации в качестве группы риска представителей социальных групп с низким доходом и социальным статусом; распространение мифов об этих группах создает условия для продолжения стигматизации определенных видов поведения в качестве “преступных” или “девиантных” из поколения в поколение¹⁴;
- изменения акцентов при рассмотрении явлений, реально или потенциально опасных для социума (примером здесь может служить наделение уличной преступности статусом наиболее опасной, несмотря на то, что беловоротничковая преступность наносит гораздо больший экономический ущерб индивидам и обществу);
- разработки государственной концепции общественной безопасности, которая не всегда согласуется с интересами общества и правами граждан;
- социально-культурной виктимизации лиц, отбывших или отбывающих наказание; и т.д.

Актуализация принципа поведенческой гомогенности в отношении групп нарушителей норм уголовного права происходит по двум векторам. Первый имеет в виду применение норм не столько правового, сколько околоправового характера, профессиональные и бытовые практики обхождения с осужденными в учреждениях пенитенциарной системы, дисциплинирование с использованием пыточных методов, унижение человеческого достоинства и нарушение прав. После окончания срока заключения нормализация и дисциплинирование никуда не исчезают. Бывший заключенный остается в поле зрения правоохранительных органов и других институтов контроля, которые заботятся о сохранении им своего статуса “преступник”. Второй вектор подразумевает использова-

¹⁴ Bock M. Kriminologie. Für Studium und Praxis. 4. Auflage. München, 2013. S. 78.

ние стратегий, которые имеют целью возбуждение и поддержание у населения негативного отношения к индивидам, попавшим в группу сегрегированных. К таким стратегиям можно отнести: деформализацию (усиление неофициальных превентивных стратегий, направленных на контроль поведения бывших осужденных); проблематизация опасности, исходящей от индивидов с низким уровнем цивилизованности (*incivilities*); регулярное описание свойств определенных социальных групп, (*возможно!*) создающих риски; усиленную экспрессию выступлений заинтересованных лиц, которые при описании рисков преступности смещают акценты и говорят не об *уже установленных фактах*, а стараются вызвать у населения презрение к преступникам и тем самым усилить отрицательную оценку преступного поведения¹⁵; сокрытие информации о том, что реально происходит в тюрьмах и колониях.

Указанные способы сегрегации с последующей поведенческой гомогенизацией имеют негативные следствия как для общества, так и для индивидов. С одной стороны, они служат основанием (и идейным оправданием) для экспансии социального контроля на все стороны жизни социума, а с другой — выступают факторами риска воспроизводства преступности и других форм девиантности. Наибольшую опасность представляет социально-культурная виктимизация лиц, совершивших преступление. В самом общем виде она предполагает использование таких стратегий и действий виктимизирующих социальных субъектов, которые ведут к рассмотрению виктимизируемых как менее ценных, нежизнеспособных и несостоятельных. Тем самым виктимизирующие нацелены на сохранение доминанты собственной группы, определяющей их социальную идентичность и особую ценность. Виктимизация может осуществляться в социальных институтах и организациях. Индивиды, являющиеся объектом контроля организаций/учреждений и/или обращающиеся в них, чувствуют себя бесправными, поскольку не могут принимать решения, от которых зависит их судьба¹⁶. Этому виду виктимизации при рассмотрении контроля преступности уделяется особое внимание.

К сожалению, изучение социально-культурной виктимизации лиц, отбывающих и/или отбывших наказание, недостаточно распространено в отечественной социологии. Этому могут быть разные причины: сложность темы и ее недооценка для общества,

¹⁵ Klimke D. Wach- & Schliessgesellschaft Deutschland: Sicherheitsmentalitäten in der Spätmoderne. Wiesbaden, 2008. S. 22–23.

¹⁶ Schneider H. J. Op. cit. S. 64–69.

психологический дискомфорт при изучении данной темы, недостаток информации, необходимость работать с труднодоступными группами населения и т.д. Вместе с тем некоторые сведения все же становятся достоянием гласности.

Так, по данным журналистских исследований, сегрегация и дисциплинирование лиц, взятых под стражу, начинается с момента ареста, когда к ним применяют пытки, издевательства и унижения. Эти методы работы с подозреваемыми становятся одной из главных причин самоубийств. Так, в 2015 г. в СИЗО с жизнью свел 141 человек (на 20% больше, чем в предыдущий год), а в ИВС — изоляторах временного содержания — в том же году 53 человека совершили самоубийства¹⁷.

В СИЗО и колониях заключенные содержатся в холодных помещениях, ведущих к осложнению хронических заболеваний или возникновению новых. При этом сами заболевания можно достаточно легко вылечить, но медицинская помощь либо не оказывается, либо оказывается недостаточно. По данным ФСИН, только в 2015 г. от болезней и их осложнений умерло 3230 заключенных¹⁸. Особую проблему представляет лечение ВИЧ и туберкулеза: в «пенитенциарных учреждениях России каждый 10-й мужчина и каждая 5-я женщина являются ВИЧ-положительными, за год более 10% ВИЧ-положительных проходят через систему ФСИН, только половина из них получает антиретровирусную терапию»¹⁹. Риск гибели от ВИЧ возрастает из-за туберкулеза. «Количество больных активной формой туберкулеза официально снижается, но все равно находится на уровне более 13 тысяч человек; в 2019 г. освобонилось чуть более 5 тысяч человек с этим заболеванием. Также среди заключенных распространены вирусные гепатиты В и С (более 53 тысяч состоящих на учете)»²⁰.

В колонии насилие начинается в карантинах, куда попадают прибывшие осужденные. Практики обхождения с новичками со стороны администрации ИК имеют целью полное подчинение людей, ломку их психики для профилактики нарушений режима в дальнейшем. Для этого проводят показательные мероприятия: выбирают человека, а затем его могут избить дубинками, а в крайнем случае — изнасиловать дубинкой/бутылкой/лопатой или опустить

¹⁷ Раскин А. Зэков в России бьют не по понятиям, а по закону. URL: <https://life.ru/p/898172> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Рунова К. А. Тюремная медицина: принципы и кейсы для России / Под ред. К.Д. Титаева. СПб., 2020. Вып. 5. С. 36.

²⁰ Там же.

другим способом. Такое показательное унижение служит сигналом, что “с тобой могут сделать все что угодно”²¹.

Вообще, сексуальное насилие в СИЗО и ИК, следствием которого является “вторичная сегрегация”, — это особая и наименее доступная для изучения тема. В Уголовно-исполнительном кодексе указано, что заключенного, сообщающего о нахождении в небезопасных условиях, нужно поместить в более благоприятную обстановку. “Но тогда администрация должна выяснить, что произошло. Установить факты и, видимо, возбудить дело по 132 ст. УК РФ (насильственные действия сексуального характера). А дела не будет, ведь это ломает всю систему, всю иерархию, которую они контролируют и зачастую поддерживают”²². Особенно пострадает хозяйственная часть колонии, так как “опущенные” (или нейтрально — “отделенные”) по распоряжению завхоза карантина моют туалеты и другие грязные места во всей колонии, включая помещения администрации.

Потенциально “опустить” могут любого, особенно лиц определенных профессий (например, сантехник, гинеколог), деятельность которых связаны с “грязными” вещами, что служит своего рода оправданием насилия и тем самым облегчает “опущение”. Однако в рамках социально-культурной виктимизации важно то, что этот процесс зачастую поддерживается сотрудниками колоний, которые принимают в нем прямое или косвенное участие. Иногда они устраивают процедуру “опущения” под видеозапись, чтобы сломить волю непослушного и запугать его. В других случаях действия по унижению всячески поддерживаются и мотивируются для устранения “дефицита кадров для мытья туалетов”²³. Еще одной причиной служит желание получения денег, так как “откупиться — или использовать связи — в российских местах лишения свободы можно практически по любому поводу, включая попадание в низшую тюремную касту”²⁴. Получение денег или другой выгоды часто является главным мотивом противоправных действий некоторых сотрудников системы наказания. Например, до 2015 г. в исправительных учреждениях Красноярского края действовали так называемые “пресс-хаты”, куда «завозили всех неугодных лиц со всех регионов России, в том числе и из Москвы. Путем избиения, пыток, морального и психологического давления, добивались от них необходимых показаний, признаний

²¹ Челищева В., Романова О. Опущение грехов. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov> (дата обращения: 08.08.20).

²² Агафонов Л., Донскова Н. Изгои — 2. Сломанные люди. URL: <https://women-in-prison.ru/lgbt-2> (дата обращения: 10.10.2020).

²³ Челищева В., Романова О. Указ. соч.

²⁴ Там же.

и, конечно же, многозначных сумм. Это могли быть и “воровские авторитеты”, и крупные предприниматели»²⁵.

Виктимизация в пенитенциарных учреждениях призвана усилить сегрегацию, порождаемую социальным контролем преступности, и создать особый тип личности — девианта как «биографическую единицу, ядро “опасности”, род аномалии»²⁶, патологический объект. Сегрегация как составная часть наказания становится выгодным мероприятием, поскольку с экономической точки зрения она более рентабельна, чем исправление или реформирование общества с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей в легитимном социальном пространстве. Она обеспечивает автоматический контроль за частью населения и предопределяет дальнейшее развитие жизненных траекторий лиц, совершивших преступление. Таким образом, сегрегация для них становится контролируемой и пожизненной, поскольку сам факт попадания в сегрегированную группу каждый раз подтверждается, а стигма укрепляется за счет использования разных мер, например, обязательного предоставления справки о несудимости при устройстве на работу. Помимо всего прочего, сегрегированная группа приобретает статус “внутреннего врага”, который используется для манипулирования общественным мнением с целью переключения внимания с вопросов, затрагивающих политическое и экономическое положение в обществе и проблем его изменения.

Оценки предмета деятельности системы безопасности в сфере “борьбы” с преступностью

В связи со значимостью и сложностью обеспечения безопасности при контроле преступности может возникнуть ряд проблем, делающих данную работу неэффективной. Дискуссии по этому вопросу связаны, прежде всего, с неопределенностью продукта, производимого системой безопасности, который зависит от предмета защиты. Поскольку уголовное право выступает как посредник в политике ограничения рисков, то в литературе широко обсуждается понятие “надежность”, дискутируемое в контексте выявления и оценки рисков преступности, а также средств обеспечения безопасности.

Криминологический анализ рисков безопасности вовсе не представляется таким надежным, как может казаться или как утверждают сотрудники правоохранительных органов, поскольку при выявлении рисков преступности часто основываются на субъективных профес-

²⁵ *Шарапов В.* Это место называют новым ГУЛАГом. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/20/pobeg/> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁶ *Фуко М.* Указ. соч. С. 308.

сиональных оценках психиатров, экспертов по внутренней разведке и политических аналитиков. “Такие данные не становятся предметом научного исследования, а скорее заменяются профессиональной экспертизой и суждениями, т.е. вторичным анализом со стороны полиции, правоохранительных и судебных органов”²⁷. Следует также учитывать, что субъекты риска преступлений рефлексивны и склонны менять свое поведение для избегания преследования и ареста. Тем самым риски становятся еще менее очевидными и поддающимися исчислению. Особое место при расчете рисков занимает политическое вмешательство. Применительно к преступности оно имеет совсем другой характер, чем, например, политическое вмешательство в области генной инженерии или эпидемиологии. Стратегии, основанные на оценке риска преступности, встроены в очень напряженный контекст — в политику уголовного правосудия — и это обстоятельство является еще одним важным фактором, который дифференцирует использование категории риска в криминологии²⁸. С этим трудно не согласиться, так как общая политика уголовного права: ужесточение/смягчение уголовного преследования, криминализация/декриминализация разных видов поведения и деятельности индивидов, выбор концепции наказания, идеология оправдания государственного преследования и т.д. — все это существенно изменяет оценки рисков. Не следует сбрасывать со счетов и риски для репутации высокопоставленных чиновников и государственных служб, которые в силу занимаемой позиции в иерархии власти должны как-то реагировать на криминальную ситуацию. “Определение” рисков и проведение мероприятий в рамках уголовной политики может быть одним из способов оправдания их деятельности по охране порядка. Кроме того, в этом контексте важна роль СМИ, формирующих страхи перед преступностью и мифы о преступниках. Они подпитывают общественные дискуссии по поводу угроз. Вместе с тем данные рассуждения вовсе не означают, что “методология прогнозирования риска в области преступности является ненаучной: необходимо лишь указать на важность критического пересмотра требования о надежности в отношении профессиональных или клинических суждений”²⁹. В некоторых случаях, когда имеются количественные данные относительно каких-то групп, расчет рисков возможен. В частности, это касается насильственных преступников и лиц, совершивших преступления на сексуальной почве.

²⁷ Zedner L. Risiko, Sicherheit und Terrorismus: Drei Konzepte auf der Suche nach einer akademischen Disziplin // Kriminologisches Journal. 2012. 10. Beiheft. S. 31.

²⁸ Ibid. S. 32.

²⁹ Ibid. S. 33.

Понятие надежности распространяется и на средства обеспечения безопасности, которые в правовом государстве по идее должны быть правовыми. Проблема заключается в том, что полномасштабная (глобальная) ориентация на безопасность продуцирует после-превентивное уголовное право, подавляющее независимые подходы к пониманию безопасности. В своей идеально-типической форме подобного рода ориентация ведет к милитаризации внутренней безопасности³⁰ и использованию для ее поддержания неправовых мер. Криминологи выделяют, как минимум, следующие разновидности мер безопасности в сфере контроля преступности, применяемые государственными институтами вне правового поля: уничтожение предполагаемых особо опасных преступников, чье преступное поведение не установлено судом; как правило, лишение жизни невиновных людей “заодно” с опасными преступниками; лишение жизни либо здоровья людей, попросту неудобных государству; причинение от имени государства вреда преступникам, который назначается судом на основании их отрицательных личностных особенностей, а не совершенного ими преступления³¹. Складывается впечатление, что меры, направленные на противодействие преступности, ориентированы не на юридически допустимые, а на технические возможности системы уголовного преследования.

В свое время Н. Луман сформулировал вопрос: может ли кто-нибудь выявить разницу между пониманием рисков лицами, принимающими решения, и теми, кто пострадал или пострадает? Иначе говоря, является ли правильным предположение, что больше знаний, дискуссий и обсуждений рисков — “больше всего этого сделает что-то лучше или, по крайней мере, ничего не испортит?”³². Понимание и принятие риска означает, что мы контролируем наш контроль, как минимум, в двух моментах: знаем количество преступлений, совершенных за определенный период, и уверены в правомерности и результативности действий агентов контроля.

Что касается статистики преступности, то ни у кого не вызывает сомнения, что ею можно управлять и использовать как для успокоения, так и для устрашения населения с целью продвижения неких идеологем, включая идеологему общественной безопасности. Одной из практик, используемых для успокоения населения в рам-

³⁰ Albrecht P.-A. Kriminologie: Eine Grundlegung zum Strafrecht — 4., neu bearbeitete Auflage. München, 2010. S. 65.

³¹ См., например: Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб., 2015. С. 329–330.

³² Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2008. S. 353.

ках идеологемы возрастающего благополучия в стране, является сокрытие истинного числа преступлений. По мнению экспертов и оценке ВНИИ Генпрокуратуры, “уровень фактической преступности более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной”³³. Связано это не только с латентностью разных видов преступлений, но и с ее селекцией, например, по критерию принадлежности преступников к силовым структурам.

В последние годы для общественности стала более доступна официальная информация об уголовных делах в отношении правоохранителей и их коллег силовиков. Так, по данным Генпрокуратуры за 2017 г., на эту категорию граждан приходилось 12 тыс. совершенных преступлений, что составляет 1,07% от общего числа уголовных дел. При этом на сотрудников МВД приходилось почти треть (28,8%) преступлений, на представителей ФСИН — 8,3%, на службы судебных приставов — 6,9%³⁴. Однако нельзя уверенно сказать, что данная статистика освещает все преступления, особенно совершенные сотрудниками полиции и исправительных учреждений. Свидетельством этого служат и данные правозащитных организаций. По их сведениям, с 2013 по 2020 г. в Европейский суд по правам человека было подано более 4300 обращений заключенными, “которые утверждали, что условия их содержания в исправительных учреждениях являются бесчеловечными и унижающими достоинство”³⁵. Где-то речь идет о насилии со стороны таких же заключенных, где-то — о насилии со стороны персонала колоний, тюрем. По данным Следственного комитета (СКР), в России в период с 2015 по 2018 гг. возбуждено 148 уголовных дел об избыточном применении силы сотрудниками колоний и СИЗО. Однако число таких дел в 43,7 раза меньше числа жалоб на насилие в тюрьмах, которые поступили в СКР. Всего их поступило 6,5 тыс. При этом уголовные дела не возбуждались более чем в 30 регионах, хотя в большинстве число жалоб достигало нескольких десятков³⁶. Это “вынуждает делать вывод, что Следственный комитет как институт реагирования на пытки практически отсутствует”³⁷.

³³ Российские силовики ежегодно скрывают миллионы преступлений, считают криминологи. URL: <https://www.newsru.com/crime/19mar2015/crimestat2mcover.html> (дата обращения: 11.10.2020).

³⁴ Сергеев С. У правоохранителей стабильная преступность // Коммерсантъ. 2018. № 200. С. 6.

³⁵ Челищева В., Романова О. Указ. соч.

³⁶ Алехина М. СКР впервые раскрыл данные по делам о пытках в колониях и СИЗО. URL: <https://www/rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (дата обращения: 01.10.2020).

³⁷ Там же.

Находясь в относительном благополучии и будучи на свободе, можно не обращать внимания на эти данные и даже найти оправдание для насилия, поскольку оно касается преступников, т.е. людей, которые сами виноваты в том, что находятся в таком положении. Но это слабое оправдание. И потому, что решение, вынесенное судом, не предусматривает дополнительно виктимизацию в местах отбывания наказания. И потому, что кроме преступников в тюрьму попадают и невинные лица. В России не ведется регулярной статистики невинно осужденных, однако только в 2014 г., по словам генпрокурора РФ, 14261 человек незаконно привлечен к уголовной ответственности, а 4,6 тыс. человек были незаконно арестованы и задержаны³⁸. Если к этому добавить, что шанс на оправдание в российском суде в 2019 г. не превышал 1%³⁹, а решения присяжных заседателей (они выносят оправдательные решения примерно в 10 раз чаще⁴⁰) в судах большей частью отменяются, то можно прийти к умозаключению, что “судьба обвиняемого в совершении преступления решается еще на этапе следствия”⁴¹, а суды не выполняют функцию независимого органа. Логика системы проста: “Если дело не доходит до суда, то это показатель отрицательного качества следствия. А если суд, получив дело, не сумел вынести обвинительный приговор, который устоял бы [в апелляционной инстанции], то это значит, что суд плохо работает”⁴². Ну а далее осужденных ожидают все ужасы отбывания наказания. Сказанное свидетельствует, что вопрос о виктимизации в тюрьме — не локальная проблема, она касается (реально или потенциально) каждого индивида.

Деятельность агентов системы безопасности превращает индивидов и группы индивидов в подчиненное средство исполнения определенных функций, лишая их права выбора, свободы и автономности. Произведенная таким образом делинквентность находится в движении к противозаконности, т.е. воспроизводит преступность, что создает перспективу для ее постоянного контроля, поддержания репрессивных уголовных институтов и укрепления механизмов

³⁸ Гамаюнов И. Человек на коленях. Кто остановит пыточный конвейер следствия, вынуждающий задержанных брать на себя чужую вину? // Литературная газета. 2014. № 19. С. 13.

³⁹ Верховный суд оценил ситуацию с оправдательными приговорами в России. URL: <https://ria.ru/20190925/1559101059.html> (дата обращения: 11.10.2020).

⁴⁰ Линделл Д., Алехина М., Серков Д., Тарасенко Е. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5add539a79477ac3e23377> (дата обращения: 11.10.2020).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

власти⁴³. Так, за восемь месяцев 2020 г. больше половины (59,3%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления⁴⁴.

Если говорить в целом об обеспечении безопасности как декларированной цели (и предмета) деятельности агентов системы безопасности, то ситуация в первые месяцы 2020 г. выглядела следующим образом. Несмотря на режим само- и обязательной (в некоторых случаях) изоляции вследствие мировой пандемии, который создал естественные условия для понижения социальной активности, совершено на 0,9% преступлений больше, чем за аналогичный период прошлого года. Вырос удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений (с 24,5% в январе–августе 2019 г. до 27,4% за восемь месяцев 2020 г.), число преступлений, связанных с мошенничеством выросло на 32,2% (218,5 тыс.). В этом году на 76,7% увеличилось число преступлений с использованием информационных технологий (удельный вес вырос с 13,3% в январе–августе 2019 г. до 23,3%). «Половина таких преступлений (50,9%) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 162,0 тыс. (+86,0%); больше половины (57,3%) совершается с использованием сети “Интернет”: 182,6 тыс. (+90,2%), почти половина (42,6%) — средств мобильной связи: 135,8 тыс. (+100,5%). Четыре таких преступления из пяти (81,6%) совершаются путем кражи или мошенничества: 259,8 тыс. (+85,0%), каждое двенадцатое (8,1%) — с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 25,7 тыс. (+60,8%)»⁴⁵. По данным МВД РФ, раскрыто на 3,3% (554,9 тыс.) преступлений меньше, чем за аналогичный период прошлого года⁴⁶. Приведенные официальные данные свидетельствуют, что потенциал современной системы социальной безопасности в сфере противодействия преступности невысок, что, возможно, вызвано переключением внимания агентов контроля на другие события, не входящие напрямую в компетенции правоохранительных органов.

Подводя итог, следует отметить, что контрологическая перспектива изучения социального контроля преступности нацеливает исследователя на критическое осмысление действующей системы обеспечения безопасности в сфере контроля преступности. Научные дискуссии, протекающие в данной перспективе, касаются двух основных аспектов. Во-первых, подвергается переосмыслению понятие преступности, которая не может ограничиваться правовым

⁴³ Фуко М. Указ. соч. С. 337–348.

⁴⁴ Состояние преступности в России за январь–август 2020 г. М., 2020. С. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

конструированием нормы, но должна рассматриваться в аспекте реальной угрозы деяний для общества и индивидов. Обеспечение безопасности при этом должно быть связано с корректировкой объекта воздействия, т.е. перераспределением внимания между “уличной” и “беловоротничковой” преступностью, к которой относится деятельность лиц, имеющих ту или иную власть. Такой подход дает возможность для объяснения и предотвращения многих опасностей, ведущих к нестабильности социума. Во-вторых, контролologическая перспектива анализа предмета деятельности системы безопасности, позволяет оценить надежность определения рисков преступности и средств обеспечения безопасности. Государственная политика в области “борьбы” с преступностью зачастую грешит нарушением прав граждан, поэтому стратегии всеобъемлющего государственного контроля должны быть заменены “превентивным партнерством” разных агентов безопасности. В ситуации утраченного доверия общества к способности государства обеспечивать безопасность в сфере противодействия преступности поднимается вопрос о необходимости использования механизмов саморегуляции в виде участия общественности (*community involvement*), модели участия (*participatory models*), неформального правосудия (*informal justice*), ситуационного правосудия (*situational justice*). “Эти формы выражения саморегуляции имеют связь с дискуссиями об альтернативе для уголовной юстиции и гарантиях прав всех, кого это касается”⁴⁷. Тем самым они работают на понижение уровня нормализации и дисциплинирования в обществе, а также на ослабление властных притязаний государства в области контроля поведения людей и наказания преступников. Потребность в широком научном и общественном обсуждении данного вопроса назрела давно, однако, для его реализации необходимо проявление готовности и согласия со стороны различных социальных агентов, и в первую очередь — политиков и государственных чиновников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов Л., Донскова Н. Изгой–2. Сломанные люди. URL: <https://women-in-prison.ru/lgbt-2> (дата обращения: 10.10.2020).

Алехина М. СКР впервые раскрыл данные по делам о пытках в колониях и СИЗО. URL: <https://www/rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (дата обращения: 01.10.2020).

Баев В.Г., Лаврик Т.М., Марченко А.Н. “Дисциплинарная власть” Мишеля Фуко: размышления над книгой “Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы” // Современное право. 2017. № 10. С. 5–10.

⁴⁷ Jung H. *Kriminalsoziologie*–2., neu bearbeitete Auflage. Baden-Baden, 2007. S. 27.

Бурлаков В.Н., Волков Ю.Н., Сальников В.П. Политический режим и преступность. СПб., 2001.

Верховный суд оценил ситуацию с оправдательными приговорами в России. URL: <https://ria.ru/20190925/1559101059.html> (дата обращения: 11.10.2020).

Гамаюнов И. Человек на коленях. Кто остановит пыточный конвейер следствия, вынуждающий задержанных брать на себя чужую вину? // Литературная газета. 2014. № 19.

Кристи Н. Опасные государства (опасные режимы) // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 22–38.

Линделл Д., Алехина М., Серков Д., Тарасенко Е. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 11.10.2020).

Преступность по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-2> (дата обращения: 11.10.2020).

Раскин А. Зэков в России бьют не по понятиям, а по закону. URL: <https://life.ru/p/898172> (дата обращения: 11.10.2020).

Российские силовики ежегодно скрывают миллионы преступлений, считают криминологи. URL: <https://www.newsru.com/crime/19mar2015/crimestat2mcover.html> (дата обращения: 11.10.2020).

Рунова К.А. Тюремная медицина: принципы и кейсы для России / Под ред. К.Д. Титаева. СПб., 2020. Вып. 5.

Сергеев С. У правоохранителей стабильная преступность // Коммерсантъ. 2018. № 200.

Состояние преступности в России за январь–август 2020 г. М., 2020.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2018.

Челищева В., Романова О. Опускание грехов. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov> (дата обращения: 08.08.2020).

Шарапов В. Это место называют новым ГУЛАГом. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/20/pobeg/> (дата обращения: 10.08.2020).

Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб., 2015.

Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории. М., 2001.

REFERENCES

Agafonov L., Donskova N. Izgoi–2. Slomannye lyudi [Outcasts–2. Broken people]. URL: <https://women-in-prison.ru/lgbt-2> (accessed: 10.10.20) (in Russian).

Albrecht P.-A. Kriminologie: Eine Grundlegung zum Strafrecht–4., neu bearbeitete Auflage. München, 2010.

Alekhina M. SKR vpervye raskryl dannye po delam o pytkakh v koloniyakh i SIZO [Investigative Committee of the Russian Federation for the first time disclosed data on cases of torture in colonies and pre-trial detention centers]. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (accessed: 01.10.20) (in Russian).

Baev V.G., Lavrik T.M., Marchenko A.N. “Disciplinarnaya vlast” Mishelya Fuko: razmyshleniya nad knigoy “Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’m” [“Disciplinary power” by Michel Foucault: reflections on the book “to Supervise and punish. The birth of prison”] // Sovremennoe pravo. 2017. N 10 (in Russian).

- Bock M.* Kriminologie. Für Studium und Praxis. 4. Auflage. München, 2013.
- Burlakov V.N., Volkov YU.N., Sal'nikov V.P.* Politicheskij rezhim i prestupnost' [Political regime and crime]. SPb., 2001 (in Russian).
- Busmann K.-D.* Kriminalität als notwendiger Teil gesellschaftlicher Entwicklung // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2000. 83. Jahrgang. Heft 4. S. 233–246.
- Chelishcheva V., Romanova O.* Opushchenie grekhov [Constant rape in prison]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov> (accessed: 08.08.2020) (in Russian).
- Ellis D., Whyte D.* Redefining criminality: public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (accessed: 14.07.2017).
- Foucault M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and punish. The birth of prison]. M., 2018 (in Russian).
- Gamayunov I.* Chelovek na kolenyakh. Kto ostanovit pytochnyi konveier sledstviya, vynuzhdayushchii zaderzhannykh brat' na sebya chuzhuyu vinu? [A person on his knees. Who will stop the torture conveyor of the investigation, forcing the detainees to take on the blame of others?] // Literaturnaya gazeta. 2014. N 19 (in Russian).
- Garland D.* The culture of control, crime and social order in contemporary society. Chicago; Oxford, 2001.
- Goode E.* Deviant behavior. N.Y., 2016.
- Jung H.* Kriminalsoziologie–2., neu bearbeitete Auflage. Baden-Baden, 2007.
- Klimke D.* Wach- & Schliessgesellschaft Deutschland: Sicherheitsmentalitäten in der Spätmoderne. Wiesbaden, 2008.
- Kristi N.* Opasnye gosudarstva (opasnye rezhimy) [Dangerous States (Dangerous Regimes)] // Politicheskii rezhim i prestupnost'. SPb., 2001. P. 22–38 (in Russian).
- Lindell D., Alekhina M., Serkov D., Tarasenko E.* 1 k 466: pochemu rossiiskie sudy stali opravdyvat' eshche rezhe [1 in 466: why Russian courts have become less acquitted]. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Luhmann N.* Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2008.
- Prestupnost' po dannym Rosstata* [Crime according to Rosstat]. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-2> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Raskin A.* Zekov v Rossii b'yut ne po ponyatiyam, a po zakonu [Convicts in Russia are beaten not according to concepts, but according to the law]. URL: <https://life.ru/p/898172> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Rossiiskie siloviki ezhegodno skryvayut milliony prestuplenii, schitayut kriminologi [Russian security officials hide millions of crimes every year, criminologists say]. URL: <https://www.newsru.com/crime/19mar2015/crimestat2mcover.html> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Runova K.A.* Tyuremnaya meditsina: printsipy i keisy dlya Rossii [Prison Medicine: Principles and Cases for Russia] / Pod red. K.D. Titaeva. SPb., 2020 (in Russian).
- Schneider H.J.* Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie; Überblick und Diskussion. Münster, 2001.
- Sergeev S.* U pravookhranitelei stabil'naya prestupnost' [Law enforcement has a stable crime] // Kommersant". 2018. N 200 (in Russian).

Sharapov V. Eto mesto nazyvayut novym GULAGom [This place is called the new GULAG]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/20/pobeg/> (accessed: 10.08.20) (in Russian).

Shestakov D.A. Teoriya prestupnosti i osnovy otraslevoj kriminologii: Izbrannoe [Theory of crime and basics of branch criminology: selected]. SPb., 2015 (in Russian).

Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–avgust 2020 g. [The state of crime in Russia for January–August 2020]. M., 2020 (in Russian).

Yakovlev A.M. Sociologiya prestupnosti (kriminologiya): Osnovy obshchej teorii [Sociology of crime (Criminology): Fundamentals of General theory]. M., 2001 (in Russian).

Verkhovnyi sud otsenil situatsiyu s opravdatel'nymi prigovorami v Rossii [The Supreme Court assessed the situation with acquittals in Russia]. URL: <https://ria.ru/20190925/1559101059.html> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).

Zedner L. Risiko, Sicherheit und Terrorismus: Drei Konzepte auf der Suche nach einer akademischen Disziplin // Kriminologisches Journal. 2012. N 10. Beiheft. S. 10–46.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-101-116

ВОСПРИЯТИЕ СЕМЕЙНОСТИ И БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005**

В.В. Груздев, докт. юридич. наук, проректор по научной работе, Костромской государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ), ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005***

В.Н. Ершов, канд. технич. наук, первый проректор, Костромской государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ), ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005****

В статье рассматриваются особенности трансформации представлений и социальных установок жителей постсоветских стран, касающихся семейности и близких отношений. Статья базируется на анализе результатов третьей и шестой волн международного лонгитюдного исследования — World Values Survey. Авторы обосновывают вывод о широком распространении в постсоветских странах традиционных ценностных ориентаций как адаптационной стратегии государства и общества в ответ на большие вызовы. В то же время в статье делается вывод об амбивалентности и асимметричности трансформаций в сфере близких отношений. Выделяется четыре модели таких отношений в постсоветских странах. Особую роль в трансформации близких отношений играет, по мнению авторов, государственная политика. Она носит пронаталистский характер, не учитывает особенностей разных форм и видов отношений и ориентирована, главным образом, на повышение деторождения. Это, несомненно, снижает ее потенциал как механизма адаптации государства в ситуации демографического перехода.

Ключевые слова: семейность, близкие отношения, ценностные ориентации, дискурсивное сознание.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ “Близкие отношения и семья в жизненном пространстве современности: вызовы, совладание, ресурсы, развитие” (FZEW-2020-0005).

** Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

*** Груздев Владислав Владимирович, e-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

**** Ершов Владимир Николаевич, e-mail: yvn@ksu.edu.ru

PERCEPTION OF FAMILY AND CLOSE RELATIONSHIPS IN THE POST-SOVIET SPACE: FACTORS AND DIRECTIONS OF TRANSFORMATION

Smirnov Vladimir A., Doct. Sociol. Sci., Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

Gruzdev Vladislav V., Doctor of Law, Vice-Rector for Scientific Work, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

Yershov Vladimir N., Candidate of Technical Sciences, First Vice-Rector, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: yvn@ksu.edu.ru

The article deals with the peculiarities of transformation of ideas and social attitudes of residents of post-Soviet countries concerning family life and close relationships. The article is based on the analysis of the results of the third and sixth waves of the international longitudinal study — World Values Survey. The authors substantiate the conclusion that traditional value orientations are widely spread in post-Soviet countries as an adaptation strategy of the state and society in response to big challenges. At the same time, the article concludes about ambivalence and asymmetry of transformations in the sphere of close relationships. There are four models of such relations in post-Soviet countries. According to the authors, state policy plays a special role in the transformation of close relations. It is pro-natalistic in nature, does not take into account the peculiarities of different forms and types of relationships and is mainly focused on increasing childbearing. This undoubtedly reduces its potential as a mechanism for adapting the state to the situation of demographic transition.

Key words: family, close relationships, value orientations, discursive consciousness.

Введение

Трансформация семьи и близких отношений идет с 60-х гг. прошлого века, что связано с процессами глобализации. Основными проявлениями этой трансформации стали более поздние браки, увеличение числа разводов, расширение различных форм партнерств, снижение рождаемости и воспроизводство феномена добровольной бездетности. Большие вызовы и угрозы, с которыми столкнулись современные государства, в частности в области демографического перехода, привели к разработке различного рода мер и программ в области семейной политики.

Трансформационные процессы привели к возникновению целого спектра разнообразных форм близких отношений и партнерств. Их можно условно разместить в двумерном пространстве. Критериями такой типологии будут выступать нормативная закреплённость отношений (например, зарегистрированный брак или же совместное

проживание) и количество субъектов близких отношений (пары без детей, или же семьи, объединяющие несколько поколений). Несомненно, оба эти континуума включают в себя целый спектр различных вариаций таких партнерств. Например, даже внешне традиционные пары, проживающие вместе, могут в действительности быть разведенными мужем и женой, совместно воспитывающими детей. Такой тип отношений часто маркируется как *fragile families*¹.

В последние годы появился еще один важный критерий для разделения субъектов близких отношений, связанный с полом участников. Узаконивание в ряде государств однополых браков привело к возникновению терминов, которые снимают оценочную нагрузку с таких партнерств.

Предметом настоящей статьи выступают особенности дискурсивного сознания жителей постсоветских государств, связанные с восприятием семейности и близких отношений. Именно они способствуют расширению или наоборот ограничению репертуара повседневных социальных экспериментов², воспроизводство которых приводит в конечном итоге к изменению близких отношений.

Информационная база исследования

В основу статьи положены результаты лонгитюдного мирового исследования “*World Values Survey*”³. На момент написания статьи разработчиками были выложены в открытый доступ первичные данные шести волн исследования, начиная с 1981 и заканчивая 2014 г. Общее количество стран, принимавших участие в исследовании, равняется 60. Отметим, что не все государства принимали участие в каждой волне исследования, что существенно затрудняет проведение сравнительного анализа.

Для решения задач, поставленных в статье, использовались результаты третьей (1995–1998 гг.) и шестой (2010–2014 гг.) волн исследования, что позволило проанализировать динамику социальных процессов за более чем десятилетний период. В информационную базу исследования вошли семь постсоветских государств (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Эстония, Грузия, Россия и Украина). Объем информационной базы составил 13974 и 10372 записей по каждой волне соответственно, общее число признаков 1446. Для целей на-

¹ Bogenschneider K., Corbett T.J. Family policy: becoming a field of inquiry and subfield of social policy // *Journal of Marriage and Family*. 2010. N 72 (3). P. 120–130.

² Giddens A. The transformation of intimacy // *Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. L., 1992.

³ World Values Survey–2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed: 25.12.2020).

стоящей статьи было отобрано 15 из них, позволивших исследовать трансформацию семейности и близких отношений.

Для обработки, анализа и визуализации данных использовался свободно распространяемый язык программирования R.

Анализ эмпирических данных

Для понимания динамики трансформации семейности и близких отношений используем три интегральных индикатора. Во-первых, жизнестойкость и гибкость близких отношений как социальной структуры. Данный индикатор операционализируется через анализ диспозиций относительно таких явлений как аборт, развод и гомосексуализм. Первые два явления — это индикаторы жизнестойкости. Действительно, неспособность пары сохранять отношения в сложной жизненной ситуации (развод) и прерывание естественного процесса межпоколенческого воспроизводства (аборт) свидетельствуют о ее “хрупкости”, невозможности противостоять не только “большим”, но и повседневным вызовам. Оценка гомосексуализма как социально одобряемого или же наоборот неприемлемого формата отношений позволяет сделать выводы о степени вариативности повседневных социальных экспериментов в процессе структуризации партнерств в той или иной стране. Во-вторых, особенности воспроизводства традиционных гендерных ролей. В данном случае для нас важно оценить, что происходит с их восприятием на уровне дискурсивного сознания, имеются ли попытки совладать с большими вызовами современности через их актуализацию или же наоборот отрицать как рудиментарные. В-третьих, ценностные ориентации, структурирующие близкие отношения. Они операционализируются через оценку тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо прививать детям.

Начнем анализ с первой группы индикаторов. Участникам исследования был задан вопрос: “Насколько заслуживают оправдания предоставленные ниже явления?” и предложен спектр явлений, три из которых были отобраны нами для анализа. Респонденты могли оценить явления от 1 (“Никогда не могут быть оправданы”) до 10 (“Всегда могут быть оправданы”). Первичный анализ с использованием теста *Mann–Whitney–Wilcoxon* продемонстрировал статистически значимые различия между ответами, полученными от респондентов разных стран в каждую из волн. Другими словами, мы можем наблюдать не только различия между респондентами разных стран, отвечающими на данный вопрос, но и различия между участниками разных волн исследования. Это

позволяет констатировать, что восприятие данных явлений трансформируется как под влиянием времени, так и под влиянием различных социокультурных факторов, по-разному проявляющихся в отдельных государствах.

Для более наглядного представления результатов мы перекодировали все три переменные в признаки с двумя градациями: “скорее не оправдано” (1–4) и “скорее оправдано” (5–10) и вычислили процент респондентов (от общего числа ответивших на вопрос в каждой стране), склонных оправдывать конкретное явление в зависимости от волны исследования (табл. 1).

Таблица 1

Динамика оправданий гомосексуализма, абортов и разводов, %

Страна/ год	Гомосексуализм		Аборты		Разводы	
	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014
Азербайджан	11,4	1,8	53,1	25,5	54,6	30,6
Армения	19,2	2,3	58,6	26,5	64,1	35,0
Белоруссия	29,1	20,4	62,5	45,0	70,9	68,3
Грузия	10,4	2,4	49,0	11,6	56,3	41,1
Россия	23,2	29,6	66,7	56,1	72,9	76,9
Украина	27,5	20,4	60,2	41,0	71,5	66,1
Эстония	28,8	38,6	67,9	64,4	80,0	81,4

Страны, попавшие в выборку, с точки зрения динамики исследуемого индикатора можно разделить на три группы. В первой (Азербайджан, Армения, Грузия) наблюдается значительное снижение положительных оценок указанных явлений. Во второй (Украина, Белоруссия) положительные оценки снижаются, но не такими темпами, а по некоторым показателям находятся примерно на одном и том же уровне. Третья группа (Россия и Эстония) демонстрирует пусть и незначительное, но увеличение положительных оценок гомосексуализма и разводов.

Проанализируем, насколько схожи данные оценки между мужчинами и женщинами. Так, число респондентов разного пола, положительно воспринимающих развод примерно одинаково во всех странах, в каждую из волн (нет статистически значимых различий). Аборты по-разному оцениваются мужчинами и женщинами, при этом женщины оправдывают это явление чаще, чем мужчины, независимо от волны исследования и страны, в которой проживают респонденты. Вероятно, это связано с тем, что женщина

в ситуации разрыва отношений не готова к воспитанию ребенка одна. Сходную ситуацию мы наблюдаем и при оценке гомосексуализма. В тех странах, где имеются гендерные различия, женщины демонстрируют большую толерантность и готовность оправдать данное явление. Представляет интерес и еще одно наблюдение. В странах первой группы мы можем наблюдать рост неодобрения указанных явлений среди “семейных” респондентов. Среди тех, кто живет один или в незарегистрированном браке, такая позиция менее выражена. Например, количество “семейных” респондентов, одобряющих аборт в 1990-е гг. в Армении, составляло 58%, в 2000-е оно сократилось до 27%; количество азербайджанцев, живущих в зарегистрированном браке и одобряющих развод, составляет 51,5 и 30,7% соответственно.

Проанализируем, каким образом респонденты исследуемых стран воспринимают границы гендера в разные годы исследования. Рассмотрим три ситуации (вопросы анкеты), характеризующие трансформацию гендерных ролей (табл. 2):

- Когда рабочих мест не хватает, мужчина должен иметь больше прав на работу, чем женщина (“Работа”);
- В целом из мужчин получаются более эффективные политические лидеры, чем из женщин (“Политика”);
- Если женщина зарабатывает больше, чем ее муж, это наверняка вызовет проблемы в семье (“Финансы”).

Таблица 2

Особенности трансформации гендерных ролей, %

Страна/ год	Работа		Политика		Финансы	
	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014
Азербайджан	63,6	76,5	71,5	67,8	57,8	37,8
Армения	59,9	54,3	83,2	63,00	57,9	36,8
Белоруссия	44,6	28,8	70,0	65,7	41,3	23,7
Грузия	64,5	46,1	79,8	58,8	50,1	26,2
Россия	49,0	29,1	60,0	60,5	41,7	23,9
Украина	37,6	30,0	63,4	50,4	38,3	20,4
Эстония	33,0	18,3	69,2	51,1	51,2	25,4

В таблице представлены проценты ответов “Согласен” на три указанных вопроса. Анализируемые вопросы не просто репрезентируют разные сферы взаимодействия мужчин и женщин. Они также отражают уровни пластичности гендерных границ в массовом созна-

нии. Действительно, признать право женщины быть эффективным политическим лидером значительно сложнее, чем согласиться с ее правом претендовать на рабочее место или быть финансово успешной. Мы можем наблюдать постепенное размывание традиционных гендерных ролей во всех исследуемых странах (лишь Азербайджан демонстрирует незначительный рост по первому столбцу).

Мужчины значительно чаще демонстрируют консервативную позицию и традиционное восприятие гендерных ролей, нежели женщины. Так, по результатам шестой волны исследования по всем странам количество женщин, несогласных с тем, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, практически в два раза превышает число мужских ответов (в Армении, например, количество несогласных женщин в 3,5 раза больше, чем мужчин). Таким образом, мы можем констатировать, что трансформация гендерных ролей во многом происходит именно за счет женщин, расширения репертуара их социальных практик и выхода за рамки традиционных социальных структур. Отметим также, что количество “несогласных” значительно выше среди респондентов, не состоящих в зарегистрированном браке.

Обратимся к анализу тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо развивать у своих детей. В исследовании участникам было предложено выбрать из 10 характеристик те, которые им хотелось бы видеть в своих детях. Для выявления латентной структуры этих характеристик мы использовали факторный анализ. При изучении результатов на выборке шестой волны нами были получены три фактора⁴, объясняющие 72% дисперсии и позволяющие осуществить содержательную интерпретацию полученных компонент. В *первый фактор* вошли следующие качества: воображение, решительность и настойчивость, независимость; во *второй*: трудолюбие, ответственность, терпимость и уважение к другим людям, бережливость; в *третий*: религиозность, бескорыстие, послушание. Проведенный анализ позволяет сформулировать три стратегии воспитания детей, которые, на наш взгляд, демонстрируют разные направления трансформации близких отношений.

Первая стратегия (фактор) — это либеральная, индивидуалистическая модель воспитания и, соответственно, близких отношений. Такие качества, как независимость и решительность, репрезентируют современный тип человека и общества, и идеологически близки к современной рыночной экономике. Это характеристики современного человека, живущего в обществе потребления.

⁴ Анализ проводился методом главных компонент, метод вращения варимакс.

Вторая стратегия (фактор) — традиционная, коллективистская модель воспитания, основанная на приоритете традиционных или советских ценностей. Основу ее составляют трудолюбие, бережливость, приоритет интересов сообщества над личными.

Наконец, третья стратегия (фактор) — это религиозное воспитание, основанное на традиционных нормативных постулатах любой мировой конфессии.

Проанализируем, в каких из рассматриваемых стран доминирует та или иная стратегия (см. рис.).

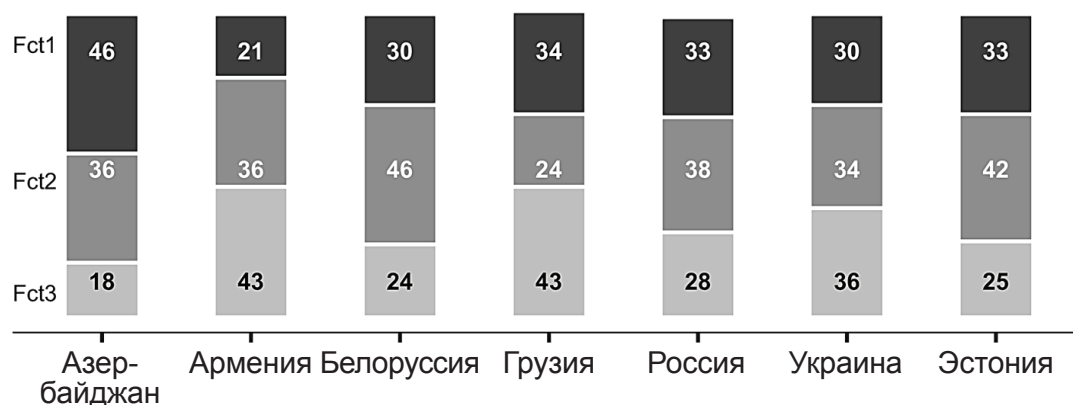

Рис. Стратегии воспитания детей в исследуемых странах, %

На рисунке представлено распределение встречаемости каждого из трех факторов в исследуемых странах. Слева указаны номера факторов, в столбцах проценты встречаемости каждого из них в конкретной стране.

Ни в одной из стран мы не наблюдаем доминирующей стратегии воспитания детей (более 50%). Тем не менее, отметим, что в Азербайджане сильнее выражена первая, в Белоруссии, Эстонии, России — вторая. В Армении, Грузии, Украине сильнее, чем в других странах, проявлена третья стратегия. В целом мы можем говорить о достаточно высоком уровне амбивалентности жителей бывших советских республик при выборе тех качеств, которые необходимо формировать у будущих поколений. Это свидетельствует о том, что в условиях современных больших вызовов и угроз ни одна из стран не имеет единого образа своего будущего. Это проявляется на всех уровнях, в том числе и в процессе структуризации семейных и близких отношений. В то же время отметим, что почти во всех странах количество респондентов, выбирающих первую стратегию, примерно одинаково. Это позволяет констатировать широкое распространение западных ценностей на постсоветском пространстве, что, несомненно, разрушает институт традиционных близких отношений, даже

в достаточно консервативных сообществах⁵. Значительное число респондентов сохраняет советские ценности (второй фактор), что, несомненно, можно рассматривать как адаптационную стратегию в ситуации глобализации и “текучей” современности.

Обсуждение эмпирических результатов

Анализ, представленный в настоящей статье, демонстрирует тот факт, что на дискурсивном уровне значительная часть жителей постсоветских государств начинает возвращаться к традиционным, консервативным ценностям. Целый ряд исследователей подтверждает этот вывод. Некоторые из них говорят о “консервативной мобилизации”⁶, другие о “гендерном откате”⁷, подразумевая возвращение к жестким гендерным структурам в близких отношениях. Несомненно, такая ситуация тесным образом связана с государственной политикой в области семьи, активной интеграцией государства и официальных церковных организаций, действующих в той или иной стране. Возврат к консервативным ценностям в близких отношениях после “ценностного плюрализма” 90-х гг. прошлого века является не только результатом государственной политики, но также связан с историческими и социокультурными особенностями постсоветских стран. Опыт жизни при коммунистических режимах в Восточной Европе сформировал в обществе такие ценности, как консерватизм и иерархичность⁸. Несомненно, именно они проявляются в диспозициях жителей постсоветских государств, проанализированных в настоящей статье.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в последние десятилетия в отдельных сегментах постсоветских обществ обозначился возврат к традиционным консервативным моделям семейности и близких отношений, по крайней мере, на дискурсивном уровне.

В то же время не вызывает сомнения тот факт, что этот возврат имеет разную интенсивность в разных странах. В нашем исследова-

⁵ Стародубровская И. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39–56.

⁶ Sherstneva N. Why are children’s rights so dangerous: interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia // Women’s History in Russia: (Re) Visiting the Field / Ed. by M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge, 2014.

⁷ Temkina A., Zdravomyslova E. Gender’s crooked path: feminism confronts Russian patriarchy // Current Sociology. 2014. Vol. 62 (2). P. 253–270.

⁸ Schwartz S. Towards refining theory of basic human values // Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences / Ed. by S. Salzborn, E. Davidov, J. Reinecke. Heidelberg, 2012.

нии он наиболее выражен в тех обществах, в которых традиционные нормы и отношения, патриархальный уклад были достаточно сильны еще в период Российской империи и не претерпели значительных изменений в советское время. Это подтверждается и другими исследованиями. В частности, анализ близких отношений на Кавказе демонстрирует тот факт, что они и сегодня базируются на многовековых традициях, гендерном доминировании мужчины и ведущей роли старшего поколения⁹. Вероятно, значительную роль в процессе “ценностного возврата” играет степень религиозности жителей того или иного государства. Действительно, мы можем видеть, что респонденты, считающие себя религиозными и при этом хотя бы раз в неделю участвующие в религиозных обрядах, почти в три раза чаще демонстрируют склонность к воспроизводству традиционного и консервативного дискурса. Мы также наблюдаем, что религиозная стратегия воспитания детей доминирует в тех странах, где респонденты чаще указывают на важность консервативных типов близких отношений. Сходные результаты получены, например, польскими исследователями, анализирующими влияние католицизма на сохранение традиционных форм семьи в современной Польше¹⁰.

В то же время нельзя не обратить внимания на тот факт, что в целом ряде постсоветских стран мы наблюдаем амбивалентность в оценках моделей семейных и близких отношений. Это проявляется, главным образом, при анализе таких явлений, как гомосексуализм и шире — трансгендеринг. Несомненно, важнейшим фактором, оказывающим влияние на эскалацию данных явлений в постсоветских странах, становится широкое распространение подобных дискурсивных практик в Европе и Америке. Так в частности, однополые браки в Европе становятся практически нормой, достаточно упомянуть тот факт, что даже католическая церковь в лице Папы Римского Франциска высказывается за их гражданскую легализацию¹¹, при этом юридическое оформление однополый союз получил в целом ряде стран (на начало 2020 г. таких государств было 27). Во многих западных странах уже больше половины рядовых граждан не видят ничего противозаконного в гомосексуальных браках¹².

⁹ Molodikova I., Watt A. Growing up in the North Caucasus. Society, family, religion and education. L., 2014.

¹⁰ Митрега А. Современная польская семья: вызовы и риски постмодерна // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 8 (3). Р. 373–392.

¹¹ Папа Римский поддержал однополые гражданские союзы. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f9075249a79475b7e1d19ee> (дата обращения: 08.12.2020).

¹² Щелкин А.Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–164.

Эксперименты с форматами семейности и близких отношений не ограничиваются только однополыми браками. Еще одним трендом современности являются семейные союзы трансгендеров — людей, чья гендерная идентичность в определенный момент жизни перестает совпадать с их биологическим полом. Количество таких людей в мире растет, например, опрос в 2017 г. в США продемонстрировал тот факт, что порядка 2% старшеклассников идентифицируют себя как трансгендеры¹³.

В контексте настоящей статьи важно подчеркнуть одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, исчезает из фокуса внимания как исследователей, так и общественных деятелей, и социальных активистов. И гомосексуалисты, и трансгендеры в конечном итоге ориентированы на создание и воспроизводство традиционной нуклеарной семьи. Например, исследование российских трансгендеров в возрасте от 15 до 25 лет свидетельствует о том, что 45% из них планирует создание семьи (пусть и трансгендерной, но состоящей из двух родителей и детей) в будущем и активно выступают за легализацию однополых браков¹⁴. В целом представляется, что несмотря на проникновение подобных практик на постсоветское пространство, основная масса жителей этих государств по-прежнему ориентирована на воспроизводство традиционных моделей семейности и близких отношений.

“Ценностный возврат” последних десятилетий в сфере близких отношений — это следствие государственной политики. Практически во всех исследованных странах приняты различного рода нормативные и программные документы, направленные на развитие семьи и традиционных семейных ценностей. При этом стоит согласиться с целым рядом исследователей, которые говорят о том, что государственная семейная политика на постсоветском пространстве носит пронаталистский характер¹⁵. Основу ее составляет модель “кокона безопасности”¹⁶, а главной задачей является повышение рождаемости. При этом, такая модель близких отношений начала формиро-

¹³ *Johns M.M.* Transgender identity and experiences of violence victimization, substance use, suicide risk, and sexual risk behaviors among high school students — 19 states and large urban school districts, 2017 // *Morbidity and Mortality Weekly Report*. 2019. N 68. P. 67–71.

¹⁴ *Ушкова И.В., Куреев Е.Ю.* Трансгендерность в современном российском обществе // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 2. С. 82–96.

¹⁵ *Стрельник Е.А.* Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // *Социологические исследования*. 2014. № 9. С. 97–102.

¹⁶ *Giddens A.* Op. cit.

ваться еще во второй половине XVIII в. и глубоко инкорпорирована в советское и постсоветское семейное право¹⁷. Проведенный анализ демонстрирует тот факт, что сегодня необходим поиск новых методологических и методических принципов построения государственной семейной политики, учитывающей, с одной стороны, консервативные устремления значительной части граждан, с другой — широкое проникновение в массовое общественное сознание новых форматов близких отношений.

Важным результатом исследования стало понимание того, что трансформация близких отношений на ценностном и дискурсивном уровнях носит асинхронный характер. Мужчины и женщины по-разному оценивают важность тех или иных типов социального поведения, границы гендерных ролей в современном мире. Это, несомненно, связано с тем, что под влиянием целого ряда больших вызовов и угроз поменялись повседневные жизненные практики пар. Подобная асинхронность становится серьезной проблемой, поскольку отсутствие единого образа близких отношений у мужчин и женщин ведет к большому числу разводов и разрывов отношений. Этот фактор никак не учитывается при разработке и реализации государственной семейной политики.

Одним из факторов асинхронности восприятия близких отношений мужчинами и женщинами становится виртуализация повседневности, которая ведет к появлению различного рода локальностей, в которых происходит латентное размывание традиционных гендерных ролей. Подобный процесс практически не рефлексруется его участниками, но, тем не менее, на уровне повседневных практик формирует новые социальные структуры. Наиболее ярким примером являются финансовые отношения внутри семьи, существенно трансформировавшиеся ввиду возникновения новых форм денежных средств. Так, безналичные деньги, являясь “невидимыми”, способствуют, с одной стороны, развитию индивидуализма в управлении финансами, а с другой — снижают уровень контроля за их расходованием, что приводит к росту потребления, основанного не на удовлетворении потребностей, а, скорее, связанного с различного рода социальными и культурными условиями¹⁸. Увеличение их объема, появление криптовалют приводит к изменениям властных отношений внутри семьи, что также

¹⁷ Muravyeva M. “A king in his own household”: domestic discipline and family violence in early modern. Europe reconsidered // *The History of the Family*. 2013. N 18 (3). P. 227–237.

¹⁸ Загоруйко Т.А. Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 5. С. 111–139.

ведет к латентному “размыванию” традиционных гендерных ролей. Следуя модели трехуровневого измерения власти¹⁹, которая активно применяется к домохозяйствам, можно констатировать, что расширение безличной экономики приводит к перераспределению власти, возникновению ее асимметрии. В то время как на уровне повседневных семейных ритуалов могут сохраняться традиционные гендерные отношения, при принятии действительно важных решений “главный голос” остается за участником отношений, обладающим большим властным ресурсом.

Сегодня мы можем говорить о том, что под влиянием больших вызовов и угроз формируется четыре типа семейности и близких отношений.

Во-первых, это модель консервативных отношений, которую часто называют *familialism*²⁰. Это устойчивые отношения между мужчиной и женщиной, чаще всего имеющие официальный юридический статус, с достаточно четким и традиционным разделением гендерных ролей. Данная модель — это синтез традиционных патриархальных и советских ценностей. Это отношения, в которых мужчина и женщина чаще всего работают, при этом на уровне дискурса первый воспринимается как “добытчик”, вторая — как “хранительница очага”.

Во-вторых, религиозный тип отношений. Он во многом схож с предыдущим типом, но к традиционным ценностям добавляется религиозный контекст, который выступает в качестве обоснования традиционности и консервативности. Основное отличие данной модели — это преувеличенный ритуализм, склонность пары к большей рефлексии ценностных оснований своих отношений.

В-третьих, постмодернистские отношения. В данном случае речь идет об отрицании консервативных ценностей и широком диапазоне форм партнерств. Это могут быть монородительские семьи, однополые союзы, отношения, построенные по принципу “бедности” или “раздельного проживания” и др.²¹ Постмодернистские отношения — это также различного рода социальные эксперименты, связанные, например, с актуализацией и воспроизводством небинарной гендерной идентичности и т.д.

Наконец, *четвертый* тип — это отношения с неустойчивой системой предписаний. Такой тип отношений можно назвать “текучим”. Для него характерна скоротечность, быстрота созда-

¹⁹ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М., 2010.

²⁰ Revillard A. Work // Family Policy in France: From State Familialism to State Feminism? Gender Mainstreaming and Family Policy in Europe: Perspectives, Researches and Debates / Ed. by I. Crespi. Macerata, 2007.

²¹ Мутрега А. Указ. соч. Р. 373–392.

ния и распада отношений, отсутствие четких норм и правил их структуризации.

Заметим, что первые три типа отношений достаточно очевидно коррелируют с тремя стратегиями воспитания детей, выявленными в ходе эмпирического анализа. Четвертый носит латентный характер и может быть проявлен только через некоторые отдельные симптомы.

Заключение

Процесс трансформации семьи и близких отношений на постсоветском пространстве определяется историческим развитием исследуемых стран. Традиционное доминирование патриархальной культуры, консервативных и иерархических ценностей привело в последние десятилетия к выраженному “традиционному возврату” в близких отношениях. Это во многом связано с активизацией национальных государств в сфере семейной политики. Такой “возврат” в среднесрочной перспективе, несомненно, выполняет роль механизма, сдерживающего негативные последствия глобализации и больших вызовов. В то же время все исследованные страны демонстрируют высокий уровень амбивалентности и асимметричности при определении ценностной модели близких отношений. Респонденты разного пола и социального статуса по-разному воспринимают идеальный образ близких отношений, имеют различные диспозиции относительно гендерных ролей, что ведет к латентным конфликтам и противоречиям. Этот процесс усиливается выраженной пронаталистской государственной семейной политикой, ориентированной, главным образом, на повышение рождаемости.

Проведенный анализ позволил выявить четыре типа близких отношений, присутствующих в социокультурном пространстве бывших советских республик, а также дефициты государственной и общественной политики в отношении их социальной интеграции. Сегодня необходим новый формат семейной политики на постсоветском пространстве, учитывающий разнообразие форм близких отношений, а также особенности их трансформации под влиянием больших вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Загоруйко Т.А. Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 111–139.

Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М., 2010.

Митрега А. Современная польская семья: вызовы и риски постмодерна // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 8 (3). С. 373–392.

Стародубровская И. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39–56.

Стрельник Е.А. Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 97–102.

Ушкова И.В., Киреев Е.Ю. Трансгендерность в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 82–96.

Щелкин А.Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–164.

REFERENCES

Bogensneider K., Corbett T.J. Family policy: becoming a field of inquiry and subfield of social policy // Journal of Marriage and Family. 2010. N 72 (3). P. 120–130.

Giddens A. The transformation of intimacy // Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. L., 1992.

Johns M.M. Transgender identity and experiences of violence victimization, substance use, suicide risk, and sexual risk behaviors among high school students — 19 states and large urban school districts, 2017 // Morbidity and Mortality Weekly Report. 2019. N 68. P. 67–71.

Lyuks S. Vlast': radikal'nyj vzglyad [Power: a radical view] M., 2010 (in Russian).

Mitrega A. Sovremennaya pol'skaya sem'ya: vyzovy i riski postmoderna [The modern Polish family: challenges and risks of postmodernism] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2010. N 8(3). P. 373–392 (in Russian).

Molodikova I., Watt A. Growing up in the North Caucasus. Society, family, religion and education. L., 2014.

Muravyeva M. "A king in his own household": domestic discipline and family violence in early modern: Europe reconsidered // The History of the Family. 2013. N 18 (3). P. 227–237.

Revillard A. Work // Family Policy in France: From State Familialism to State Feminism? Gender Mainstreaming and Family Policy in Europe: Perspectives, Researches and Debates / Ed. by I. Crespi. Macerata, 2007.

Schwartz S. Towards refining theory of basic human values // Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences / Ed. by S. Salzborn, E. Davidov, J. Reinecke. Heidelberg, 2012.

Shchelkin A.G. Legalizaciya odnopol'nyh brakov: k voprosu o social'no-civilizacionnyh posledstviyah [Legalization of same-sex marriage: on the issue of social and civilizational consequences] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 11. S. 152–164 (in Russian).

Sherstneva N. Why are children's rights so dangerous: interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia // Women's History in Russia: (Re) Visiting the Field / Ed. by M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge, 2014.

Starodubrovskaya I. Krizis tradicionnoj severokavkazskoj sem'i v postsovetskij period i ego social'naya posledstviya [The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2019. T. 17. N 1. S. 39–56 (in Russian).

Strel'nik E.A. Gosudarstvennyj neotradicionalizm i semejnaya politika v Ukraine [State neotraditionalism and family policy in Ukraine] // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. N 9. S. 97–102 (in Russian).

Temkina A., Zdravomyslova E. Gender's crooked path: feminism confronts Russian patriarchy // Current Sociology. 2014. N 62 (2). P. 253–270.

Ushkova I.V., Kireev E.Yu. Transgendernost' v sovremennom rossijskom obshchestve [Transgender in modern Russian society] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2017. N 2. S. 82–96 (in Russian).

Zagorujko T.A. Beznalichnye sredstva v semejnom byudzhete: menyayutsya li praktiki upravleniya finansami? [Non-cash funds in the family budget: are financial management practices changing?] // Ekonomicheskaya sociologiya. 2017. T. 18. N 5. P. 111–139 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-117-136

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СПОРТА

В.И. Лукашук, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры государственного и корпоративного управления Академии маркетинга и социально-информационных технологий — ИМСИТ, ул. Зиповская, д. 5, Краснодар, Российская Федерация, 350010*

Спорт — сложный, противоречивый феномен современности. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью дать ответ на ряд вопросов, связанных с определением его места среди ценностей современного общества и личности, выявлением возможности реализации гуманистического потенциала современного спорта, а также наиболее значимых проблем его развития в условиях глобализации. Эти вопросы связаны с изучением влияния социокультурных факторов на развитие спорта. Целью данной статьи является исследование влияния национальных традиций, социальной структуры общества, а также глобализационных процессов на развитие спорта. Показано, что спорт является отражением тех национальных систем, в рамках которых он развивался. Отмечено, что под влиянием социокультурных факторов меняется сущность и значимость спорта. Спорт не только отражает определенную систему ценностей общества, но также популяризирует и укрепляет ее. Он способен формировать свою собственную субкультуру, такие ценности, которые отличаются от общепринятых, от ценностей других составляющих социально-культурной системы. Показано, что современные тенденции развития спорта — индивидуализация, массификация, десакрализация, рационализация, универсализация — согласовываются с основными положениями концепции глобального развития А. де Бенуа. Акцентируется внимание на том, что в условиях глобализации происходит трансформация ценностей традиционного спорта, что приводит к дегуманизации спортивного движения, доминированию в нем технократического стиля мышления, к политизации, коммерциализации современного спорта, применению допинга для улучшения спортивных результатов и т.п. Глобализация спорта стала своего рода культурной интервенцией, посягающей на национальные традиции и устои. Отмечается позитивное и негативное влияние средств массовой коммуникации на развитие спорта. Они способствуют, с одной стороны, популяризации спорта, а с другой — превращению его в продукт потребления. Предметом продажи и потребления становится не только спортивное зрелище, спортивный инвентарь, но и сами спортсмены, их имидж, образ жизни, нравственные принципы. Высказывается надежда, что формула “единство в многообразии” станет естественной аксиомой не только для развития спорта, но и всего человечества.

Ключевые слова: спорт, социология спорта, спортивная субкультура, ценности спорта, глобализация спорта, социокультурные факторы, культурные ценности, социальная структура.

* Лукашук Виталий Игоревич, e-mail: luka81@list.ru

INFLUENCE OF SOCIOCULTURAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF SPORTS

Lukashchuk Vitalii I., Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Academy of Marketing and Social Information Technologies, Zipovskaya Street, 5, Krasnodar, Russian Federation, 350010, e-mail: luka81@list.ru

Sport is a complex and contradictory phenomenon of our time. The relevance of this study is due to the need to answer a number of questions related to determining its place among the values of modern society and person, identifying the possibility of realizing the humanistic potential of modern sport, as well as the most significant problems of its development in the context of globalization. These questions are related to the study of the influence of sociocultural factors on the development of sport. The purpose of this article is to study the influence of national traditions, the social structure of society, as well as globalization processes on the development of sport. It is shown that sport is a reflection of the national systems within which it developed. It is noted that the essence and significance of sport changes under the influence of sociocultural factors. Sport not only reflects a certain value system of society, but also popularizes and strengthens it. It is able to form its own subculture, values that differ from the generally accepted ones, from the values of other components of the sociocultural system. It is shown that modern trends in the sport development such as individualization, massification, desecralization, rationalization, and universalization are consistent with the main provisions of the concept of global development of A. de Benoist. It is emphasized that in the context of globalization, the values of traditional sport are being transformed, which leads to the dehumanization of the sport movement, the dominance of a technocratic style of thinking, to the politicization, commercialization of modern sport, the use of doping to improve sports results, etc. The globalization of sport has become a kind of cultural intervention that encroaches on national traditions and foundations. The positive and negative impact of mass media on the sport development is noted. On the one hand, they promote popularization of sport, and on the other, turn it into a consumer product. The subject of sale and consumption now is not only a sport spectacle, sport equipment, but also the athletes themselves, their image, lifestyle, and moral principles. It is hoped that the formula "unity in diversity" will become a natural axiom not only for the development of sport, but also for the whole of humanity.

Key words: sport, sociology of sport, sport subculture, values of sport, globalization of sports, sociocultural factors, cultural values, social structure.

Введение

Сложная природа феномена спорта, разнообразие его связей со многими подсистемами общества, влияние на сознание и физическую активность большого количества людей, противоречивость и разнонаправленность многих процессов, составляющих сущность этой сферы общественной жизни, несомненно, побуждают многих ученых к исследованию различных аспектов функционирования и развития спорта. Он является предметом изучения представителей самых разных отраслей знания — естественного и гуманитарного, рассматривается с точки зрения социологических, экономических,

психологических, нравственных, эстетических, педагогических, правовых, медико-биологических и других проблем. Однако как это ни парадоксально, исследования спорта в сфере отечественной социологии проводятся не столь интенсивно, как можно было бы предположить, исходя из весомой социальной значимости этого феномена. К такому же выводу приходят Т.А. Михайлова и Е.С. Студеникина: “Социология физической культуры и спорта за последние сто лет постепенно сформировалась как научная дисциплина, однако ее представленность в предметном поле современной российской социологии все еще непропорционально мала относительно возросшего общественного и государственного интереса к вопросам развития массового и профессионального спорта”¹. В ведущих социологических журналах статьи по социологии спорта встречаются крайне редко. Например, в журнале “Социологические исследования” за последние 20 лет опубликовано всего 17 статей по данной тематике, а в “Социологическом журнале” статьи по социологии спорта вообще не публикуются. По мнению И. Быховской и О. Мильштейна «одной из причин сложившейся ситуации является традиционное противопоставление высокого (духовного) и низкого (телесного), при котором все связанное с телесными практиками причисляется к проблемам “второсортным”. Этот факт находит отражение как в различных формах массового сознания, так и нередко в научно-профессиональной среде»².

Сегодня многие исследователи “сходятся во мнении, что именно социокультурное измерение всех процессов в обществе является определяющим”³, поскольку именно культура “выступает в качестве связующего скрепа всех элементов современного общества”⁴. Взяв за основу данную методологию, в ряде работ по социологии спорта исследователи изучают социокультурные аспекты спорта и профессиональной деятельности спортсменов в современной России⁵, вли-

¹ Михайлова Т.А., Студеникина Е.С. Проблемы спорта и физической культуры в российских социологических исследованиях: история и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 121.

² Быховская И., Мильштейн О. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрение. 2017. № 2. С. 284.

³ Абрамов А.П. Социокультурный подход к проблеме цифровизации общества // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция “Сорокинские чтения — 2019”: Сборник материалов. М., 2019. С. 706.

⁴ Там же.

⁵ Михайлова Т.А. Социокультурные аспекты спорта и профессиональной деятельности спортсменов в современной России: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Краснодар, 2016.

яние социокультурных факторов на развитие современного спорта в контексте теории поколений⁶, рассматривают различную социальную адресацию и функциональную значимость спорта⁷, анализируют роль символики спорта⁸ и др. Отдавая должное результатам научных изысканий отечественных ученых в этой области, следует отметить, что значительная часть проблем, в частности изучение роли национальных традиций в развитии спорта, взаимосвязь его с социальной структурой общества, трансформация сущностных характеристик спорта в условиях глобализации и социальные последствия такой трансформации остаются открытыми, а достижения российских ученых в исследовании данных вопросов — недостаточно полными и комплексными, что послужило побуждающим фактором к настоящему исследованию.

Роль национальных традиций в развитии спорта

Спорт является отражением культурных ценностей тех социальных систем, в рамках которых происходит его становление и развитие. В американской культуре, например, одно из наиболее почетных мест занимают ценности физического здоровья, что характерно для всех молодых культур. В древних культурах, например, индийской, наоборот, в системе ценностей одно из наиболее высоких мест принадлежит смерти. Учитывая это, можно понять, почему спорту как показателю и способу поддержания физического здоровья в американском обществе уделяется намного больше внимания, чем в индийском.

Нигде в мире конькобежный спорт не имеет такой популярности, как в Голландии. В этой стране он больше чем спорт, это что-то вроде религии. Традиция восприятия коньков как чего-то по-настоящему важного в мире глубоко укоренилась в национальном характере жителей этой страны. Или, например, хоккей на траве в Пакистане и Индии, популярность которого невозможно объяснить

⁶ Аверина М.В. Анализ влияния социокультурных факторов развития общества на формирование спортивных предпочтений поколений Y и Z // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 2 (835). С. 162–175.

⁷ См., например: Рысюкевич Н.С. Спорт как социальный феномен (социологический конструкт) // Проблемы управления. 2020. № 3 (77). С. 100–107; Костиков В.Ю. Спорт как феномен культуры в информационном обществе // Информационное общество. 2017. № 1. С. 55–61; Лукашук В.И. Спорт как фактор патриотического воспитания и развития толерантности // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. 2016. № 1 (16). С. 124–136; и др.

⁸ Чирков В.А., Шохирев В.В., Ацута А.Д. Спортивная символика как средство воспитания подростков // Электронный научный журнал. 2016. № 3 (6). С. 450–454.

с позиций выступления сборных команд на международных соревнованиях, однако интерес к этому виду спорта очень велик среди населения этих стран⁹.

В Великобритании к национальным видам спорта можно отнести традиционный английский футбол и регби, вокруг которых в XIX в. развивался спортивный дух англичан, поскольку “именно командная игра сочетает в себе антагонистичные характеристики английского менталитета: атмосферу соперничества и взаимоподдержки, соблюдение установленных правил и желание обмануть противника, волю к победе и смирение с проигрышем. Образно говоря, игра как спортивное состязание олицетворяет дух английской нации”¹⁰. К национальным видам спорта в английском обществе относится и бокс, который “стал воплощением уникальных достоинств нации — смелости и мужества, благосклонности к поверженному сопернику, гордости за собственную честь и честь Англии и готовности защищать ее... Согласно английскому мировоззрению, выносливость, умение владеть собственным телом и применять силу, заключенную в нем, являются необходимыми качествами как на ринге, так и в жизни. Именно поэтому бокс, воплощающий в себе все названные качества, стал одним из символов процветающей Англии XIX столетия, в некоторой степени сохраняет данное положение до сегодняшнего дня”¹¹. Эти виды спорта заняли в британском обществе место, которого никогда не достичь гимнастике, фигурному катанию, хоккею и другим видам спорта, независимо от таланта выступающих в них спортсменов.

Одним из наиболее давних “русских видов спорта”, который соответствовал национальному характеру россиян, можно назвать хоккей с мячом (другие название — бенди, “русский хоккей”). Это один из немногих видов спорта, изобретенных именно в нашей стране¹². Высочайшие достижения советских спортсменов по хоккею с шайбой объясняются просто: зарубежный вид спорта, наложенный на традиции и опыт “русского хоккея”, усиленный мастерством советских тренеров, дал выдающийся результат, который трудно повторить в недалеком будущем. Это связано с тем, что успешная

⁹ Seippel O. Sports and nationalism in a globalized world // *International Journal of Sociology*. 2017. N 47(1). P. 43.

¹⁰ Жунева Е.С. Национальный культ спорта в Англии: история формирования // *Манускрипт*. 2020. Т. 13. № 10. С. 222.

¹¹ Там же. С. 224.

¹² Красильников Т.С. Становление хоккея с мячом, как культурного явления, в первой половине XX века // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 10/2. С. 24–28.

спортивная система в обществе может быть построена вокруг ядра видов спорта, имеющих определенную историю развития в стране. Такие виды спорта служат определенным фундаментом, обеспечивают массовость спорта, и только потом некоторая часть спортсменов, тренеров, специалистов переквалифицируются на смежные виды, достигая порой высоких результатов. Именно по такому принципу формировалась система спорта в Советском Союзе, и до сих пор многие постсоветские страны пользуются ее результатами.

В спорте США достижение победы превратилось в культ. Победа превалирует над всеми другими ценностями. Показательно выражение одного из самых популярных тренеров по американскому футболу 60-х гг. XX в. В. Ломбарди: “Победа — это не все, это — единственное!”¹³. Такое положение вещей можно связать с тем, что духом соперничества проникнута вся жизнь американцев. Под воздействием американского образа жизни английское регби, претерпев основательные изменения, трансформировалось в американский футбол, который хорошо интегрировался с американским обществом и может служить выражением основных черт его культуры¹⁴. Для американского футбола характерен конечный результат — гол, в то время как для регби — сам процесс игры с традиционной “кучей малой” вокруг игрока с мячом. Эти изменения в самой структуре игры можно объяснить за счет роста ориентации на достижение цели или результата в американском обществе. По мнению Г. Люшена¹⁵ американский футбол является одним из механизмов привлечения иммигрантов к американскому образу жизни.

Ценности австралийского спорта представляют собой значительную модификацию первоначальных принципов и содержания, заложенного в спорт на Британских островах. Дух австралийских фермеров нашел идеальное отражение в спорте этого континента. Привычные там ценности — коллективизм, социальное равенство, мужество, грубоватая прямота — были перенесены на австралийский спорт.

Анализируя структуру игр канадских эскимосов, можно также заметить, что им присущ дух коллективизма, свойственный ценностям культуры этой народности. Подобная зависимость различных

¹³ Цит. по: Гундерман Р. 3 урока для сегодняшних учителей и студентов от тренера Винса Ломбарди // InnerSelf. URL: <https://ru.innerself.com/content/living/finance-and-careers/career-and-success/22058-3-lessons-for-today-s-teachers-and-students-from-coach-vince-lombardi.html>

¹⁴ Люшен Г. Взаимосвязь между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст. / Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. М., 1979. С. 35–51.

¹⁵ Там же.

видов спорта от культурных особенностей и социальной структуры общества характерна даже для первобытных обществ. Например, индейское племя хопи имело 16 различных соревнований по бегу, так или иначе связанных с социальным устройством этого племени, а дуалистический принцип социально-культурного устройства бразильского племени тимбира нашел отражение в организации такого соревнования, как гонки на бревнах, представляющего собой ритуальное состязание между двумя командами, в котором отсутствуют какие-либо награды для победителей, тем не менее, участники относятся к нему серьезно и отдают для победы все силы¹⁶.

Культурно-историческое сравнение социальных систем, в которых спорт получил значительное развитие, показывает, что преобладающим фактором в них является ориентация на достижение цели. К подобным выводам пришли Р. Робертс и Б. Саттон-Смит¹⁷ при сравнительно-историческом изучении соотношений игр и основных ориентаций, благодаря которым происходит процесс социализации. По мнению ученых, игры, в которых многое зависит от случая, везения, как правило, культивируются в странах, в которых преобладающее значение в процессе социализации придается воспитанию чувства ответственности за выполнение установленных обязанностей. Игры же, в которых требуется главным образом оперативное искусство, распространены в обществах, в которых господствуют отношения подчинения, а игры со значительным применением физической силы — в обществах, где решающее значение придается личному успеху, достижению. В соответствии с этим индивидуальные виды спорта можно определить как такие, в которых существенную роль играет физическая сила, а их основной культурной ценностью выступает успех, достижение цели. Главной же культурной ценностью, лежащей в основе командных видов спорта, является оперативное искусство. Эти виды спорта воспитывают командный дух, умение соотносить личные цели с коллективными, чувство принадлежности к коллективу, команде, т.е. все, что мы называем ценностью коллективизма.

Как видим, развитие спорта тесно связано с историко-культурными традициями и особенностями национального характера. В зависимости от конкретных исторических условий, под влиянием различных факторов меняется содержание, сущность, направленность, значимость спорта.

¹⁶ Люшен Г. Указ. соч.

¹⁷ Roberts J.M., Sutton-Smith B. Child training and game involvement // *Ethology*. 1962. N 2. P. 166–185.

Социальная структура общества и спорт

Внутри социума существуют подсистемы со своими субкультурами, также воздействующими на спорт. Роль женщины в ряде современных обществ все еще определяется культурой, в которой подчинение занимает место довольно значимой ценности. В то же время поведение мужчин определяется ценностями культуры, в решающей степени ориентированной на достижение успеха, цели. Таким образом, мы сталкиваемся с непропорционально высокой степенью участия мужчин в спорте, который до недавнего времени в большинстве своих видов являлся областью культуры, существующей только для них. Например, одним из наиболее ориентированных на мужчин видов спорта был пул, основой популярности которого служила культура подсистемы образа жизни холостяков. Безусловно, со временем, когда в пул стали играть и женщины, он лишился ценностей субкультуры данной социальной подсистемы.

Практически до начала XX в. занятия спортом среди женщин были единичны, в соревнованиях они вообще не участвовали, т.е. спорт был сугубо мужской привилегией. В наше время ситуация коренным образом изменилась, тем не менее до сих пор участие женщин в спорте весьма ограничено.

Другой социальной подсистемой, внутренняя культура которой значительно воздействует на спорт, являются культурные ценности и нормы подростков и юношей. Развитие спорта зависит от ценностей культуры этой возрастной группы в большей степени, чем от ценностей культуры других возрастных групп населения. Это не удивительно, поскольку по данным одного из последних социологических опросов, проведенного ВЦИОМ, “среди подростков и взрослого населения наблюдается снижение физической активности: в возрасте с 13 до 29 лет их доля составляет 73%, а среди граждан от 30 до 59 и старше 60 лет — 55% и 54% соответственно”¹⁸. Данные результаты можно объяснить тем, что ценность успеха или достижения цели имеет большее значение для юношей или молодых людей, чем для лиц более старшего возраста, которые занимаются спортом не столько ради достижения высоких результатов, успеха и славы, сколько для укрепления здоровья и поддержания жизненного тонуса.

Каждый социальный класс имеет свою субкультуру. Большинство исследователей в области социологии спорта сходятся во мнении, что наибольшее значение ценности успеха придает

¹⁸ Россия — спортивная страна! // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana->

верхний слой среднего класса, представители которого наиболее активно занимаются спортом¹⁹. Значительно меньшее значение данной ценности придает низший класс, который вместо нее на первое место ставит ответственность перед вышестоящими лицами. Представители этого класса понимают невозможность достичь более высокого статуса, и это объясняет, почему у этой социальной группы наибольшим расположением пользуются игры, в которых успех зависит в основном от везения, или виды спорта, в которых многое решает одно удачное действие или один удар, например бокс. Т. Холл²⁰ показывает, что высший класс и верхний слой среднего класса современного американского общества, используя спорт для создания социального капитала и сетей, предпочитают олимпийские виды спорта (предпочтительные позиции занимают плавание, фигурное катание и стрельба из лука). Представителям среднего класса больше нравятся командные виды спорта, поскольку они отражают свойственные им черты, такие как коллективизм, решительность и настойчивость. У низшего класса наиболее популярными видами спорта являются борьба, тяжелая атлетика и бокс. Другие авторы²¹ выявили, что высшие классы более равнодушны к видам спорта (гольф, теннис и плавание), которые подчеркивают индивидуализм, эстетику и являются недоступными для низшего класса из-за дороговизны; низшие классы обычно предпочитают такие виды спорта, как бокс и баскетбол, которые подчеркивают командную работу и физическую силу и не требуют много денег для тренировок и участия в соревнованиях. Некоторые виды спорта, например, бейсбол, довольно нейтральны с точки зрения социального класса.

По мнению Дж.Б. Каннингема²², в современных условиях участие в том или ином виде спорта определяется материальными возможностями семьи, существующее социальное неравенство в спорте оставляет большую часть талантливых спортсменов низшего класса незамеченными и нераскрытыми, что обедняет мир спорта, не дает ему полностью реализовать свой потенциал.

¹⁹ См., например: *Kahma N.* Sport and social class: the case of Finland // *International Review for the Sociology of Sport*. 2012. N 47 (1). P. 113–130. DOI: 10.1177/1012690210388456; *Cunningham G. B.* Social class and sport // *Sociology of Sport and Physical Activity*. College Station. 2019. TX. P. 29–40; *Reeves A.* Social stratification, gender and sport participation // *Sociological Research Online*. 2012. N 17 (2). P. 1–17. DOI:10.5153/sro.2598/

²⁰ *Hall T.* Social class and sports // Broken Clipboard. URL: <https://brokenclipboard.wordpress.com/2016/04/11/social-class-and-sports-2/> (accessed: 28.01.2021).

²¹ *Reeves A.* Op. cit.

²² *Cunningham G.B.* Op. cit. P. 29–40.

Вместе с тем, рассматривая влияние социальных классов и их ценностных ориентаций на сферу спорта, следует учитывать, что классово обусловленное поведение в общественной и политической жизни и традиционные социально ориентированные поведенческие установки людей в спорте могут не совпадать. Спорт способен создавать или содействовать созданию новых стратегий поведения в рамках классовой системы.

Наконец, сам спорт организуется в соответствии со структурой различных социальных институтов, внутренняя культура которых иногда может глубоко влиять на него. Например, сравнивая отношение к физическому воспитанию в школе и армии при одинаковом уровне спортивного мастерства и одинаковых правилах соревнований, легко заметить совершенно разные ценностные установки относительно занятий спортом в них.

Когда речь идет о зависимости спорта от социально-культурной системы не следует считать, что он только копирует, пассивно отражает ценности этой системы и ее элементов. Спорт сам в значительной степени влияет на другие социально-культурные подсистемы, в том числе на экономику, политику, образование, искусство, язык и тому подобное.

Джордж Х. Сейдж²³ в одной из своих работ показал, что, во-первых, спорт не только отражает определенную систему ценностей общества, но также пропагандирует и укрепляет ее. Во-вторых, спорт воспроизводит, способствует развитию не каких-либо ценностей вообще, а только тех, которые соответствуют его возможностям и потенциалу. В-третьих, спорт способен формировать свою собственную субкультуру, такие ценности, которые отличаются от общепринятых, от ценностей других составляющих социально-культурной системы.

Рассматривая спорт как один из путей эффективной инкультурации мигрантов в европейское сообщество, М.В. Аверина приходит к выводу, что “сфера спорта выступает как пространство возможностей для тренировки, проигрывания и выработки моделей поведения, как для конкретных индивидов, так и для отдельных социальных групп и даже целых государств, с их последующим переносом с определенной долей успешности в реальную жизнь”²⁴.

²³ Sage G.H. Power and ideology in American sport: a critical perspective. Champaign, 1998.

²⁴ Аверина М.В. Социокультурная динамика современности: воздействие миграции и спорта // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 1. С. 208.

Как видим, развитие современных форм существования спортивных практик неразрывно связано с социальной структурой общества и зависит от подсистем, в которых происходит их становление и трансформация. Появление в обществе новых форм спортивных практик обусловлено формированием специфических социально значимых потребностей.

Трансформация сущностных характеристик спорта в условиях глобализации

Доказывать, что современный спорт имеет глобальный характер, сегодня уже не актуально. Эти вопросы достаточно полно исследованы в защищенных диссертациях²⁵ и многочисленных статьях²⁶. Гораздо важнее проанализировать трансформацию сущностных характеристик спорта в условиях глобализации, выявить и охарактеризовать ее социальные последствия.

Ориентируясь на методологию, предложенную А. де Бенуа²⁷, можно вывести основные аспекты влияния глобализации на трансформацию спорта. Победы на крупных международных соревнованиях, установление рекордов делают спортсменов знаменитыми и превращают их личные достижения в реальные доходы в виде выплат призовых от государства или спонсоров, рекламных контрактов, заработной платы в клубах. Поэтому в современном спорте так ярко выражен процесс индивидуализации, характеризующий общество потребления, в котором индивид рассматривается как “производитель — потребитель”. Это побуждает спортсмена относиться к своему телу как к средству достижения результата. Постепенно в различных видах спорта стали востребованы специально “сделанные” тела: непомерно длинные и тонкие конечности у девушек, занимающихся художественной гимнастикой, мощные шеи

²⁵ См., например: *Кыласов А.В.* Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2010; *Григорьянц А.Э.* Трансформация российского спорта в эпоху глобализации (социологический анализ): Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06. М., 2005; *Стафеев Д.В.* Динамика изменения роли спорта в формировании внешнеполитической стратегии Российской Федерации: Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2017.

²⁶ См., например: *Исмаилов Н.О.* Глобализация, глобализм и социальная справедливость в спорте // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 1. № 1. С. 35–47; *Липская Л.А.* Проблемы современного спорта в контексте глобализации и международной политики // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 57–62.

²⁷ *Бенуа А.* Глобализация и новая консервативная парадигма в XXI веке // Центр консервативных исследований. URL: <http://konservatizm.org/speech/benua/080309003157.xhtml> (дата обращения: 15.11.2020).

и плечи тяжелоатлетов и борцов, толкателей молота, огромные размеры борцов сумо, впечатляющий рост баскетболистов и миниатюрность хоккеистов. Все это свидетельствует о трансформации в процессе производства и потребления услуг в сфере спорта естественного тела, которое модифицируется под конкретный вид спорта. Другими словами, в различных видах спорта сегодня нужны специально “сделанные” тела, максимально приспособленные к особым функциям и эстетическим вкусам потребителей. Спортсменами болезненно переносятся ситуации, когда из-за травм они не могут принять участие в крупных международных соревнованиях. Показательным в этом отношении является фрагмент, показанный по телевидению во время проведения XXIX Олимпиады в Пекине, когда ведущий китайский легкоатлет-спринтер Лю Сянь в раздевалке бил ногой с разорванной мышцей о стену, поскольку из-за травмы не смог продолжить соревнование. Это наглядный пример того, как изменено сознание спортсмена относительно иерархии ценностей: травма переживается уже не как вред, нанесенный здоровью, а как неудача, “провал” своего выступления на самом престижном спортивном соревновании, на подготовку которого было потрачено очень много сил, времени и средств.

По мнению А. Гуттмана, “современная погоня за рекордами не состоялась бы, не будь современных количественных подсчетов. Но нельзя поставить любой рекорд, если не пройти тренировок, которые требуют специализации и рационализации. Но специализация и рационализация подразумевают бюрократическую организацию, без которой не будет ни чемпионатов, ни правил соревнований, ни подтверждения рекордов”²⁸. Рационализация, являющаяся согласно положениям концепции А. де Бенуа одним из проявлений глобализации, стала главной чертой тренировочного процесса в современном спорте высших достижений. Тренировочный процесс анализируется, рассчитывается и синтезируется как технологический процесс производства. Это ярко проявляется в методике спортивной тренировки. Достаточно широкое применение здесь находят методы организации и управления, заимствованные из производственной сферы. Социальная среда и специфика рыночной экономики формируют новый тип тренера, который так же, как и спортсменов, является продуктом бюрократизации современного общества. Чтобы достичь успехов, тренер и спортсмен приспособливают личную мораль к существующим в обществе социальным нормам и ценностям. Окружающая социальная среда создает условия для углуб-

²⁸ Гуттман А. От ритуала к рекорду // Логос. 2009. № 6 (73). С. 182.

ленной рутинизации деятельности тренеров и администраторов, уменьшает неопределенность в выполнении тактических приемов, увеличивает предсказуемость выступления. Все это рассматривается как необходимое организационное условие для эффективности в коммерческом спорте

Рационализация современного спорта стимулируется развитием новых технологий. Все крупные спортивные соревнования сегодня имеют современное техническое оснащение: за результатами следят компьютеры и телекамеры, время определяется с точностью до тысячных долей секунды и т.п. Но точные данные — это не главное назначение цифровых систем. Гораздо важнее феномен нулевого времени, открытый А. де Бенуа как еще одно порождение глобализации, активно используемое в спорте. Благодаря современным технологиям мы узнаем о каком-либо событии незамедлительно, несмотря на географические границы. Кроме того, одна и та же новость одновременно приходит к миллиарду людей различных стран. Таким образом, пространственные и временные границы как бы “отменяются”.

Новейшие средства массовой коммуникации дали возможность не только наблюдать за ходом соревнований, но и разносторонне раскрыть то, как проходят соревнования. Для общего “оживления” трансляций в программах все чаще показывают то, что обычно остается за кадром (сцены в раздевалках, где спортсмены радуются победе или ведут частные разговоры). Все это приводит к десакрализации спорта. Само понятие “измеряемого числом достижения” соответствует стандартам секулярной культуры, а не духовности, в которой возможно двигаться только в сторону сакрального. Конечно, это трудно понять и еще труднее обосновать, но все же динамичное развитие атлетизма началось после секуляризации общества. Когда качественные различия поблекли и потеряли силу, начались различия количественные”²⁹.

Одним из проявлений глобализации является массивфикация современного спорта. Это сложное и неоднородное явление, связанное не столько с увеличением абсолютного количества лиц, принадлежащих к различным слоям населения, активно занимающихся спортом, а в большей степени с расширением зрительской аудитории спортивных зрелищ преимущественно через телевидение и интернет. Среди причин массивфикации современного спорта Б. Макферсон выделяет стремление уйти от реальной действительности, поиск острых переживаний и ощущений, желание приобщиться к модным, престижным формам развлечения, отдых, снятие напряжения и

²⁹ Гуттман А. Указ. соч. С. 183.

некоторые другие³⁰. Распространяясь в массы под влиянием СМК, спортивная культура имеет тенденцию к упрощению. Это связано с тем, что на современном этапе правила спортивных соревнований, их ритуалы, традиции и даже некоторые дисциплины, оставаясь непонятыми современными зрителями, переходят в разряд маргинальных. Кроме того, в погоне за зрелищностью, привлекательностью спортивных игр и с целью расширения круга зрителей организаторы соревнований пытаются модифицировать правила спортивных игр. Яркой иллюстрацией этому является пример с теннисом. Долгое время телевидение практически не транслировало теннисные матчи, потому что трудно было угадывать их продолжительность и, соответственно, “выстраивать” сетку телевизионного вещания. В связи с этим был введен “тайм-брейк” — специальный гейм, разыгрываемый при счете 6:6. В фигурном катании из программы соревнований была изъята так называемая “школа”, которая оказалась непривлекательной для телевидения, потому что была лишена зрелищности и динамичности.

Развивая свою схему, А. де Бенуа анализирует универсализацию как одно из основных проявлений глобализации. Универсализация спорта проявляется в том, что он приобретает всеобъемлющие свойства, становясь необходимым элементом образа жизни, особым социокультурным механизмом, транслирует новые ценностные установки, идеи, представления о моральных нормах. В современном социуме спортивный образ жизни становится престижным, необходимым для утверждения социокультурного статуса индивида, репрезентации ценностных установок различных социальных групп, самоидентификации личности и целых слоев населения. Таким образом, спорт становится проводником культурной универсализации.

Универсализация спорта стала также одной из главных черт тренировочного процесса в современном спорте высших достижений. Создание институционализированных и схематизированных спортивных команд позволяет тренерам (особенно профессионального спорта) рассматривать спортсменов как “предметы в автоматизированной окружающей среде”, которые нужно приспособить для выполнения предложенных, фрагментарных задач командного выступления и достижения целей спортивной организации.

Главным из последствий феномена глобализации, по мнению А. де Бенуа, является гомогенизация, предполагающая вместо разно-

³⁰ McPherson B. D. Past, present and future perspectives for research in sport sociology // *International Review for the Sociology of Sport* March. 1975. N 10. P. 55–72.

образия национальных культур унификацию поведения людей. Это так называемая “идеология одинаковости” или “того же самого”, которая в значительной мере соответствует требованиям МОК к национальным олимпийским комитетам и городам (точнее странам), получившим право на проведение очередных Олимпийских игр. В противоположность этому во многих европейских странах усиливается движение за возрождение национальных видов спорта как альтернативы массовой культуре, которая, по выражению А. де Бенуа, “превращает содержание в знак формы — в зрелище”³¹. Во многих странах Западной Европы на ежегодных фольклорных праздниках и фестивалях проводятся народные игры и соревнования. Достаточно вспомнить ежегодные кельтские фестивали в Ирландии и Шотландии, на которых проводятся различные национальные игры с участием представителей ирландской и шотландской диаспор, Всемирные еврейские олимпийские игры “Маккабады”, Всемирные армянские олимпийские игры, Всемирные литовские игры и др. Популяризация и развитие национальных видов спорта сегодня находят отражение и в культуре народов постсоветского пространства. Например, в конце XX в. в России появилась славяно-горицкая борьба, на Украине — новая школа национальной борьбы гопак, в Азербайджане — каракаплан и т.д. Сейчас отдельные виды спорта выступают как символы культурной идентичности народов. Например, французский бокс сават стал символом национальной самобытности французов, так же как и национальная борьба глина — для исландцев, регби — для валлийцев, чигабы — для грузин и т.д. Таким образом, и в условиях глобализации на основе синтеза нового со старым, традиционного с современным происходит конструирование новых видов спорта, которые служат одним из проявлений культурной идентичности народов.

По-другому видит последствия глобализации спорта З. Кравчик³². По его мнению, спорт направлен на построение глобальной общности и функционирует по принципу “единство в многообразии”. Автор интерпретирует современный спорт как “ценностно-нормативную модель общественного устройства”. Трудно согласиться с автором, поскольку глобализация со своим всемирно развивающимся техническим прогрессом в некоторых видах спорта нивелирует саму сущность спорта, например, когда техническое оснащение спортсменов, а не, в первую очередь, их действия, влияют на спортивные результаты и занятые ими места. Стоит согласиться

³¹ Бенуа А. Указ. соч.

³² Krawczyk Z. Sport in the changing society // Sports Involvement in Changing Europe / Ed. by J. Kosiewicz, K. Obodyński. Rzeszow, 2004. P. 11–23.

с мнением тех ученых, которые считают, что глобализация спорта становится своего рода культурной интервенцией и порой приводит к посягательству на национальные традиции и устои.

Заключение

Развитие спорта связано с историческими традициями конкретной страны и особенностями национального характера. Спорт является отражением культурных ценностей тех социальных систем, в рамках которых происходит его становление и развитие. В зависимости от конкретной ситуации, конкретных исторических условий, под влиянием различных факторов меняется содержание, сущность, направленность, значимость спорта.

В рамках спортивной культуры при определенных социальных условиях складывается особая “спортивная субкультура”, которая включает в себя нормы и ценности, порой несовпадающие с общекультурным ценностям.

Сегодня спорт находится под влиянием глобализационных процессов, которые, с одной стороны, многократно усилили статус спорта как общемирового явления, демонстрирующего общую направленность и динамику процессов глобализации. С другой стороны, в условиях глобализации происходит трансформация ценностей традиционного спорта, что приводит к качественной перестройке не только всех его составляющих, но духовной жизни общества. Индивидуализация, десакрализация, а вместе с ними и дегуманизация спортивного движения приводит к утверждению в нем технократического стиля мышления с рядом проблем, связанных с этим, таких как излишняя политизация (перенос части нерешенных проблем профессионального характера в политическую сферу), коммерциализация современного спорта, применение допинга для улучшения спортивных результатов и тому подобное. В условиях глобализации происходит возрастание роли средств массовой коммуникации в популяризации спорта. Вместе с тем СМК превращают его в продукт потребления. Предметом продажи и потребления становится не только спортивное зрелище, спортивный инвентарь и т.д., но и сами спортсмены, их имидж, образ жизни, мораль и т.п.

Усиление роли национальных видов спорта в построении и поддержке социальных отношений между людьми, принадлежащими к разным этническим группам, приводит к осознанию того, что и сам спорт может стать причиной глобальных изменений в нынешних и последующих цивилизационных процессах, а формула “единство в многообразии” станет естественной аксиомой для всего человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П. Социокультурный подход к проблеме цифровизации общества // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция “Сорокинские чтения — 2019”: Сборник материалов. М., 2019. С. 706–708.

Аверина М.В. Социокультурная динамика современности: воздействие миграции и спорта // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 1. С. 208–224.

Аверина М.В. Анализ влияния социокультурных факторов развития общества на формирование спортивных предпочтений поколений Y и Z // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 2 (835). С. 162–175.

Бенуа А. Глобализация и новая консервативная парадигма в XXI веке // Центр консервативных исследований. URL: <http://konservatizm.org/speech/benua/080309003157.xhtml> (дата обращения: 15.11.2020).

Быховская И., Мильштейн О. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 284–319.

Григорьянц А.Э. Трансформация российского спорта в эпоху глобализации (социологический анализ): Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06. М., 2005.

Гундерман Р. 3 урока для сегодняшних учителей и студентов от тренера Винса Ломбарди // InnerSelf. URL: <https://ru.innerself.com/content/living/finance-and-careers/career-and-success/22058-3-lessons-for-today-s-teachers-and-students-from-coach-vince-lombardi.html> (дата обращения: 11.11.2020).

Гуттман А. От ритуала к рекорду // Логос. 2009. № 6 (73). С. 147–187.

Жунева Е.С. Национальный культ спорта в Англии: история формирования // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 10. С. 221–226. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.40

Исмаилов Н.О. Глобализация, глобализм и социальная справедливость в спорте // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 1. № 1. С. 35–47.

Костиков В.Ю. Спорт как феномен культуры в информационном обществе // Информационное общество. 2017. № 1. С. 55–61.

Красильников Т.С. Становление хоккея с мячом, как культурного явления, в первой половине XX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 10/2. С. 24–28.

Кыласов А.В. Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2010.

Липская Л.А. Проблемы современного спорта в контексте глобализации и международной политики // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 57–62.

Лукашук В.И. Спорт как фактор патриотического воспитания и развития толерантности // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. 2016. № 1 (16). С. 124–136.

Люшен Г. Взаимосвязь между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст. / Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. М., 1979. С. 35–51.

Михайлова Т.А. Социокультурные аспекты спорта и профессиональной деятельности спортсменов в современной России: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Краснодар, 2016.

Михайлова Т.А., Студеникина Е.С. Проблемы спорта и физической культуры в российских социологических исследованиях: история и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 121–136.

Россия — спортивная страна! // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana->

Рысюкевич Н.С. Спорт как социальный феномен (социологический конструкт) // Проблемы управления. 2020. № 3 (77). С. 100–107.

Стафеев Д.В. Динамика изменения роли спорта в формировании внешнеполитической стратегии Российской Федерации: Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2017.

Чирков В.А., Шохирев В.В., Ацута А.Д. Спортивная символика как средство воспитания подростков // Электронный научный журнал. 2016. № 3 (6). С. 450–454.

REFERENCES

Abramov A.P. Sociokul'turnyj podhod k probleme cifrovizacii obshhestva [Sociocultural Approach to the Problem of Digitalization of Society] // Social'naja stratifikacija v cifrovuju jepohu: k 130-letiju so dnja rozhdenija Pitirima Sorokina: XIII Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "Sorokinskie chtenija — 2019": Sbornik materialov. M., 2019. P. 706–708 (in Russian).

Averina M. V. Cociokul'turnaja dinamika sovremennosti: vozdejstvie migracii i sporta [Sociocultural Dynamic of Modernity: Interaction and Impact of Migration and Sports] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 18. Sociologia i politologia. 2017. N 1. DOI: 10.24290/1029-3736-2017-23-1-208-224 (in Russian).

Averina M. V. Analiz vlijanija sociokul'turnyh faktorov razvitija obshhestva na formirovanie sportivnyh predpochtenij pokolenij Y I Z [Analysis of the Influence of Socio-cultural Factors of the Society Development on the Formation of Sports Preferences of Generations Y and Z] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2019. N 2 (835). P. 162–175 (in Russian).

Benoist A. Globalizacija i novaja konservativnaja paradigma v XXI veke [Globalization and the New Conservative Paradigm in the 21st Century] // Centr konservativnyh issledovanij. URL: <http://konservatizm.org/speech/benua/080309003157.xhtml> (data obrashcheniya: 15.11.2020) (in Russian).

Bykhovskaya I., Milstein O. Sovetskaya sotsiologiya sporta: start I... eshche raz start (sub'ektivnye zametki s pretenziei na ob'ektivnost') [Qe Soviet Sociology of Sport: Start and... Start Once Again (Subjective Notes with a Claim to Objectivity)] // Sociologicheskoe obozrenie. 2017. Vol. 16. N 2. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319 (in Russian).

Chirkov V.A., Shohirev V.V., Acuta A.D. Sportivnaja simbolika kak sredstvo vospitanija podroستkov [Sports Symbols as a Means of Educating Teenagers] // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2016. N 3 (6). P. 450–454 (in Russian).

Cunningham G.B. Social class and sport // Sociology of Sport and Physical Activity. College Station. 2019. TX. P. 29–40.

Grigoryants A.E. Transformacija rossijskogo sporta v jepohu globalizacii (sociologicheskij analiz) [Transformation of Russian Sports in the Era of Globalization (Sociological Analysis)]: PhD thesis. M., 2005 (in Russian).

Gunderman R. 3 uroka dlja segodnjashnih uchitelej i studentov ot trenera Vinsa Lombardi [3 Lessons For Today's Teachers And Students From Coach Vince Lombardi] // InnerSelf. URL: <https://ru.innerself.com/content/living/finance-and-careers/career-and-success/22058-3-lessons-for-today-s-teachers-and-students-from-coach-vince-lombardi.html> (data obrashcheniya: 11.11.2020) (in Russian).

Guttmann A. Ot rituala k rekordu [From Ritual to Record] // Logos. 2009. N 6 (73). P. 147–187 (in Russian).

Hall T. Social class and sports // Broken Clipboard. URL: <https://brokenclipboard.wordpress.com/2016/04/11/social-class-and-sports-2/> (accessed: 28.01.2021).

Ismailov N.O. Globalizacija, globalizm i social'naja spravedlivost' v sporte [Globalization, Globalism and social Justice in Sport] // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. V. 1. N 1. P. 35–47 (in Russian).

Kahma N. Sport and social class: the case of Finland // International Review for the Sociology of Sport. 2012. N 47 (1). P. 113–130. DOI: 10.1177/1012690210388456.

Kostikov V.Yu. Sport kak fenomen kul'tury v informacionnom obshhestve [Sport as a cultural Phenomenon in the information Society] // Informacionnoe obshhestvo. 2017. N 1. P. 55–61 (in Russian).

Krasilnikov T.S. Stanovlenie hokkeja s mjachom, kak kul'turnogo javlenija, v pervoj polovine XX veka [Formation of bandy as a cultural phenomenon in the first half of the XX century] // Sovremennaja nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: gumanitarnye nauki. 2020. N 10/2. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.10-2.11 (in Russian).

Krawczyk Z. Sport in the changing society // Sports Involvement in Changing Europe / Ed. by J. Kosiewicz, K. Obodyński. Rzeszow, 2004. P. 11–23.

Kylasov A.V. Sport kak sotsiokul'turnyy fenomen sovremennoy epokhi globalizatsii [Sport as Sociocultural Phenomenon of Modern Era of Globalization]: PhD thesis. M., 2010 (in Russian).

Lipskaya L.A. Problemy sovremennogo sporta v kontekste globalizatsii i mezh-dunarodnoj politiki [Problems of present-days Sport in the Context of Globalization and international Policy] // Socium i vlast'. 2017. N 3 (65). P. 57–62 (in Russian).

Lukashchuk V.I. Sport kak faktor patrioticheskogo vospitaniya i razvitiya tolerantnosti [Sport as a Factor of patriotic Education and Development of Tolerance] // Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra. Seriya: Sociologiya. 2016. N 1 (16). P. 124–136 (in Russian).

Lushen G. Vzaimosvjaz' mezhdu sportom i kul'turoj [The Relationship between Sport and Culture] // Sport i obraz zhizni: sb. statei / Pod red. V.I. Stoljarov, Z. Krawczyk. M., 1979 (in Russian).

McPherson B.D. Past, present and future perspectives for research in sport sociology // International Review for the Sociology of Sport March. 1975. N 10. P. 55–72.

Mihailova T.A. Sociokul'turnye aspekty sporta i professional'noj dejatel'nosti sportsmenov v sovremennoj Rossii [Sociocultural Aspects of Sports and Professional Activity of Athletes in Modern Russia]: PhD thesis. Krasnodar, 2016 (in Russian).

Mihailova T.A., Studenikina E.S. Problemy sporta i fizicheskoy kul'tury v rossijskih sociologicheskikh issledovanijah: istorija i perspektivy razvitiya [Sociological Research of Sports and physical Education in Russia: History and Future Development] // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2017. V 18. N 4 (in Russian).

Reeves A. Social stratification, gender and sport participation // Sociological Research Online. 2012. N 17(2). P. 1–17. DOI:10.5153/sro.2598/

Roberts J.M., Sutton-Smith B. Child training and game involvement // *Ethology*. 1962. N 2. P. 166–185.

Rossija — sportivnaja strana! [Russia is a Sports Country!] // *Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mnenija*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana-> (data obrashcheniya: 28.01.2021) (in Russian).

Rysiukevich N. Sport kak social'nyj fenomen (sociologicheskij konstrukt) [Sport as a social Phenomenon (sociological Construct)] // *Problemy upravlenija*. 2020. N 3 (77). P. 100–107 (in Russian).

Sage G.H. Power and ideology in American sport: a critical perspective. Champaign, 1998.

Seippel O. Sports and nationalism in a globalized world // *International Journal of Sociology*. 2017. N 47 (1). P. 43.

Stafeev D.V. Dinamika izmenenija roli sporta v formirovanii vneshnepoliticheskoy strategii Rossijskoj Federacii [Dynamics of Role of Sport Change in Forming of External Policy Strategy of the Russian Federation]: PhD thesis. Saint-Petersburg, 2017 (in Russian).

Zhuneva E.S. Nacional'nyj kul't sporta v Anglii: istorija formirovanija [Cult of Sport in England: History of Formation] // *Manuskript*. 2020. T. 13. N 10. DOI: 10.30853/manuskript.2020.10.40 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-137-153

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ ФАКТОРЕ В ПОЛИТИКЕ

С.В. Перевезенцев, докт. историч. наук, проф. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В статье исследуется феномен религиозного фактора в современной мировой политике, предлагается учитывать религиозный фактор наряду с иными факторами исторического развития (экономическим, политическим, социальным, природно-климатическим и др.). С традиционалистской точки зрения показано противостояние учения гуманизма и традиционных религий, как духовное противостояние различных религиозных учений. Раскрыты основные духовно-политические процессы в современном мире: процесс целенаправленного уничтожения традиционных ценностей, религий и культур и противостоящий ему процесс возрождения традиционных ценностей, религий и культур с целью сохранения “цветущей сложности”, т.е. цивилизационного разнообразия мирового сообщества. В рамках первого процесса на основе многочисленных данных показана борьба сторонников религиозно-философского учения гуманизма с традиционными религиозными учениями, прежде всего с христианством, а главной задачей этой борьбы указана дехристианизация человека и общества, ведь именно христианское вероучение лежит в основе локомотива мировой истории, европейской цивилизации. Основная цель этой борьбы заключается в замене христианства и традиционных мировых религий религией человекобожия, т.е. гуманизмом и рационализмом. Раскрывается смысл концепции трансгуманизма: создание искусственного, унифицированного, полностью управляемого мира, населенного биообъектами без индивидуальности и вообще каких-либо личностных признаков. Таким образом раскрыта античеловеческая сущность религии человекобожия — уничтожение “человека естественного”. В статье представлены основные сущностные черты противоположного первому второму духовно-политического процесса. На базе многочисленных социологических исследований доказано, что в мире происходит заметный рост традиционной религиозности и значения традиционных религий. Усиление роли традиционных религий и религиозных организаций в жизни общества, прежде всего православия и Русской Православной Церкви, фиксируется и в России. В то же время в статье отмечается противоречивый характер обоих процессов, противостояние которых еще далеко от завершения. В результате проведенного анализа сделаны три основных вывода. Первое: в будущем сохранятся и станут определять мировую политику те народы и цивилизации, чей духовный корень окажется наиболее крепким, а традиционные духовные смыслы и ценности продолжат оставаться

* Перевезенцев Сергей Вячеславович, e-mail: serp1380@yandex.ru

значимыми для большинства членов того или иного сообщества. Второе: в процессе, вплоть до полного исчезновения, окажутся те народы и цивилизации, которые будут и дальше пребывать в состоянии духовного оскудения и, в итоге, окончательно утратят собственную духовную суверенность. Третье: отказ от традиционных религий, смыслов и ценностей в пользу религии человекобожия может привести человечество к физическому исчезновению и замене "человека естественного" "искусственным интеллектом".

Ключевые слова: религия, религиозный фактор в мировой политике, духовность, духовное противостояние, духовное оскудение, духовно-политические процессы.

ON THE QUESTION OF THE RELIGIOUS FACTOR IN POLITICS

Perevezentsev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru

The article examines the phenomenon of the religious factor in modern world politics, suggests taking into account the religious factor along with other factors of historical development (economic, political, social, natural and climatic, etc.). From the traditionalist point of view, the confrontation between the teachings of humanism and traditional religions is shown, as a spiritual confrontation of various religious teachings. The main spiritual and political processes in the modern world are revealed: the process of purposeful destruction of traditional values, religions and cultures and the process of reviving traditional values, religions and cultures in order to preserve the "blooming complexity", i.e., the civilizational diversity of the world community. In the first process, on the basis of numerous data, shows the struggle of the supporters of the religious-philosophical doctrine of humanism with traditional religious teachings, especially Christianity, and the main task of this struggle provided dechristianization of man and society, because the Christian faith is the basis of the locomotive of world history, European civilization. The main goal of this struggle is to replace Christianity and the traditional world religions with the religion of man-God, i.e., humanism and rationalism. The author reveals the meaning of the concept of transhumanism: the creation of an artificial, unified, fully controlled world populated by biological objects without individuality or any personal characteristics at all. Thus, the ant-human essence of the religion of man-god is revealed — the destruction of the "natural man". The article presents the main essential features of the second spiritual-political process, which is opposite to the first one. On the basis of numerous sociological studies, it is proved that in general, there is a noticeable increase in traditional religiosity and the importance of traditional religions in the world. The strengthening of the role of traditional religions and religious organizations in the life of society, especially Orthodoxy and the Russian Orthodox Church, is also recorded in Russia. At the same time, the article notes the contradictory nature of both processes, the confrontation of which is still far from complete. As a result of the analysis, three main conclusions are made. First, in the future, those peoples and civilizations whose spiritual roots will be the strongest will remain and will determine world politics, and traditional spiritual meanings and values will continue to be significant for the majority of members of a particular community. Second, those nations and civilizations that will

continue to be in a state of spiritual impoverishment and, as a result, will finally lose their own spiritual sovereignty will be the losers, even to the point of complete disappearance. Third, the rejection of traditional religions, meanings and values in favor of the religion of man-god can lead humanity to the physical disappearance and replacement of "natural man" with "artificial intelligence".

Key words: *religion, religious factor in world politics, spirituality, spiritual confrontation, spiritual impoverishment, spiritual and political processes.*

В начале XXI в. в разных странах сложился целый комплекс духовных кризисов, конфликтов и противостояний: между традиционными религиями в разных сочетаниях; между гуманизмом, как религией человекобожия¹, и всеми иными традиционными религиями; между гуманизмом и отдельными традиционными религиями; между возродившимися в разных странах языческими культами и традиционными религиями; между гуманизмом и языческими культами; между различными направлениями внутри гуманизма и т.д. Разобраться в этом поистине запутанном клубке противоречий и противостояний крайне сложно, тем более что наряду с фундаментальными противоречиями и союзами постоянно возникают ситуативные противоречия и рождаются ситуативные союзы разных религиозных учений, направлений, групп и т.д. Но эта сложность свидетельствует о крайне важном факте: в современном мире резко возросла роль религиозного фактора исторического развития вообще, и религиозности как фактора мировой политики, в частности.

События, происходящие в современном мире в разных странах и на разных континентах, говорят о том, что все мы являемся свидетелями и, главное, участниками двух продолжающихся глобальных духовно-политических процессов. *Первый — это процесс целенаправленного уничтожения традиционных ценностей, религий и культур.* Истоки этого процесса уходят в более чем пятисотлетнюю давность, когда во времена так называемой Эпохи Возрождения с помощью созданного тогда же религиозно-философского учения гуманизма началась борьба с традиционными религиозными учениями. Первым и главным объектом этой борьбы сразу стало христианство, а главной задачей — *дехристианизация человека и общества*, ведь именно христианское вероучение лежит в основе локомотива мировой истории, европейской цивилизации.

В следующие столетия наступление на христианское вероучение и Христианскую Церковь только ширилось, а со временем борьба

¹ О гуманизме, как религии человекобожия, см. подробнее: *Перевезенцев С.В. Крах гуманизма // Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007. С. 311–328.*

повелась с любыми традиционными укладами жизни и любыми традиционными ценностями, религиями и культурами. Причин тому много. Как кажется, одна из главных — жесточайшие религиозные войны в Европе в XVI–XVII вв. Двести лет непрекращающихся религиозных конфликтов породили иллюзию того, что можно и нужно выработать новое миропонимание — принципиально нерелигиозное или, точнее, надрелигиозное, благодаря которому удастся для начала минимизировать, потом преодолеть, а впоследствии вообще избавиться от религиозных конфликтов, ибо все люди будут жить в мире единых нерелигиозных ценностей и смыслов. Так постепенно стало утверждаться так называемое рационалистическое мышление, базирующееся на философии гуманизма.

Наиболее жестокими насильственными методами борьба со всякой традицией велась в XX в. в рамках осуществлявшегося радикальными гуманистами-большевиками “коммунистического проекта”. Впрочем, гуманисты либерального склада тоже тогда не оставались в стороне, но отличались от своих собратьев-радикалов более “мягкими” способами борьбы.

Однако попытки преодолеть традиционную религиозность человеческого сознания и уничтожить традиционные религии не принесли ожидаемых результатов. Более того, чем дальше, тем больше в XX столетии религиозные противоречия порождали все новые жесточайшие конфликты. Так, главный конфликт XX столетия между коммунистической и либеральной идеологиями носил все признаки специфического духовного кризиса — внутриконфессиональное столкновение адептов религии человекобожия (гуманистического учения) по-разному понимающих суть и методы воплощения принципов этого религиозного учения в жизнь. В то же время кризис религии человекобожия (гуманизма и рационализма) вновь вернул к жизни значимость традиционных религий и различных нетрадиционных культов, которые стали приобретать все большее влияние в сознании людей разных стран и континентов.

В начале XXI в., после краха “коммунистического проекта”, либеральные гуманисты подхватили большевистское знамя и повели наступление на христианство и всякую иную традицию с тем же “большевистским” задором. Европейцам и всему миру предлагается окончательно отказаться от своих христианских корней, а любые упоминания о христианских основах европейской цивилизации или какой-либо европейской страны вызывают немедленную бурную и негативную реакцию. Так, накануне Пасхи 2014 г. (20 апреля 2014 г.) британский премьер-министр Дэвид Кэмерон заявил, что Великобритания — “христианская страна”, и

сразу же подвергся резкой критике. В газете “*The Telegraph*” было моментально опубликовано коллективное письмо за подписью 55 британских ученых и литераторов, которые громогласно заявили: “Имеющиеся факты показывают, что нет оснований называть Великобританию христианской страной”. Чуть позднее один из “подписантов”, правозащитник Питер Тэтчелл в интервью BBC утверждал, что только 29% жителей современной Великобритании считают себя “религиозными”, при этом более половины из них не являются приверженцами какой-либо определенной религии. “Таким образом, — сказал правозащитник, — христианская Англия ушла в прошлое, это следует признать и действовать соответствующим образом”². И английский правозащитник не так уж и не прав. Статистика свидетельствует, что за последние десять лет посещаемость англиканских соборов в Англии и Уэльсе во время воскресных служб уменьшилась вдвое (в 2013 г. — 800 000 человек)³. Примерно такая же картина и в других европейских странах. Так, только за ноябрь 2014 г. 20 000 финнов покинули лютеранскую церковь, которая имеет государственный статус, по той причине, что наряду с церковным налогом с 2015 г. им пришлось бы еще платить налог за пользование телевидением, а всего около 4% жителей Финляндии указали, что они не могут себе позволить платить и церковный, и телевизионный налоги одновременно⁴. Как следствие, намеренный и сознательный отказ от традиционной религии и традиционных ценностей влечет за собой и другие “отказы” — от традиционной семьи, от родителей и даже от собственной половой принадлежности. Но изгнание христианства и христиан из Европы означает, что на их место приходят представители иных религиозных направлений. В частности, самым популярным мужским именем в Великобритании в 2014 г. стало имя Мухаммед (этот факт фиксируется в Англии на протяжении ряда лет, начиная с 2008 г.)⁵. Та же история в столице Норвегии — Осло.

При этом волна антихристианских настроений в Европе только возрастает. В недавно выпущенном в докладе Института Гейтстоун

² Премьера Кэмерона, назвавшего Британию, “христианской страной”, обвинили в сектантстве. URL: <http://www.newsru.com/religy/21apr2014/cameron.html> (дата обращения: 16.01.2021).

³ Власть. 2014. № 47. С. 35 (Инфографика).

⁴ Финны уходят из Церкви из-за налога на телевидение. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3230924.html> (дата обращения: 16.01.2021).

⁵ Nur and Maryam join Muhammad in list of Britain’s top baby names — while Royal monickers fall with George dropping five places. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2855330/Nur-Maryam-join-Muhammad-baby-names-list-Royal-relegation-continues-George-falling-five-places.html> (accessed: 16.01.2021).

говорится, что в 2019 г. Западная Европа пережила неслыханную волну антихристианского вандализма: в Британии, Франции, Германии, Ирландии, Италии и Испании примерно 3000 христианских объектов — церквей, школ, кладбищ и монументов, — подверглись вандализму, разграблению или осквернению. Это “рекордный уровень проявлений антихристианского кощунства”⁶. В целом же сегодня, по подсчетам французского электронного ресурса “*Slate.fr*”, именно христианство — самая угнетаемая религия в мире, а за последние годы жертвами запугиваний, дискриминации и агрессии оказались почти 200 миллионов христиан⁷.

В результате такого наступления, а также в силу демографических процессов, по мнению исследовательского центра “*Pew*”, к 2050 г. доля христиан в мире заметно снизится, потому что из него уйдут 106 миллионов верующих, а присоединятся к нему только 40 миллионов. Как полагают эксперты центра “*Pew*”, большинство из тех, кто откажется от своей христианской веры, не будет исповедовать никакой конкретной религии. Примерно 3 миллиона человек, по прогнозам, станут мусульманами. Кстати, испытают потери и другие вероисповедания, к примеру, буддизм и иудаизм покинут 3 миллиона и 300 тысяч верующих соответственно. При этом к середине XXI в. наибольшее число христиан уменьшится в США — с 78 до 66%, в то же время число мусульман (2,1% населения) превысит число приверженцев иудаизма (1,4%), а число атеистов, агностиков и людей, не принадлежащих ни к какой религии, к 2050 г. вырастет с 16 до 26%⁸.

Смысл целенаправленной дехристианизации человека и общества, как и смысл целенаправленного отказа от иных традиционных религий и ценностей в полной мере раскрылся в *концепции трансгуманизма*. В этом отношении показателен прогноз развития технологий до 2099 г., сделанный техническим директором *Google* и известным технологическим футурологом Р. Курцвейлом в книге “Сингулярность близка”⁹. В последующие годы в своих многочисленных интервью Курцвейл расписал свои прогнозы буквально по годам. Некоторые его прогнозы (или “пророчества”? или целенаправленное формирование общественного мнения?) стоит напомнить:

⁶ Soeren Kern. Europe: anti-Christian attacks reach all-time high in 2019. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/15366/europe-anti-christian-attacks> (accessed: 16.01.2021).

⁷ La religion la plus persécutée au monde? Le christianisme. URL: <http://www.slate.fr/story/93959/christianisme> (accessed: 16.01.2021).

⁸ The future of world religions: population growth projections, 2010–2050. URL: <https://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 16.01.2021).

⁹ См.: Kurzweil R. The singularity is near: when humans transcend biology. N.Y., 2005.

2029 г. — компьютер сможет пройти тест Тьюринга, доказывая наличие у него разума в человеческом понимании этого слова.

2031 г. — 3D-принтеры для печати человеческих органов будут использоваться в больницах любого уровня.

2037 г. — гигантский прорыв в понимании тайны человеческого мозга. Будут определены сотни различных субрегионов со специализированными функциями. Некоторые из алгоритмов, которые кодируют развитие этих регионов, будут расшифрованы и включены в нейронные сети компьютеров.

2038 г. — появление роботизированных людей, продуктов трансгуманистических технологий. Они будут оборудованы дополнительным интеллектом (например, ориентированным на конкретную узкую сферу знаний, полностью охватить которую человеческий мозг не способен) и разнообразными опциями-имплантатами — от глаз-камер до дополнительных рук-протезов.

2039 г. — наномашины будут имплантироваться прямо в мозг и осуществлять произвольный ввод и вывод сигналов из клеток мозга. Это приведет к виртуальной реальности “полного погружения”, которая не потребует никакого дополнительного оборудования.

2042 г. — первая потенциальная реализация бессмертия: благодаря армии нанороботов, которая будет дополнять иммунную систему и “вычищать” болезни.

2043 г. — человеческое тело сможет принимать любую форму, благодаря большому количеству нанороботов. Внутренние органы будут заменять кибернетическими устройствами гораздо лучшего качества.

2044 г. — небιологический интеллект станет в миллиарды раз более разумным, чем биологический.

2045 г. — наступление технологической сингулярности. Земля превратится в один гигантский компьютер¹⁰.

Прогнозы Курцвейла сегодня кажутся настолько “завиральными”, что вызвали критическую реакцию даже у многих американских журналистов и исследователей¹¹. Правда, дискуссия развернулась, в основном, вокруг сроков исполнения прогнозов. Но ведь дело вовсе не в том, когда именно “небиологический интеллект станет в миллиарды раз более разумным, чем биологический”, а внутренние органы человека “будут заменять кибернетическими устройствами

¹⁰ Технический директор Google расписал будущее мира: прогноз до 2099 года. URL: <https://inforesist.org/texnicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/> (дата обращения: 16.01.2021).

¹¹ Рэймонд Курцвейл ошибается: сингулярность совсем не близко. URL: <https://vc.ru/future/25099-ray-kurzweil-is-wrong> (дата обращения: 16.01.2021).

гораздо лучшего качества”. Дело в другом — прогнозы Курцвейла ясно описывают главные цели адептов религии человекобожия: создание искусственного, унифицированного, полностью управляемого мира, населенного биообъектами без индивидуальности и вообще каких-либо личностных признаков. А достижение, как казалось великой цели, поставленной еще на заре рождения гуманизма, — физического бессмертия, оказалось возможно лишь в результате убийства “человека естественного”.

Трансгуманизм готов уже сегодня превратиться в новое религиозное учение, и заменить собой даже религию человекобожия. Об этом свидетельствует интересный факт. В 2015 г. один из ключевых специалистов в сфере беспилотных автомобилей, бывший технический руководитель подразделений *Google* и *Uber* Энтони Левандовски основал специфическую религиозную организацию “Путь будущего” (“Way of the Future”). Цель организации — “разрабатывать и продвигать реализацию божества, основанного на искусственном интеллекте”. Через понимание и поклонение ему “Путь будущего” планирует “вносить вклад в улучшение общества”. Конечно, можно посмеяться на очередным чудачком-ученым. Однако сам Левандовски уверяет, что это не шутка и не пиар-ход¹². Так что, лиха беда начало... Иначе говоря, гуманизм, как религия человекобожия, имеет совершенно антигуманную, античеловеческую сущность и ведет человечество к физическому и духовному уничтожению “человека естественного”.

Опасность физического уничтожения естественных форм человеческой жизни становится постепенно понятной все большему числу людей. Поэтому если поначалу “мягкие” либеральные меры по замещению традиционных ценностей гуманистическими воспринимались как ступени восхождения из “дикости” к “цивилизации”, и так или иначе принимались мировым сообществом, то взятый нынче либерал-гуманистами откровенный курс на уничтожение традиционных ценностей, религий и культур большинством народов нашей планеты оказался воспринят как неприкрытое духовное и нравственное насилие.

Вполне естественно, в разных странах и культурах возник сначала индивидуальный, потом общественный протест, принимающий в наши дни формы мощного народного протестного движения. Вспомним лишь недавние события: многосоттысячные демонстрации против законодательного разрешения однополых браков и заметный рост авторитета правого движения во Франции; приход правых националистических партий к власти в Венгрии; стремление

¹² God is a bot, and Anthony Levandowski is his messenger. URL: <https://www.wired.com/story/god-is-a-bot-and-anthony-levandowski-is-his-messenger/> (accessed: 16.01.2021).

к возрождению национальных и религиозных традиций в Австрии, где у власти находятся тоже представители правых сил; стремление нового папы римского Франциска к нравственному очищению Европы; усиление недовольства европейскими “нравственными новшествами” в традиционно католических Польше и Хорватии. В той же Великобритании при сокращении вдвое посещений церковных служб по воскресениям, одновременно вдвое выросло посещение англиканских церквей по рабочим дням — 15 000 человек в 2013 г.¹³ Или сведения из Финляндии: 28 ноября 2014 г. финский парламент принял закон, разрешающий в стране однополые браки, в поддержку этого закона тогда же высказался глава лютеранской церкви архиепископ Турку и Финляндии Кари Мякинен, и... сразу же после одобрения закона около 8000 человек через онлайн-сервис в знак протеста подали уведомления о выходе из церкви¹⁴.

Вот такие противоречия в тихой и спокойной Финляндии: одни финны выходят из церкви, просто не желая на нее тратиться, другие потому, что лютеранская церковь Финляндии нарушает христианские традиции. Что уж говорить о других, более жарких странах. Нельзя забывать и о сильнейшем фундаменталистском повороте в исламском мире, также во многом ставшем реакцией на вторжение в мусульманское общество либерально-гуманистических идей и практик.

И все эти явления свидетельствуют о том, что в наше время продолжает развиваться *второй глобальный духовно-политический процесс — возрождение традиционных ценностей, религий и культур с целью сохранения “цветущей сложности”, т.е. цивилизационного разнообразия мирового сообщества.*

Оба эти процесса характерны и для России: в нашей стране немало тех, кто совершенно не приемлет традиционные религии и культуры. Более того, можно сказать, пора духовного оскудения, наступившая в России примерно сто пятьдесят лет назад, еще не закончилась, а значит сохраняются все возможные негативные последствия духовного самограбления народа. В то же время, в России есть и множество людей, для которых как раз традиционные ценности составляют основу жизни. Таким образом, наша страна в очередной раз оказалась перед историческим выбором: по какой дороге двигаться дальше, на какие ценности опираться — религия человекобожия или традиционная религиозность?

¹³ Власть. 2014. № 47. С. 35 (Инфографика).

¹⁴ Финскую церковь покинули тысячи человек после легализации гей-браков. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/5258857.html> (дата обращения: 16.01.2021).

История последних тридцати лет, когда вместо господствовавших раньше радикальных “коммунистических” ценностей в одночасье стали насаждаться ценности либерально-гуманистического толка, показала, что значительная часть наших соотечественников довольно быстро поняла смертельную опасность подобного пути развития. Недаром, как показывает статистика, число сторонников традиционных ценностей, религий и культур, особенно, последователей православия и Православной Церкви, в России за последние тридцать лет стабильно растет. Этот процесс был зафиксирован еще в 2006 г.: в конце 1980-х — начале 1990-х гг. страна официально считалась атеистической, но даже тогда атеистами называли себя около 35% населения, а в начале XXI в. атеистами назвали себя менее 15%, т.е. их число сократилось в два с лишним раза. При этом около 15% опрошенных можно было назвать людьми воцерковленными, поскольку они каждый месяц и чаще посещают храм и участвуют в таинствах, а ведь в конце 1980-х гг. таких было всего 4% населения, во второй половине 1990-х — около 6%. Наконец, Православная Церковь оказалась на втором месте по уровню доверия в российском обществе после института президента: Церкви доверяли 60% опрошенных¹⁵.

Спустя шесть лет, в январе 2012 г., холдинг “Ромир” опубликовал данные об уровне религиозности российского населения, полученные в ходе совместного исследования с Ассоциацией *Gallup International* в рамках ежегодного глобального международного опроса WIN “Глобальный барометр надежды и отчаяния” (*“Global Barometer on Hope and Despair”*). Согласно этому исследованию, религиозными людьми назвали себя 55% жителей России, нерелигиозными — 26%, и всего лишь 6% россиян считали себя убежденными атеистами. При этом по сравнению с предыдущим аналогичным опросом, проведенным в 2005 г., индекс религиозности россиян понизился на 2%, а индекс атеизма вырос на те же 2%¹⁶.

Примечательно, что вскоре после публикации этих сведений, Русская Православная Церковь испытала мощное идеологическое наступление антицерковных и антирелигиозных сил (что стоил только один скандал с хулиганской выходкой неких девиц в Храме Христа Спасителя, а ведь таких скандалов было организовано сразу несколько). Казалось бы, авторитет Русской Православной Церкви должен был пасть ниже самых низких величин. Но вот в соответствии с

¹⁵ Тарусин М. Неизвестная Россия: Записки социолога. URL: [http:// www.foma.ru/article/index.php?news=2494](http://www.foma.ru/article/index.php?news=2494) (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁶ Мир становится менее религиозным. URL: <https://romir.ru/studies/mir-stanovitsya-menee-religioznym> (дата обращения: 16.01.2021).

рейтингом доверия россиян, составленном исследовательским холдингом “Ромир” в июле 2013 г., Русской Православной Церкви “полностью доверяют” или “скорее доверяют” 66% респондентов¹⁷.

Иначе говоря, в тот период после всех скандалов авторитет Русской Православной Церкви только укрепился. Эту динамику подтвердили и данные, полученные в ходе опросов, осуществляемых ВЦИОМ: если в 2010 г. 64% опрошенных считали, что церковная политика, проводимая Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, отвечает интересам нашего общества, то к 2013 г. это мнение укрепилось и уже 71% опрошенных был уверен в соответствии церковной политики интересам российского общества¹⁸. Интересно, что проведенное *Gallup International* в 2015 г. исследование религиозности населения разных стран в отношении России дало совершенно иные показатели, нежели в 2012 г., и оказалось близко к данным ВЦИОМ: в России верующими себя назвали 70% опрошенных¹⁹.

Рост религиозности населения России и числа российских жителей, доверяющих Русской Православной Церкви в первые два десятилетия XXI в., проходил на фоне роста консервативных настроений в российском обществе в этот период. Так, исследования ВЦИОМ, проведенные в феврале 2014 г., показывали, что в российском обществе за последние 10 лет заметно возросла популярность консервативных идей: если в 2003 г. 44% опрошенных были уверены в том, что консерватизм не только способствует сохранению традиций и общественного строя, но также помогает поступательно идти вперед, не совершая резких рывков, то в 2014 г. в этом были уверены более половины россиян — 56%²⁰.

Интересны выводы, представленные в исследовании Института социологии РАН, в котором говорится, что, в частности, понятие “церковь” в общественном сознании россиян “скорее связано с положительными эмоциями, разделяемыми всеми религиозно-

¹⁷ Церковь стала социальным институтом, которому россияне доверяют больше всего. URL: <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo> (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁸ РПЦ при патриархе Кирилле: векторы перемен // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rpcz-pri-patriarkhe-kirille-vektory-peremen> (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁹ The most (and least) religious countries in the world // <https://www.telegraph.co.uk/travel/maps-and-graphics/most-religious-countries-in-the-world/> (accessed: 16.01.2021)

²⁰ Консервативные настроения в российском обществе усиливаются. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konservativnye-nastroeniya-v-rossijskom-obshchestve-usilivayutsya> (дата обращения 16.01.2021).

мировоззренческими группами России, либо с определенным эмоциональным безразличием, что маркирует данное понятие как неконфликтогенное (49% опрошенных относятся к нему скорее положительно, 44 — нейтрально, 6% — скорее отрицательно)”. Еще более позитивно воспринимается понятие “вера” (69% опрошенных указали скорее на положительную реакцию на данное понятие, 28 — на нейтральную, 25% — скорее на отрицательную), что подтверждается и его высоким статусом в ценностной иерархии, и возрастающим признанием роли веры в жизни. Как показывают данные пяти “волн” мониторинга ИС РАН в 2014–2016 гг., “большинство во всех религиозно-мировоззренческих группах... воспринимают Россию как особую цивилизацию”. По мнению исследователей, “это свидетельствует о том, что исходными пунктами социальной консолидации в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, являются осознание единства культурного поля и наличие общих ценностных регуляторов, что снижает риски религиозно окрашенных конфликтов и использование разности религиозных традиций в целях политической и социальной дестабилизации”²¹.

Впрочем, от перечисления этих цифр не стоит впадать в эйфорию и самообман. Есть и иные показатели. В 2018 г. уже упомянутый здесь исследовательский центр “Pew” провел опрос жителей 34 европейских стран об их приверженности религии. В данном случае речь шла о религии вообще, а результаты опроса оценивались на основе четырех индивидуальных показателей религиозного соблюдения-самооценки: значимость религии в жизни респондентов, посещаемость религиозных мероприятий, частота совершения молитв и вера в Бога. Опрос показал, что в Центральной и Восточной Европе, в основном в странах бывшего СССР и бывшего соцлагеря, европейцы в целом чаще, чем жители Западной Европы, признают религию очень важной в их жизни, посещают религиозные службы по крайней мере ежемесячно, молятся каждый день и верят в Бога с абсолютной уверенностью. В первую “десятку” в этом отношении входят Румыния, Армения, Грузия, Греция, Молдавия, Босния, Хорватия, Польша, Португалия и Сербия. Во второй “десятке” расположены Украина, Белоруссия и Литва. Из западноевропейских стран во второй “десятке” названы Италия, Ирландия, Испания, Нидерланды и Норвегия. Россия замыкает вторую “десятку”, разделив 20-е место с Норвегией и Венгрией. В России, согласно этому опросу, 17% очень

²¹ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017. С. 290, 294.

религиозных людей (для 15% религия важна, 17 — ходят на службы, 17 — молятся, 25% верят в Бога)²².

Противоречивую динамику показал ряд исследований, проведенных Фондом “Общественного мнения” по определению уровня доверия российского населения Русской Православной Церкви. Так, согласно этим исследованиям, в 2014 г. Русской Православной Церкви доверяли 65% опрошенных, в 2015 г. — 70%, в 2017 — 62, в 2019 — 66, а в 2020 — 53%. При этом 73% опрошенных назвали себя верующими людьми (63% — православными, 2 — последователями иных христианских конфессий, 6 — мусульманами, 2% — последователями иных религий)²³. Снижение уровня доверия Русской Православной Церкви, по сравнению с предыдущими показателями, показал и опрос, проведенный ВЦИОМ в ноябре 2020 г.: деятельность Русской Православной Церкви одобряют 58,4% опрошенных. Правда, согласно этому же опросу, РПЦ занимает второе место после Российской армии по уровню доверия граждан к деятельности общественных институтов²⁴.

Примерно та же динамика отношения россиян к Русской Православной Церкви, но с совершенно иными показателями, фиксируется в опросах “Левада-Центра”: с 1999 г. Русской Православной Церкви доверяли 36% жителей России, с 2008 по 2018 гг. — 48, в 2019 — 40, в 2020 — 42%. В соответствии с данными “Левада-Центра” РПЦ занимала четвертое место по уровню доверия граждан России после Российской армии, президента РФ, ФСБ и других спецслужб²⁵.

Конечно, даже эти цифры свидетельствуют об очень заметном росте традиционных религиозных настроений в российском обществе за последний 25–30 лет. Однако в целом статистические данные несмотря на иногда заметную разницу в количественных показателях свидетельствуют о важном факте: духовная ситуация в российском обществе намного сложнее, чем кому-то кажется. При этом большинство приведенных выше статистических данных свидетельствуют о том, что у нашего народа есть понимание (может

²² Evans J., Baronavski C. How do European countries differ in religious commitment. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment/> (accessed: 16.01.2021).

²³ О влиянии РПЦ на разные сферы жизни страны. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (дата обращения: 16.01.2021).

²⁴ Главные российские институты: общественная оценка. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-rossiiskie-instituty-obshchestvennaja-ocenka> (дата обращения: 16.01.2021).

²⁵ Доверие институтам. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 16.01.2021).

быть, и интуитивное понимание) того, что общество в целом пребывает в духовно-нравственном кризисе; что у нашего народа сегодня есть высокая и глубокая потребность в исправлении этой кризисной ситуации, в духовном осмыслении своего бытия. Иначе говоря, все эти многочисленные цифры свидетельствуют — российское общество испытывает духовные недуги, но “больной” хочет выздороветь.

Обнадеживает и тот факт, что в целом российские процессы вписываются в общую мировую картину. Так, согласно прогнозам, опубликованным исследовательским центром “Pew”, мир становится более религиозным. По расчетам социологов этого центра, с ростом численности населения планеты число верующих основных мировых религий, за исключением буддизма, тоже увеличится. Самый большой рывок совершит ислам, и, согласно прогнозу, темпы роста числа его приверженцев превысят темпы роста мирового населения. Если эти прогнозы сбудутся, то к 2050 г. впервые в истории численность мусульман (2,8 миллиарда) и христиан (2,9 миллиарда) почти сравняется. Социологи центра “Pew” прогнозируют стабильный рост числа верующих ряда других конфессий: численность индуистов увеличится на 34%, с 1 миллиарда в 2010 г. до 1,4 миллиарда в 2050 г., а численность приверженцев иудаизма увеличится с 14 миллионов в 2010 г. до 16,1 миллиона в 2050 г. Кроме того, к 2050 г., согласно прогнозу социологов, около 450 миллионов человек по всему миру будут исповедовать различные народные религии, такие как традиционные африканские религии, китайские народные религии, а также религии североамериканских индейцев и австралийских аборигенов. Таким образом, по сравнению с показателями 2010 г. число приверженцев этих религий вырастет на 11%. Число приверженцев нетрадиционной “светской” религиозности (тех, кто считает себя атеистами, агностиками и тех, кто не исповедует никакой конкретной религии) к 2050 г. уменьшится в процентном соотношении к численности мирового населения. Хотя число носителей нетрадиционных религиозных взглядов вырастет с 1,1 миллиарда до 1,2 миллиарда, их доля в мировом населении уменьшится с 16 до 13%. Единственным исключением в этом плане, как уже говорилось, выступит США, где число верующих основных конфессий, как ожидается, несколько уменьшится, а количество нетрадиционно верующих увеличится²⁶.

Понятно, что любые прогнозы — это дело далеко не самое благодарное, более того, зачастую они озвучиваются для того, чтобы убедить людей в истинности предложенного им пути развития, т.е.

²⁶ The future of world religions: population growth projections, 2010–2050. URL: <https://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 16.01.2021).

могут служить средством манипуляции общественным сознанием. Стоит помнить и другой факт, о котором уже говорилось: христианский мир хоть и станет несколько пространный, тем не менее, понесет наибольшие потери. Значит, и традиционная православная Россия что-то, а, может, и многое потеряет, тем более что в нашей стране продолжает сохраняться крайне неблагоприятная демографическая ситуация. Иначе говоря, прогнозы о росте традиционной религиозности в мире и в России крайне противоречивы.

Что век грядущий нам готовит? Если судить по основным тенденциям и прогнозам, то при всей их противоречивости вполне ясно — религиозный фактор исторического развития и религия как фактор мировой политики и далее будут оказывать столь же значительное, а, может быть, и намного большее влияние на жизнь человеческого общества, сколь и в предыдущие времена. На основе этих тенденций и прогнозов можно сделать некоторые выводы.

Первое: в будущем сохранятся и станут определять мировую политику те народы и цивилизации, чей духовный корень окажется наиболее крепким, а традиционные духовные смыслы и ценности продолжат оставаться значимыми для большинства членов того или иного сообщества.

Второе: в проигрыше, вплоть до полного исчезновения, окажутся те народы и цивилизации, которые будут и дальше пребывать в состоянии духовного оскудения и, в итоге, окончательно утратят собственную духовную суверенность.

Третье: отказ от традиционных религий, смыслов и ценностей в пользу религии человекобожия может привести человечество к физическому исчезновению и замене “человека естественного” “искусственным интеллектом”.

К России все эти выводы имеют самое прямое отношение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Власть. 2014. № 47.

Главные российские институты: общественная оценка. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-rossiiskie-institut-obshchestvennaja-ocenka> (дата обращения: 16.01.2021).

Доверие институтам. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 16.01.2021).

Консервативные настроения в российском обществе усиливаются. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konservativnye-nastroeniya-v-rossijskom-obshhestve-usilivayutsya> (дата обращения: 16.01.2021).

Мир становится менее религиозным. URL: <https://romir.ru/studies/mir-stanovitsya-menee-religioznym> (дата обращения: 16.01.2021).

О влиянии РПЦ на разные сферы жизни страны. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (дата обращения: 16.01.2021).

Перевезенцев С.В. Крах гуманизма // Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007. С. 311–328.

Премьера Кэмерона, назвавшего Британию “христианской страной”, обвинили в сектантстве. URL: <http://www.newsru.com/religy/21apr2014/cameron.html> (дата обращения: 16.01.2021).

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.

РПЦ при Патриархе Кирилле: векторы перемен. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113639> (дата обращения: 16.01.2021).

Рэймонд Курцвейл ошибается: сингулярность совсем не близко. URL: <https://vc.ru/future/25099-ray-kurzweil-is-wrong> (дата обращения: 16.01.2021).

Тарусин М. Неизвестная Россия: записки социолога. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=2494> (дата обращения: 16.01.2021).

Технический директор Google расписал будущее мира: прогноз до 2099 года. URL: <https://inforesist.org/technicheskij-direktor-google-raspisal-budushheemira-prognoz-do-2099-goda/> (дата обращения: 16.01.2021).

Финны уходят из Церкви из-за налога на телевидение. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3230924.html> (дата обращения: 16.01.2021).

Финскую церковь покинули тысячи человек после легализации гей-браков. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/5258857.html> (дата обращения: 16.01.2021).

Церковь стала социальным институтом, которому россияне доверяют больше всего. URL: <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo> (дата обращения: 16.01.2021).

REFERENCES

Cerkov' stala social'nym institutom, ktoromu rossiyanе doveryayut bol'she vsego [The Church has become the social institution that Russians trust most]. URL: <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Doverie institutam [Trust in institutions]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Evans J., Baronavski C. How do European countries differ in religious commitment. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment/> (accessed: 16.01.2021).

Finskuyu cerkov' pokinuli tysyachi chelovek posle legalizacii gej-brakov [Thousands have left the Finnish church after gay marriage was legalized]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/5258857.html> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Finny uhodyat iz Cerkvi iz-za naloga na televidenie [Finns are leaving the Church because of the TV tax]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3230924.html> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Glavnye rossijskie instituty: obshchestvennaya ocenka [Major Russian Institutions: Public Assessment]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-rossiiskie-instituty-obshchestvennaya-ocenka> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

God is a bot, and Anthony Levandowski is his messenger. URL: <https://www.wired.com/story/god-is-a-bot-and-anthony-levandowski-is-his-messenger/> (accessed: 16.01.2021).

Konservativnye nastroyeniya v rossijskom obshchestve usilivayutsya [Conservative sentiments in Russian society are growing]. URL: <https://wciom.ru/analytical->

reviews/analiticheskii-obzor/konservativnye-nastroeniya-v-rossijskom-obshchestve-usilivayutsya (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Kurzweil R. The singularity is near: when humans transcend biology. N.Y., 2005.

La religion la plus persécutée au monde? Le christianisme. URL: <http://www.slate.fr/story/93959/christianisme> (accessed: 16.01.2021).

Mir stanovitsya menee religioznym [The world is becoming less religious]. URL: <https://romir.ru/studies/mir-stanovitsya-menee-religioznym> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Nur and Maryam join Muhammad in list of Britain's top baby names — while Royal monickers fall with George dropping five places. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2855330/Nur-Maryam-join-Muhammad-baby-names-list-Royal-relegation-continues-George-falling-five-places.html> (accessed: 16.01.2021).

O vliyanii RPC na raznye sfery zhizni strany [On the influence of the Russian Orthodox Church on various spheres of the country's life]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Perevezencev S.V. Krah gumanizma [The collapse of humanism] // *Perevezencev S.V. Russkij vybor: Ocherki nacional'nogo samosoznaniya*. M., 2007. S. 311–328 (in Russian).

Prem'era Kemerona, nazvavshego Britaniyu "hristianskoj stranoj", obvinili v sektantstve [Premier Cameron, who called Britain a "Christian country", was accused of sectarianism]. URL: <http://www.newsru.com/religy/21apr2014/cameron.html> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Rejmond Kurcvejl oshibaetsya: singulyarnost' sovsem ne blizko [Raymond Kurzweil is wrong: the singularity is not at all close]. URL: <https://vc.ru/future/25099-ray-kurzweil-is-wrong> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya [Russian society and the challenges of the time. Book Five] / Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova. M., 2017 (in Russian).

RPC pri Patriarhe Kirille: vektory peremen [Russian Orthodox Church under Patriarch Kirill: vectors of change]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113639> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Soeren Kern. Europe: anti-Christian attacks reach all-time high in 2019. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/15366/europe-anti-christian-attacks> (accessed: 16.01.2021).

Tarusin M. Neizvestnaya Rossiya: zapiski sociologa [Unknown Russia: Notes of a Sociologist]. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=2494> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

Tekhnicheskij direktor Google raspisal budushchee mira: prognoz do 2099 goda [Google's CTO has outlined the future of the world: forecast to 2099]. URL: <https://inforesist.org/tekhnicheskij-direktor-google-raspisal-budushchee-mira-prognoz-do-2099-goda/> (data obrashcheniya: 16.01.2021) (in Russian).

The most (and least) religious countries in the world. URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/maps-and-graphics/most-religious-countries-in-the-world/> (accessed: 16.01.2021).

The future of world religions: population growth projections, 2010–2050. URL: <https://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 16.01.2021).

Vlast' [Power.]. 2014. N 47. S. 35 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-154-183

РОССИЯ И ЕВРАЗИЯ. РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРЕДВЗЯТОСТЬ ЗАПАДА

А. Джаннотти, канд. полит. наук, проф. кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ, проспект Вернадского, 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454; проф. кафедры истории международных отношений Университета Пизы, Лунгарно Антонио Пачинотти, 43, г. Пиза, Италия, 56126*

Данная статья посвящена взаимоотношениям России и западных стран, анализу некоторых разногласий между ними, обусловленных спецификой и политическим положением России. Автор прослеживает формирование единого евразийского пространства со времен падения Хазарского каганата вплоть до наших дней. В своем исследовании автор ссылается на восприятие России как центра общего евразийского пространства таких мыслителей, историков и общественных деятелей, как Р. Вильсон, А. де Кюстин, Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Н. Трубецкой, О. Шпенглер, А. Сахаров, Н. Назарбаев, Н. Рязановский, В. Путин, С. Кара-Мурза, М. Лаумулин. По мнению автора, распад СССР ознаменовался откатом в качестве жизни некоторых бывших союзных республик, ставших независимыми государствами. Особым индикатором подлинной интеграции в разные годы становится курс на развитие (или отказ от него) азиатской части России. Анализ евразийской интеграции и роль в ней России (которая сама представляет собой модель подобных отношений) неизбежно приводит к сравнению с Европейским Союзом (союзом гораздо более однородных государств) и констатации явных отличий между двумя этими моделями.

Ключевые слова: русофобия, Евразия, мультиполярность.

RUSSIA AND EURASIA. RUSSIAN IDENTITY AND PREJUDICES OF THE WEST

Giannotti Andrea, Ph.D. Polit. Sciences, Prof. Department of World Political Processes MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadsky prospect, 76, Moscow, Russian Federation, 119454; Prof. Department of History of International Relations, University of Pisa, Lungarno Antonio Pacinotti, 43, Pisa, Italy, 56126, e-mail: andreagiannotti@gmail.com

Over the last years, relations between Russia and the West have undergone a continuous deterioration in all major international scenarios, with Moscow playing a leading role from Eastern Europe to the Middle East. Western prejudices and lack of confidence toward Russia are not new and sink their roots well before the Revolution of 1917. They

* **Джаннотти Андреа**, e-mail: andreagiannotti@gmail.com

have been a constant of international relations for at least six centuries and still prevent true cooperation and understanding of the deepest motivations of Kremlin policies. In particular, western observers and policy makers seem to be unable to understand the peculiarities of the Russian identity and its eurasian dimension. This article proposes a brief analysis of the system of Russian-Western relations in the light of the so-called rusophobia, the Russian position in the Eurasian region with the geopolitical consequences of the USSR's disintegration and the return to the role of great power under Vladimir Putin.

Key words: *rusophobia, Eurasia, multipolarity.*

Москва и “мир без мирового порядка”

Напряженная ситуация в Республике Беларусь, вызванная протестом оппозиционно настроенных сил, не согласных с результатами президентских выборов, прошедших 9 августа 2020 г., может привести к обострению недоверия в уже непростых отношениях между Российской Федерацией и Западом. Отдельные представители европейских и американских СМИ, неотступно придерживающиеся одностороннего направления в освещении событий, продолжают предлагать мировой общественности информацию, выстраивая ее по упрощенной идеологической схеме: Москва выступает в поддержку диктатора наперекор воле жаждущего свободы народа¹. Подобная схема уже была задействована в свое время в оценке кризисных ситуаций в Грузии, Украине, Киргизии и Сирии. Однако в нашей работе мы не намерены анализировать позитивные и негативные стороны правления Шеварднадзе, Януковича, Акаева, Асада или же давать оценку результатам, социальным и геополитическим, цветных революций, ибо это увело бы наши рассуждения от заявленной темы. Отметим только, что все вышеупомянутые события спровоцировали ужесточение позиций США и ЕС по отношению к Кремлю. Необходимо также добавить, что в оценке событий со стороны глав государств и министров иностранных дел, журналистов и даже представителей академических кругов однозначно считалось изначальное затруднение в понимании России. Подобного рода осложнения, проявившие себя в связи, скажем, с украинским или сирийским вопросом, случай отнюдь не единовременный. Речь идет об устойчивом явлении, в основе которого лежит глубокое и непреходящее предубеждение, вызванное сложностью понимания России, ее сути и исторической и геополитической роли².

¹ <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-08-13/belarus-protests-why-is-putin-backing-lukashenko>

² <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2624817/How-Putins-walking-Six-years-ago-EDWARD-LUCAS-branded-scaremonger-warning-danger-posed-West-today-threats-alarming-ever.html>

Усиление русофобии Запада

Образ России как загадки, головоломки, тайны за семью печатями, предложенный Уинстоном Черчиллем³, сохраняет свою актуальность по сей день и оказывает серьезное влияние на характер отношений западных правительств и Москвы⁴.

Устойчивость подобного рода затруднений подтверждается сегодня, к примеру, отношением Запада к евразийской интеграции, многократно подвергавшейся критике как со стороны Вашингтона, так и со стороны ряда европейских стран, которые усматривают в ней тайный замысел России навязать свое господство. Здесь уместно вспомнить и о непреходящем противостоянии сверхдержав, преследующих различные, зачастую взаимоисключающие, геополитические интересы, а также о предвзятом отношении западного истеблишмента к России, к пониманию ее истории, идентичности и роли на постсоветском пространстве. Все это вызвало к жизни очередную волну русофобии, ставшей характерной, пусть и не постоянной, чертой в отношениях России и Запада на протяжении двух столетий, которая даже усилилась по сравнению с антисоветскими настроениями эпохи холодной войны.

Подобное восприятие России обусловлено неспособностью осознать многогранную евроазиатскую сущность этой страны и, как следствие, ее геополитической проекции.

Дальнейшие наши рассуждения нуждаются в уточнении самого понятия Евразии, вобравшего в себя несколько смысловых значений⁵: геополитическое, сугубо географическое и идеологическое.

Евразия: договориться о терминах

В плане геополитическом термин “Евразия” широко используется в качестве синонима Содружества Независимых Государств (СНГ). Наряду с устоявшимся в политическом и научном обороте

³ См.: *Chenoy A.M., Kumar R. Re-emerging Russia: structures, institutions and processes.* Singapore, 2017. P. 225.

⁴ <https://www.bostonglobe.com/2020/08/06/arts/focus-seeing-post-soviet-society-ice-red-penguins/>

⁵ Системный анализ евразийской интеграции изложен, в числе прочих исследований, в монографии: *Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция.* СПб., 2012, С. 12 и др. См. также: *Vinokurov E. Yu., Libman A. M. Eurasia and Eurasian integration: beyond the post-soviet borders // Eurasian Integration Book.* Almaty, 2012. P. 80; *Schmidt M. Is Putin pursuing a policy of Eurasianism? // Demokratizacija.* 2005. Vol. I. P. 200–205; *Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты.* Барнаул, 2007; *Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции.* СПб., 2012. С. 159 и др.

термином “Евразия” существуют альтернативные наименования, но все они далеки от совершенства. В первую очередь это касается определения “*постсоветский*”, так как оно содержит в себе отсылку к недавнему прошлому и в силу этого воспринимается политической элитой многих бывших республик критически. На наш взгляд, возможной альтернативой могло бы стать определение *построссийский* (не *пострусский*, *sic!*), так как оно не лишено исторического обоснования, если принять во внимание появление независимых государств, ранее входивших в Российскую империю. Однако данное определение просто неприемлемо вследствие обостренного восприятия собственной идентичности со стороны отдельных наций. Что касается аббревиатуры СНГ, то использование этой формулировки малоприспособлено на практике, и не только потому, что это межгосударственное образование малоэффективно как субъект мировой политики. Более важен тот факт, что состав организации лишен устойчивости (и дело не только в Украине, вопрос об участии в СНГ был поднят уже в 2008 г. Грузией, Абхазией, Южной Осетией). Таким образом, термин “Евразия” оказывается наиболее убедительным. С одной стороны, он достаточно поливалентен с точки зрения географической, что обеспечивает его устойчивость независимо от политических перепадов. С другой стороны, внесенный 25 сентября 1989 г. проект народного депутата СССР, академика А.Д. Сахарова по осуществлению конституционной реформы и созданию добровольного объединения “Союза Советских Республик Европы и Азии” и предложения М.С. Горбачева о создании обновленного союза, а также идея Евразийского Союза Нурсултана Назарбаева, впервые озвученная в Москве в 1994 г., способствовали укреплению исторической и политической основы концепта⁶. Своеобразным подтверждением этого являются наименования многочисленных иностранных организаций, государственных и академических, а также бюро и департаментов, занимающихся вопросами так называемой “советологии”. Ограничимся упоминанием некоторых из них. Это Американская ассоциация по стимулированию исследований в области славистики (*American Association for the Advancement of Slavic Studies*, AAASS), которая в 2010 г. была преобразована в Ассоциацию славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (*Association for Slavic, East European and Eurasian Studies*, AAEEES), Центр российских и евразийских исследований имени

⁶ Иойрыш А.И. Уроки А.Д. Сахарова: государственно-политические взгляды. М., 1996. С. 53–54; Малинкович Е.Д. Три революции и две перестройки. М., 2008. С. 331 и др.

Дэвиса Гарвардского университета (*Davis Center for Russian and Eurasian Studies*), Центр российских, восточноевропейских и евразийских исследований Стэнфордского университета (*Center for Russian, East European and Eurasian Studies*), PhD-программа “Россия и евразийские исследования” (*Russia and Eurasian Studies*) Лондонского Королевского колледжа, Бюро по европейским и евразийским делам (*Bureau of European and Eurasian Affairs*) Госдепартамента США. По сложившейся традиции англо-американский мир проявляет больший интерес к евразийскому региону по сравнению с Европой, и этот перевес уже имел место в период холодной войны. Что касается российских организаций и учреждений, а также структур в постсоветских странах, термин *евразийский* используется также исключительно широко.

Второе значение термина “Евразия” соотносится с евразийским континентальным массивом⁷, который включает не только постсоветское пространство, но также Китай и Юго-Восточную Азию.

Третьим значением Евразии, наиболее уязвимым, является альтернативное идейно-политическое видение, зачастую противопоставляющееся Западу. Именно в этом значении Евразия притягивает наибольшее внимание как политического, так и научного мира.

Евразия как сфера российского влияния

В мозаике русского евразийства уместно выделить движение, которое можно условно назвать прагматичным и реалистичным. В него входят те, кто рассматривает Евразию как естественную сферу российского влияния — как в силу социально-культурных,

⁷ В этом значении термин используется преимущественно казахским руководством. См. книгу Н.А. Назарбаева “В сердце Евразии”, которая вышла и в переводе на итальянский язык. Значимо, что издание книги курировало Посольство Республики Казахстан в Италии (*Nel cuore dell'Eurasia. Roma, 2013*). Понимая, что в евразийские процессы вовлечены и страны, чуждые российскому и советскому культурному наследию, Назарбаев в трактовке евразийства отдает предпочтение экономическим и стратегическим аспектам, подчеркивая не гуманитарные факторы, а совпадение конкретных интересов государств. В таком подходе кроется попытка преодолеть российско-центристский взгляд (см. подробнее: *Нысанбаев А.Н., Курманбаев Е.А. Евразийская идея Чокана Валиханова // Евразийское сообщество. 1999. Т. XXVI. С. 26–31*). Разумеется, те масштабные перемены, начало которым положили события конца 1980-х гг., а также, и прежде всего, политика реформ и открытости Китая наряду с европейской интеграцией на фоне последствий падения социалистических режимов в Европе, способствовали углублению связей в контексте евразийского континентального массива, преобразованию отношений от экономики до политики, кульминационным моментом которых стало вхождение стран Восточной Европы в Европейский Союз.

так и стратегических причин, что особенно важно, так как Москва рассматривает в качестве неоспоримого условия сохранения своей мощи именно объединение евразийского пространства⁸. Наряду с подобным подходом существует взгляд, более тесно привязанный к традиционному евразийству, которое понимается как совокупность этнографических, социологических и стратегических факторов⁹. Контакты между народами и их взаимное влияние на обширной евразийской территории отнюдь не являются новшеством последних двух столетий. Начиная с древних времен торговля способствовала проникновению философских и религиозных воззрений, а после распада Римской империи центром международной экономики той эпохи становится именно регион между Византией и Китаем, в котором зародился знаменитый Шелковый путь. Процветание торговли между латинским Западом и Востоком создало благоприятные усло-

⁸ Многие из сказанного получили отражение в так называемой “доктрине внешней политики” Евгения Максимовича Примакова, что вовсе не означает неизбежность аннексии постсоветских республик Российской Федерацией. Более того, многие обозреватели решительно отрицают какие-либо поползновения в направлении “реставрации империи”, отмечая вместе с тем политический и военный масштаб современной России и ее роль как движущей силы в процессе интеграции и гаранта безопасности в регионе. Из работ, посвященных данному вопросу, отметим статью Ю.М. Осипова “Концептуальные основы европейской международной интеграции” (см. сборник: Евразийская интеграция, геостратегический аспект. М., Ростов н/Д., 2014. С. 14–15).

⁹ Данный взгляд исключительно популярен в России, о чем свидетельствуют результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в 2001 г. По мнению 71% респондентов, Россия принадлежит особой “евроазиатской” или православной цивилизации, и только 13% считают Россию частью западной цивилизации. Данные приведены на портале ВЦИОМ (<http://eurasia.com.ru/vciom.html>). Интересно, что и противники евразийской интеграции неизменно увязывают ее с Россией и с распространением российского влияния (см.: Bugajski J. Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions. Washington, 2008). В связи с этим необходимо уточнить, что наряду с русским евразийством существуют по крайней мере еще две формы евразийства. Прежде всего это *пантюрецкое* единство, в котором под Евразией понимается совокупность территорий, где проживают тюркские народы (Анатолия, Балканы, Центральная Азия, Поволжье и др.). Заметим, что пантюркизм, испытавший всплеск в начале 1990-х, сразу после распада Советского Союза, ныне не отличается особой активностью (см. подробнее: Sengupta A. Conceptualizing Eurasian geopolitics: debates and discourses on Hertland // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия. Новосибирск, 2009. С. 25 и сл.). Третью разновидность евразийства представляет Каспийский регион. Так называемое *Каспийское евразийство* ставит во главу угла Каспийский бассейн, место пересечения трех великих цивилизаций — русской, тюркской и персидской (иранской), а также двух великих религий — православия и ислама (см. подробнее: Shrielman V.A. To make a bridge: Eurasian discourse in the post-Soviet world // Anthropology of East Europe Review. 2009. Vol. II. P. 69–85).

вия для формирования зачатков “внутренней интеграции”, которая впервые оформилась как единое политическое пространство в эпоху расширения монгольского влияния.

Российская Федерация занимает в этом пространстве центральную позицию как в плане территориальном, так и концептуальном: “Все это, вместе взятое, позволяет отделять рассматриваемую область (Россию — *Прим. А.Дж.*) от собственно Европы и собственно Азии и считать ее особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Евразией. <...> Вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое. Наличие в этом целом таких разнообразных по своему природному и хозяйственному характеру частей, как леса, степи и горы, и существование между этими частями естественной географической связи позволяет рассматривать всю Евразию как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область. Благодаря всему этому Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства”¹⁰. В эти слова, написанные в 1925 г., князь Николай Сергеевич Трубецкой, лингвист и мыслитель, философ евразийского направления, покинувший Советскую Россию в 1920 г., вложил смысл учения, близкого сердцу евразийцев и славянофилов¹¹. Трубецкой предвидел, что Москва, даже освободившись от имперских амбиций, продолжит играть ведущую роль в фактическом развитии Евразийского пространства.

Евразийское пространство: многообразие в единстве

Оно являет собой многообразный и крайне сложный мир, вобравший в себя не только множество этний и вероисповеданий, но носящий особый характер взаимодополнения. Подобный мир, отличающийся усложненным строением общества, редко встречается в других реальностях. Он неделимая мозаика, в которой, как справедливо говорил великий Лев Гумилев, различные культуры взаимно дополняют и обогащают друг друга. Евразийские народы независимо от изначальных различий в укладе обрели со временем понимание принадлежности к одному общему миру¹². Подобное переплетение исторических судеб оказалось еще более тесным, когда Хазарский каганат, павший в 965 г. н.э. под натиском Киевского князя Святос-

¹⁰ Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. URL: <http://www.kulicki.com>

¹¹ В их числе И.С. и К.С. Аксаковы, К.Н. Леонтьев, К.Н. Данилевский.

¹² См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизации. М., 2009. С. 29.

лава¹³, оказался вовлечен в эпохальное обращение в христианство по воле сына Святослава князя Владимира (988 г.)¹⁴. Период расцвета Киевской Руси длился около трех столетий. Накануне монгольского нашествия ее население составляло около восьми миллионов человек, а количество городов превышало триста¹⁵. Однако более значимым оказался не экономический рост древнерусского государства¹⁶, а смешение этнических и культурных систем, представленных славянскими, скандинавскими, туранскими и греческими элементами. Необходимо сказать, что несмотря на такое многообразие народов первозданное русское государство развивалось неотрывно от европейской традиции как в плане религиозном, так и политическом, благодаря межгосударственным брачным узам. Из наиболее известных скрепленных браком отношений упомянем связи с Византией (Анна Багрянородная, дочь императора Романа II, обвенчалась в 988 г. с Киевским князем Владимиром, принявшим христианство, что было условием брака), с династией Капетингов (киевская княжна Анна, вошедшая в историю как Анна Ярославна, в 1051 г. стала женой короля Франции Генриха I и подарила ему сына, будущего короля Филиппа I), со Швецией (Христина, дочь короля Инге I, в 1095 г. вышла замуж за Новгородского князя Мстислава, ставшего Киевским князем после ее кончины).

Последний рубеж Европы

В начале XIII в. это объединение народов пало жертвой монгольского нашествия. Хотя новые правители не препятствовали сохранению языка, культуры и религии, их присутствие, продлившееся более двух столетий, оставило глубокий след в общественном устройстве и менталитете русских, оказавшихся практически изолированными от Запада именно в тот важнейший период, который стал решающим в переходе от Средневековья к Возрождению. Затруднения в управлении обширными владениями, междоусобные распри русских князей, осложнявшиеся зависимостью от Орды, способствовали возвышению Московского княжества, которое постепенно упрочило свое

¹³ Вопрос ассимиляции хазар половцами в эпоху Киевской Руси подробно освещен в кн.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 365–384 и 426 и др.

¹⁴ Особый интерес представляет исследование, посвященное истории утверждения христианства на Руси: *Милютенко Н.И., Прохоров Г.М.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008. С. 228 и сл.

¹⁵ *Вернадский Г.В.* Золотой век Киевской Руси. М., 2012. С. 120–121.

¹⁶ Термин “древнерусское государство” был введен в научный оборот советской историографией в конце 1930-х гг., вытеснив со временем определение “Киевская Русь” (см.: *Чубарьян А.О.* “Норманская” теория о законе // *Российская газета*. 2014. 2 нояб.).

руководящее положение в русских землях. Великий князь московский Иван III одержал окончательную победу над Золотой Ордой в 1480 г. и заложил основы русского государства, которое Петр Первый возвысил до ранга империи. Чуть менее столетия после правления Ивана III, Иван Грозный (Иван IV) венчался на государственный престол, приняв утвержденный константинопольским патриархом титул царя. Москва, ставшая в годы его правления столицей Российского царства, была вскоре провозглашена “Третьим Римом”, пришедшем на смену Второму Риму, Константинополю, павшему под натиском турок в 1453 г.

Конец татаро-монгольского ига ознаменовал начало расширения России на Восток. Черода завоеваний завершилась на исходе XIX в. вторым и окончательным политическим объединением всех евразийских территорий, простиравшихся от восточной границы с Германией до Тихого океана.

Включение Сибири и Дальнего Востока в состав Российского государства глубоко отличалось от колониальных завоеваний, которые в ту же эпоху осуществляли государства Западной Европы. В определенном смысле правомерно утверждение, что расширение Российской империи на восток несло в себе скорее черты первой испанской экспансии и колонизации, в которой немалую роль играло миссионерское и проповедническое призвание. Иной точки зрения придерживается историк Николай Рязановский, который видит, к примеру, в военных походах Российской империи против среднеазиатских ханств и племен большое сходство, с одной стороны, с колониальными войнами, развязанными европейцами, с другой — с завоеванием Дикого Запада американцами. Однако при этом Рязановский отмечает, что навязывание русского господства оказало сравнительно незначительное влияние на местные обычаи¹⁷. Действия царской России, безусловно, исходили из ключевых стратегических задач и преследовали своей целью укрепление государственной мощи, но в них сильно было присутствие этических и нравственных факторов.

Знаменательно, что в период завоевания Средней Азии, которое пришлось на 70-е гг. XIX в., Федор Михайлович Достоевский призывал на страницах ежемесячного журнала “Дневник писателя” не принимать во внимание разногласий между Россией и европейскими нациями, помня о том, что “Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет туда, только бы началось движение... А главное, цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых

¹⁷ См.: *Riasanovsky N. V. Storia della Russia. Milano, 2013. P. 391.*

первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она (Азия — *Прим. А.Дж.*) возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания”¹⁸. Иными словами, Азия представляла не только возможность распространять систему ценностей¹⁹, глубоко пропитанных православным христианством, пусть и не в строго богословском смысле²⁰. Она давала также возможность русским обрести себя и избежать, с одной стороны, кризиса ценностей, традиционно приписываемых попустительству Запада, но и преодолеть, с другой стороны, сложности в отношениях с Европой, которые отличались непостоянством со стороны европейцев, то и дело проявлявших либо недоверие, либо отвращение к России. Не сбрасывая со счетов в анализе этих отношений причинно-следственных связей, считаем, что правомерно признать факт взаимодействия так называемой *русофобии* и азиатской составляющей русской идентичности²¹.

Появление современной русофобии

Отношения между Западом и славянским миром были и остаются на протяжении вот уже тысячелетия щекотливой темой. Великий раскол положил конец христианскому единству. Разделение церкви на римско-католическую на Западе и православную на Востоке предопределило два отдельных пути развития не только религиозного, но социального и правового. Что же до опасений по отношению к России, они окончательно проявились в первые десятилетия XIX столетия. Особую роль в этом сыграли произведения двух авторов — британца, сэра Роберта Вильсона, и француза, маркиза Астольфа Луи Леонора де Кюстина. Первый выступал в

¹⁸ Говоря о разногласиях, Достоевский критически отмечает, как его соотечественники приложили все силы, дабы донести до европейцев, что они часть европейской семьи, а не татары, хотя на Западе русских продолжали воспринимать как варваров, настолько далеких от их цивилизации, что “турки, семиты им ближе по духу” (цит. по: *Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Январь 1881 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 30. XXVII. Л., 1972–1987. С. 33–37*).

¹⁹ Трепалов отмечает, что Россия в обиходном понимании воспринимается в историческом ключе, ей приписываются все территории, вошедшие в ее состав в разные эпохи (см.: *Трепалов В.В. Русские в Евразии XVII–XIX вв. М., 2008. С. 4*). Этот факт, по сравнению с перипетиями других современных империй, говорит об исключительности российского феномена в плане отношений, которые Россия неизменно устанавливала в процессе объединения земель и народностей, по крайней мере, азиатских.

²⁰ Действительно, отсутствуют данные о попытках насильного обращения в православие.

²¹ Исходной точкой в дискуссии является вопрос, повлияло ли и в какой мере отношение Европы к России на укрепление азиатских черт в русском обществе и правомерно ли говорить также о влиянии отношения России к Европе.

роли военного наблюдателя в стане Александра I во время русско-французской войны 1812 г., поскольку Лондон был тогда союзником России. По возвращении на родину в 1817 г., был избран членом Парламента. Опубликовал книгу, в которой описал неотвратимое стремление России к гегемонии, приведшее к экспансии империи с момента вступления на престол Петра Первого до эпохи Екатерины Великой, стремление, от которого не был намерен отказываться ни сам Александр, ни его преемники²². Эту мысль подхватили и некоторые последователи Вильсона по ту сторону Ла-Манша. Маркиз де Кюстин, совершив поездку по ряду городов европейской части России в 1843 г., также поведал миру о неискоренимом стремлении России к глобальному господству²³. Эту тему не обошел стороной и великий немецкий философ Г.В.Ф. Гегель. В те же годы он писал о том, что Россия еще связана с Азией, что общественно-экономическая динамика развития славянских народов, представлявших совокупность европейских и азиатских элементов, привела к тому, что они медленнее других пришли к сознанию общего и не участвовали в прогрессе свободы²⁴. С приходом нового столетия данное видение не претерпело изменений. В 1931 г. Освальд Шпенглер исключил

²² Wilson R. T. A sketch of the military and political power of Russia. Auckland, 1817. P. 116–119. Автор высказывал опасение в связи с тем, что во времена правления Екатерины количество подданных увеличилось практически вдвое — население выросло от 22 до 36 миллионов. А в эпоху Александра I численность возросла до 42 миллионов, как минимум. К тому же речь шла о следующем: “...not of Asiatic houseless hordes, wandering in deserts, but chiefly of Europeans, situated in territories, whose military and political value to Russia does not merely consist in an augmentation of her revenue and her number of souls, but, as will be shown hereafter, in contracting her line of defence, and at the same time affording her powers of advance to positions, that must, if properly occupied, secure the command of Europe and of Asia!” (Ibid. P. 128).

²³ Custine A.L.L., de. La Russie en 1839. Wouters et Co. Imprimeurs — Libraires. Bruxelles, 1843. P. 187. Труд маркиза де Кюстина, на который в России обрушился незамедлительно шквал официальной резкой критики и который оказался под запретом, подробно проанализирован в книге: Kennan G.F. The Marquis de Custine and his Russia in 1839. Princeton, 1971.

²⁴ “Den dritten Teil bildet der Nordosten Europas; er enthält die nördlichen Ebenen eigentümlicher Art, die den slawischen Völkern angehört haben und den Zusammenhang mit Asien machen, hauptsächlich Rußland und Polen. Sie treten erst spät in die Reihe der geschichtlichen Staaten und unterhalten beständig den Zusammenhang mit Asien” (Hegel G. W.F. Die Vernunft in der Geschichte Auf Grund des aufbehaltenen handschriftlichen Materials. Leipzig, 1930. S. 228–230). В контексте немецкого восприятия России в первой половине XIX в. необходимо учесть еще один элемент, а именно, процесс строительства национального единства, в котором царская империя рассматривалась как препятствие. Россия, выступавшая в поддержку весомых кругов Пруссии, усматривала собственный интерес в разделе Германии, поскольку это давало ей возможность лучше ее контролировать (см.: Groh D. La Russia e l'autocoscienza d'Europa. Torino, 1980. P. 218).

русских из белой расы и отметил, что им было не под силу овладение фаустовской техникой, более того, им было судьбой предназначено вступить в противостояние с фаустовской цивилизацией²⁵.

Евразийская цивилизация на советском и постсоветском пространстве

Начиная с 2009 г. это устоявшееся восприятие России наделяется в ходе российско-западных отношений далеко не радужной аурой. Евразийский вектор в развитии Российского государства, в оценке европейцев, обратил характерную склонность России к колонизации²⁶, неизменно ведущую ее к расширению “на восток”, не только в утверждении собственных национальных устоев, но и в переносе восточных и азиатских элементов народов, с которыми она вступала в контакт, на свою почву. После 1917 г. процессы внутренней миграции, массовые депортации, многочисленные смешанные браки и мощная сталинская централизация приводят к тому, что СССР становится собственно евразийским государством, хотя официально *homo sovieticus* полностью отказался от какой-либо географической или этнографической “надстройки”. Распад Советского Союза, преклонение Ельцина и Козырева перед Западом, казалось бы, предприняли конец евразийского мира, но на деле этого не произошло²⁷.

Дробление русского мира возродило интерес к евразийским теориям как в сфере исторических и антропологических изысканий, так и в насущной политической жизни. В частности, чрезвычайную популярность завоевала идея, согласно которой в результате слияния двух великих цивилизаций, европейской и азиатской, Россия дала жизнь *tertium genus*. Эта особая формация органично складывалась на основах православия и вобрала в себя дух миссионерского призвания и просветительства. И именно призвание к проповедованию христианских ценностей лежит в основе стремления русских к

²⁵ “Für die Farbigen aber — die Russen sind hier immer einbegriffen — ist die faustische Technik kein inneres Bedürfnis. Nur der faustische Mensch denkt, fühlt und lebt in ihrer Form. Sie ist ihm seelisch nötig, nicht ihre wirtschaftlichen Folgen, sondern ihre Siege: navigare necesse est, vivere non est necesse. Für “Farbige” ist sie nur eine Waffe im Kampf gegen die faustische Zivilisation, eine Waffe wie ein Baumast im Walde, den man forwirft, wenn er seinen Zweck erfüllt hat. Diese Maschinenteknik ist mit dem faustischen Menschen zu Ende und wird eines Tages zertrümmert und vergessen sein” (Spengler O. Der Mensch und die Technik: Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. Berlin, 2014. S. 43).

²⁶ Сыздыкова Ж.С. Евразийский Союз: к будущему с учетом прошлого // Теория и практика общественного развития. 2012. Т. X. С. 164.

²⁷ См.: Clinton, Yeltsin set Summit for April 4 // Washington Post. 1993. 26 febr. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1993/02/26/clinton-yeltsin-set-summit-for-april-4/815131f9-3aca-4fc8-aa12-ca01e9cc6f1f/>

интеграции. В связи с этим особенно интересными являются труды философа Николая Александровича Бердяева, его критическое видение Русской Православной Церкви по отдельным вопросам, а впоследствии неприятие большевистской власти и вынужденная эмиграция во Францию. Бердяев считал, что коммунистическая революция была возможна только в России, но коммунизм в ней не являет собой социальную систему, а своего рода религию, призванную дать ответы на вопросы экзистенциального и нравственного порядка, ибо пытался заменить собой православие в народной культуре²⁸. Знаменательны в этом плане и высказывания Владимира Путина, сформулированные им в статье “Россия: национальный вопрос”, опубликованной в “Независимой газете” 23 января 2012 г. Отталкиваясь от анализа настроений ксенофобии и нетерпимости, захлестнувших современное общество, в том числе и российское, президент дает критическую оценку феномену так называемого “мультикультурализма”, который подразумевает право меньшинства на отличие и широко практикуется во многих государствах Европейского Союза. Президент противопоставляет этому подходу принцип ассимиляции, а также затрагивает вопрос об истоках и становлении российской государственности. Путин приходит к выводу, что Российское государство не может быть приравнено ни к этническим государствам (каковыми являются государства Западной Европы — *Прим. А.Дж.*), ни к американскому “плавильному котлу”, в котором каждый, в той или иной мере, иммигрант. Россия — это результат коллективных усилий не одной, а многих наций, в их числе президент упоминает украинцев, татар, евреев, белоруссов, которые проживают, независимо от национальной принадлежности, на просторах от Карпат до Камчатки. Путин открыто отвергает идею построения русского “национального”, моноэтнического государства. Он отмечает: «Когда начинают кричать: “Хватит кормить Кавказ”, — ждите, завтра неизбежно последует призыв: “Хватит кормить Сибирь, Дальний Восток, Урал, Поволжье, Подмосковье”. Именно по таким рецептам действовали те, кто привел к распаду Советский Союз». Путин также подчеркивает единство народностей в пройденном пути: многоциональное общество, но один народ. Он подчеркивает необходимость отстаивать общность ценностей, которые лежат в основе принципа распознавания “свой” и “чужой”. Выделяя в качестве объединяющего фактора русский народ, его культуру и язык, президент напоминает об ответственности

²⁸ Цит. по: *Шелкопляс Е.В.* Новая большая идея как условие большой евразийской интеграции // *Евразийская интеграция, геостратегический аспект.* М.; Ростов н/Д., 2014. С. 167–168.

властей в деле его поддержания путем продвижения изучения языка, а также истории, литературы, народных обычаев. При этом речь идет не о цензуре со стороны государства, но о правах и обязанностях государственных структур решать социальные и общественные задачи, “формировать мировоззрение, скрепляющее нацию”, а также воспитывать гражданский патриотизм, который призван противостоять возобладанию этнических или религиозных интересов над государственным законом²⁹.

Не интеграция, а семья

Своеобразным отзвуком подобного исторического видения русской государственности в подходе к современным проблемам евразийства является позиция Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, который считает, что нельзя сводить все к одному взаимодействию. По мнению ученого, взаимодействие характерно для любых отношений в контексте сделки, но заключение сделки вовсе не означает в результате интеграцию. Кара-Мурза предлагает опираться в анализе на модель семейных отношений, поскольку в семье имеет место не обмен, а взаиморазделение в форме “общего котла”. Твердо придерживаясь объективного подхода, ученый говорит о четырех преградах в подобного рода отношениях. *Прежде всего*, это одержимость коммерциализацией, которая в 1990-е гг. беспрепятственно закрепились, как следствие бесконтрольного рыночного меркантилизма, во всех жизненных сферах общества, российского и не только, препятствуя подлинной интеграции. *Во-вторых*, это ошибочная установка в деле внедрения евразийского проекта, направленная преимущественно на инициативы экономического характера, в то время как следовало бы сосредоточиться на системе образования и формирования общих идей и ценностей, а также на общем языке³⁰. *Третья проблема*, о которой говорит Кара-Мурза, заключается в политическом разброде выступающих в поддержку интеграции сил, хотя они и представляют большинство. *Четвертая трудность*, наиболее сложная для преодоления, касается того, что на протяжении двух с лишним десятилетий бывшие советские республики развивались по собственному пути, а

²⁹ Цит. по: Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.; см. также: Uffelmann D. Post-Russian Eurasia and the proto-Eurasian usage of the Runet in Kazakhstan: a plea for a cyberlinguistic turn in area studies // Journal of Eurasian Studies. 2011. Vol. II. P. 180.

³⁰ Все это, разумеется, не исключает значимости экономического фактора в интеграции, как и того, что немалая доля материальных затрат неизбежно возлагается на саму Российскую Федерацию (см. подробнее: Гринберг Р.С. Формирование Евразийского союза: шансы и риски // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. С. 24).

это создает основательные преграды в восстановлении единства по сравнению, скажем, с ситуацией десятилетней или пятнадцатилетней давности³¹. Нельзя забывать и о том, что в числе наиболее активных сторонников выхода из СССР был Ельцин, в отличие от позиции, которую заняли среднеазиатские республики, и *наперекор* народной воле, изъявленной на референдуме. Решение было принято в целях обеспечения небывалого процветания и благополучия граждан в независимых республиках, в то время как по данным ООН индекс человеческого развития, за частичным исключением прибалтийских государств, зарегистрировал ощутимое понижение во всех бывших советских республиках³². Не подлежит сомнению, что развал Союза особой выгоды советским гражданам не принес³³. Аналитики не ограничиваются к тому же только экономической или культурной оценкой: на взгляд многих инициаторов интеграции 1991 г. принес с собой не только политическую дезинтеграцию и экономический кризис, но и нравственный упадок, распахнув двери системе ценностей, утвердившихся на Западе начиная с 1960-х, которые уже начали проникать в СССР в результате горбачевских послаблений. Речь идет об образе жизни, который, по мнению многих, несовместим с ценностями российского общества. В этом смысле устремленность

³¹ Кара-Мурза С.Г. Евразийская интеграция: главные трудности // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. С. 20–23.

³² И это без учета последствий социально-экономического краха тех лет: в рейтинге индекса человеческого развития ООН Россия в 1994 г. занимала 34-ю позицию, Белоруссия — 40-ю и Украина — 45-ю. В 2014 г. эти государства занимали соответственно 57-ю, 53-ю и 83-ю позиции, а в статистике за 2019 — 39-ю, 50-ю, 88-ю. Казахстан, Киргизия и Узбекистан спустились с 61-й, 82-й и 91-й позиций до 70-й, 125-й и 116-й, а затем 50-й, 122-й и 108-й. Полные данные представлены в сводках за 1994, 2014 и 2019 гг. (см.: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf; <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf>; <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>).

³³ В этой связи интересна точка зрения И.А. Горюнова, который считает, что трагические события августа 1991 — октября 1993 г. стали определяющими в ориентации России на Европу, когда политическая и экономическая элита сделала своей систему ценностей и институтов, присущих буржуазной системе, пустив страну по наклонной, страну, которая располагала уникальной системой образования и глубокой культурой, но недостаточно развитой промышленностью, стоявшей на уровне развивающихся стран. Автор отмечает, как всякое сближение России с Европой приводило к усилению азиатских элементов в русском самосознании. Окно, прорубленное Петром Первым в Европу с целью овладения западными идеями, технологиями, институтами и приобретения товаров, привело Российскую империю к тому, что стали развиваться “цивилизационное образование, которое по духу, несомненно, ближе к Монгольской империи, чем к Британской империи” (цит. по: Горюнов И.А. Азиатский вектор России: возможности и угрозы // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. С. 130–131).

к евразийству представляет в определенной степени возможность вновь закрепить традиционные ценности, в основе которых лежит общинное измерение, характерное для славянского православия и не приемлющее западный индивидуализм³⁴. Таким образом, существует множество причин, объясняющих столь пристальное внимание к евразийской интеграции в современной России как в плане ее интеллектуального осмысления, так и на политическом и народном уровне.

Азиатская составляющая как показатель развития

Небходимо отметить, что для укрепления российской позиции в евразийском пространстве одним из исходных условий является развитие *азиатской составляющей* страны. Хотя территориально она представляет две трети страны и именно здесь находится подавляющее большинство энергетических и минеральных ресурсов, в плане инфраструктуры и социально-экономических параметров она значительно отстает от Европейской части России. Государственные правители России отдавали себе в этом отчет начиная с царских времен, когда принимались решения о поддержке массовых переселений посредством льгот и денежных поощрений. В 1930 г. ЦК ВКП(б) приступил к осуществлению программы индустриализации регионов Сибири и Дальневосточного округа, в первую очередь в сфере военно-промышленного комплекса. Повышенная оплата труда привлекала переселенцев. Но и в 1970-е и 1980-е гг. в этой части России темпы экономического роста продолжали сохранять положительные показатели. Положение дел кардинально изменилось с началом перестройки и принятием плана развития народного хозяйства в 1987 г., согласно которому была урезана заработная плата и приостановлены льготы. В результате численность населения, которая была уже сама по себе значительно ниже демографических показателей Европейской части России, снизилась на более чем 10% (в 1989 г. население Дальневосточного округа составляло 7 950 000 человек, в 2014 г. показатель снизился до 6 260 640; в Сибирском округе эти цифры составляли соответственно 21 068 000 и 19 292 740). Однако внешнеполитическая концепция РФ, принятая в июле 2008 г., закрепила приоритет азиатского вектора развития, предполагающий инвестиции, дотации и строительство крупных объектов. Это незамедлительно сказалось положительным образом на демографических показателях, и уже в 2020 г. численность населения Дальневосточного округа возросла до 8 169 203.

³⁴ См.: Martini M. *L'utopia spodestata*. Torino, 2005. P. 62.

А вот тенденция демографического роста вновь испытала спад после небольшого подъема на протяжении нескольких лет — в 2020 г. численность населения составила 17 118 387 человек. Необходимо отметить, что этот курс развития не был выбран Путиным с самого начала президентского срока. Следуя доктрине Примакова³⁵, новоизбранный президент незамедлительно сосредоточил внимание на постсоветском пространстве, но необходимость интеграции была осознана только в годы его повторного избрания.

Курс на новую интеграцию

В связи с этим основополагающим документом стала уже цитированная выше статья Путина, вышедшая в газете “Известия” 3 июля 2011 г., в его бытность премьер-министром³⁶ и в преддверии запуска Единого экономического пространства, создание которого требовало почти десятилетней предварительной проработки³⁷. Путин отметил, что ЕЭП в определенном смысле стало венцом учрежденного незамедлительно после распада Советского Союза СНГ, хотя и объединило в себе всего троих из десяти членов Содружества (число государств-членов СНГ на 2011 г.), а также вкладом в сохранение многочисленных связей, которые объединяют народы и государства, некогда бывшие частью СССР. ЕЭП также позволило смягчить критику в адрес СНГ, хотя и не могло перечеркнуть свойственные Содружеству ограничения. Признание необходимости в Содружестве было общим, как и разделялось понимание важности других организаций, возникших в данном регионе, включая Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Таможенный союз и Евразийское экономическое сообщество. Путин также обозначил основные моменты процесса интеграции, особо подчеркнув то, что она открывает возможность для любого предпринимателя, будь он российский, белорусский либо казахский, развивать свой бизнес в любом из входящих в объединение государств, а также будет способствовать повышению конкурентоспособности, улучшению и упрощению законодательных норм в сфере экономики и торговли. Тем самым президент выразил волю идти и дальше по пути интеграции, более того, он подробно остановился на ее понимании. В первую очередь он подчеркнул, что проект не кроет в себе тайного желания

³⁵ См. подробнее: *Cohen A.* The “Primakov doctrine”: Russia’s zero-sum game with United States // *Heritage Foundation*. 1997. Vol. CLXVII.

³⁶ *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. 2011. 3 окт.

³⁷ Соответствующий договор был подписан президентами России, Белоруссии и Казахстана 19 сентября 2003 г.

восстановить СССР (было бы наивным, по мнению автора статьи, пытаться возродить то, что стало достоянием истории), напротив, он видится как своеобразный мост между Европой и Тихоокеанским регионом. Во-вторых, он предполагает постепенное поглощение существующих учреждений и организаций и начало создания единого экономического пространства под эгидой Евразийского экономического сообщества, чей юридический статус был закреплен в 2014 г. Автор статьи исключил при этом несовместимость между участием в евразийской интеграции, с одной стороны, и интересами ЕЭС, так как они не противопоставляются друг другу, но, напротив, предполагают сотрудничество и безоговорочное следование таким основополагающим принципам, как свобода и демократия в условиях рыночной экономики.

После выхода в свет статьи последовал период ухудшения российско-европейских отношений. По прошествии почти трех лет на смену пожеланиям и намерениям, сформулированным Путиным в 2011 г., пришли взаимные санкции и исключение России из “Большой восьмерки”. Само собой разумеется, что статья не носила просто информативный характер и не ограничивалась выдвижением предложений о сотрудничестве с западными партнерами³⁸. Российский президент обращался в ней с посылом, обращенным непосредственно к евразийским союзникам, опасавшимся, что под знаменем евразийской интеграции в действительности кроются классические гегемонистские устремления Москвы. Именно поэтому Путин вновь подчеркнул принцип соблюдения суверенитета государств, защиты национальных интересов и надгосударственность руководящих структур. Необходимость подобного рода заверений была продиктована самой ситуацией: несмотря на неизменное соблюдение жестких процедурных рамок уставов организаций, которые, как мы увидим ниже, предполагают единогласное одобрение решений или *консенсус* (в ущерб эффективности), в евразийской интеграции наблюдается исключительная, в глобальной панораме, несоизмеримость между государствами-участниками. По сложившейся традиции одним из наиболее важных условий успешности экономической интеграции считается определенная однородность вовлеченных в нее государств. При этом параметры оценки этой однородности включают как экономические показатели, так и данные демографического, социального и географического характера. Если обратиться в Европейскому

³⁸ Выражение “наши западные партнеры” часто звучит из уст президента, даже в моменты наивысшей напряженности, вследствие чего и было подхвачено многими политологами и аналитиками в ироничном или полемичном ключе по отношению к европейским и американским лидерам.

Союзу, общепризнанно считающемуся образцовым примером наиболее глубокой современной интеграции, нельзя не заметить, что наиболее крупные члены ЕС, такие как Германия, Франция и Италия, представляют в плане ВВП соответственно 21, 15,5 и 11,7% Союзного ВВП³⁹. В плане демографического веса Германия составляет 18,51%, Франция — 15,03% и Италия — 13,59%⁴⁰. Евразийская ситуация в корне отличается, ибо на Российскую Федерацию приходится от 80 до 90% всех индексов⁴¹. Такого рода ассиметричность значительно осложняет проект интеграции, так как Москва воспринимается другими республиками как угроза их недавно обретенной независимости. И не только в силу абсолютного первенства Москвы, но также в плане историческом, что может подтолкнуть их на поиск альтернативных партнеров⁴². Необходимо отметить, что не только лично президент РФ, но и представители всех уровней власти всегда заверяли евразийских партнеров в строгом уважении внутреннего законодательства и прерогатив каждой отдельной страны, не отступая от объективно сложившегося геополитического баланса и динамики его развития.

Борьба за сферы влияния

В силу множества причин, уже отмеченных выше, положение и роль России все же остаются независимо от евразийской интеграции мировой реальностью. И это вкупе с другими причинами подталкивает многие западные правительства, в первую очередь американское, к открытой критике якобы заранее спланированной

³⁹ Данные, обнародованные Международным валютным фондом, относятся к 2014 г. Необходимо отметить, что несмотря на кризис, поразивший в первую очередь Италию, расхождения в показателях с другими странами относительно низкие (см. отчет МВФ на сайте: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?sy=2013&ey=2020&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=47&pr1.y=5&c=946%2C137%2C122%2C181%2C124%2C918%2C138%2C964%2C182%2C960%2C968%2C423%2C935%2C128%2C939%2C936%2C961%2C172%2C132%2C184%2C134%2C174%2C144%2C944%2C178%2C136%2C112%2C941&s=NGDPD%2CPPPPC&grp=0&a=#cs29>).

⁴⁰ В плане численности населения это несоответствие еще менее ощутимо (см. данные за 2017 г., опубликованные в отчете статистического агентства “Эуростат”: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&language=en&pcode=tps00001&tableSelection=1&footnotes=yes&labeling=labels&plugin=1>).

⁴¹ Все данные представлены на официальной странице Статкомитета СНГ: <http://www.cisstat.com/>

⁴² В то же время нельзя оставлять без внимания уже упомянутые нами далеко не блестящие показатели экономического развития многих постсоветских республик на протяжении двух десятилетий независимости. По сравнению с показателями советского периода не состоялся не только прорыв, но и имело место заметное отставание, в результате чего отрыв от Российской Федерации оказался еще более сильным.

Кремлем операции по восстановлению своего утраченного влияния в регионе, от которого, считают на Западе, Москва не намерена отказываться⁴³. В связи с этим целесообразно напомнить, что евразийская территория, в частности Центральная Азия, исключительно богата природными ресурсами и занимает стратегически важное положение на перепутье между Китаем, Россией и Ближним Востоком, что привлекает не только Россию. Крупными игроками здесь выступают Соединенные Штаты, Китай и, в меньшей степени, Европейский Союз, которые неоднократно запускали в евразийской зоне различные проекты, предлагали торгово-экономическое сотрудничество и патронат с тем, чтобы ограничить вес Москвы и создать по мере возможности препятствия в возможной реинтеграции бывших советских республик в Российскую Федерацию⁴⁴.

И все же нельзя сбрасывать со счетов вклад России в развитие этого бескрайнего региона. Системы всеобщего образования и здравоохранения, военная доктрина, экономические характеристики отдельных государств — все это неизменно связано с продолжительным доминирующим присутствием и взаимным обменом с россиянами⁴⁵. Количество последних остается по сей день многочис-

⁴³ Из числа многочисленных заявлений в этой связи наибольшую известность получили слова Хилари Клинтон, сказанные ею в бытность Государственным секретарем США. В ходе международной конференции в Дублине в декабре 2012 г. она осудила усилия России “*to promote greater economic integration in Eurasia as a move to re-Sovietize the region*”. И забыв о дипломатическом такте, предупредила “*We know what the goal is and we are trying to figure out effective ways to slow down or prevent it*” (см. обзор печати, посвященный данной конференции и подготовленный агентством RT: <http://rt.com/politics/clinton-russia-cis-peskov-371/>). Что касается реакции Великобритании, см.: Back to the USSR? Putin raises fears of return to Cold War days with plans for “Eurasian Union” of former Soviet states // Daily Mail. 2011. 5 Oct. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2045186/Vladimir-Putin-Eurasian-Union-plans-raise-fears-return-Cold-War-days.html>

⁴⁴ Возможно, наиболее интересным является проект своего рода “Тюркского таможенного коридора”, разработанный Турцией и США. К участию в инициативе под названием *New Silk Road Initiative* приглашались Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Турция и Северный Кипр (см. подробнее статью, опубликованную на портале деловых новостей Казахстана и перепечатанную в рубрике ИноСМИ российского агентства RT (http://russian.rt.com/inotv/2014-06-04/Kursivkz-Rossiya-pomeshala-sozdat-tyurkskij_), а также сборник статей “Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации” (М., 2013. С. 54). См. также страничку, посвященную идее проекта, на сайте Госдепартамента США: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/>).

⁴⁵ Еще одним свидетельством этой особой связи (*special relationship*), порой проявляющей себя вопреки позиции правящих кругов, является система инфраструктур: все крупнейшие магистрали, столь поспособствовавшие объединению евразийской территории, были построены либо в имперскую эпоху или же в советский период, так что они сориентированы преимущественно в направлении российской терри-

ленным, и Москва по понятным причинам обеспокоена их защитой. Защита эта глубоко связана с российским (и советским) социальным и культурным наследием и, безусловно, представляет наибольший интерес Кремля в контексте всего евразийского проекта, что подтверждают и различные концепции внешней политики, принятые к исполнению начиная с 2000 г. Первоначально в 1990-х гг. защита была направлена, прежде всего, на физическую неприкосновенность лиц, принадлежащих к русскому этносу, но не только, оказавшихся под угрозой в период сепаратистских настроений на Кавказе и в условиях гражданской войны в Таджикистане⁴⁶. Сегодня, когда ситуация вернулась в норму, сферой защиты являются прежде всего культура и язык. Необходимо сказать, что после распада СССР во многих республиках началась кампания деруссификации и возрождения — или же выработки — националистических элементов⁴⁷. Положение дел со временем улучшилось, тем более что правительства республик осознали экономический ущерб от дискриминации русского языка. Во-первых, на рынке СНГ единственным международным языком выступает русский, и маловероятно, что какой-либо другой национальный язык сможет претендовать на его роль. Во-вторых, эмиграция русских, бегущих от националистической политики, чревата утратой наиболее динамичной и высокопрофессиональной доли населения. В то же время Кремль вложил ощутимые ресурсы — как экономические, так и политические — в дело продвижения русского языка и русской культуры за рубежом, воздействуя в том числе на такие эффективные рычаги, как Федеральное агентство

тории и следуют с севера на восток. В их числе Транскаспийская железная дорога, Транссибирская магистраль, магистраль Оренбург–Ташкент и Трансмонгольская магистраль. Аналогичным образом создавались и системы трубопроводов — кавказского, каспийского и сибирского газопроводов. Это объясняет, отчего и Пекин, и Вашингтон поставили во главу угла задачу переориентации коммуникационных путей и газопроводов в направлении востока и юга.

⁴⁶ К сожалению, события, потрясшие Украину в 2014–2015 гг., от гражданской войны на Донбассе до Одесской трагедии, вновь сделали насущной проблему безопасности русских и филорусских граждан.

⁴⁷ Из числа многочисленных работ на эту тему отметим сборник статей “Россия и ЕС в Центральной Азии, ССХХII доклад Института Европы РАН” (М., 2008. С. 40 и сл.). По мнению Александра Владимировича Шустова, историка и эксперта в вопросах, связанных с Казахстаном, исход русских из этой большой среднеазиатской республики в 1990-е гг. был обусловлен прежде всего языковой политикой. Это мнение подтверждает резкий спад эмиграции после конституционной реформы 1995 г., в результате которой русский получил *статус* официального языка наряду с казахским, а также всплеск эмиграции в 2011 г., когда было объявлено — и вскоре было опровергнуто — об изменении языковой политики (см.: Шустов А.В. Русские опять покидают Казахстан // Алтынорда. 2011. 24 нояб.).

Россотрудничество или Фонд “Русский мир”, которые действуют и в республиках СНГ, и за пределами постсоветского пространства. Помня о том, что Россия выступает игроком в новой большой игре на постсоветском пространстве далеко не в одиночестве, о чем мы уже говорили выше, можно считать утверждение справедливым, что деятельностная активность Москвы является отчасти реакцией на предприимчивость других игроков — США, Китай, Европейский Союз. Конкуренты Кремля следуют собственной стратегии. Если американские устремления обусловлены преимущественно стратегическими интересами или же связаны с углеводородными ресурсами, то Китай активно инвестирует в более широкие секторы экономики. Евразийские интересы Пекина исключительно многогранны, они простираются от Центральной Азии до Белоруссии и Украины, но наибольшие усилия направлены на Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Что касается партнерства с Астаной, то в глазах китайского руководства Казахстан — это, прежде всего, важнейший “резервуар”, чьи энергетические ресурсы способны насытить неутолимые потребности крупнейшей планетарной экономики. В частности, на волне кризиса КНР смогла договориться о солидных кредитах (значительно превышающих инвестиции) и приобрести, по сути, четверть нефтяной промышленности Казахстана. Во-вторых, эта крупная страна Центральной Азии представляет для китайского производства перспективный, развивающийся рынок — как в плане внутреннего потребления, так и в свете транзита продукции в направлении всех других государств, входящих в Евразийское экономическое сообщество⁴⁸. Необходимо, однако, отметить, что подлинным распределительным пунктом или хабом для Пекина выступает все же Киргизия, которая в последние годы опередила Казахстан по объему импорта из КНР. Нельзя игнорировать и огромные нелегальные потоки товара, которым не в состоянии противостоять неокрепшие государственные структуры. Отметим также, что в последнее время Китай привлекают и недра Киргизии: уже осуществлены серьезные инвестиции в инфраструктуру, хотя пока они ограничены только концессиями на эксклюзивное право разработки залежей⁴⁹. И наконец, рассматривая связи Китая с Душанбе, подчеркнем, что Китай заинтересован в редкоземельных месторождениях и продвижении на таджикском рынке продукции

⁴⁸ Цит. по: Попов Д.С. Казахстан — ворота Китая в ЦА // Геополитика. 2012. Т. XVI. С. 9 и сл.

⁴⁹ См. подробнее: Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. М., 2013. С. 58.

Синьцзян-Уйгурского автономного района. И в этом случае Пекин задействовал в качестве основного инструмента предоставление Таджикистану кредитов, которые составляют на сегодняшний момент практически половину государственного долга страны-партнера⁵⁰.

Одной из центральных тем выступает вопрос безопасности, связанный прежде всего с проникновением радикально настроенных элементов исламского движения в поддержку уйгурских притязаний⁵¹. Подавляющее большинство представителей этого тюркоязычного народа проживает на северо-западе Китая в регионе Синьцзян, известном также как Восточный Туркестан⁵².

Затруднительна, на наш взгляд, попытка полноценно очертить цели и задачи европейской политики, столь часто неспособной придерживаться единой линии в силу расхождений прагматического и принципиального толка. Европейский Союз, безусловно, разработал целый ряд инструментов в подходе к сотрудничеству с Евразией. В первую очередь это Европейская политика соседства (ЕПС) и проект Восточного партнерства (ВП). Европейская политика соседства была запущена на рубеже 2003–2004 гг. в целях оказания поддержки ряду стран Средиземноморского и Кавказского регионов, а также Республик Беларусь и Молдова, вступивших в период перехода к западной модели демократии и рыночной экономики. Однако существенных результатов ЕПС не принесла. Объяснив неудачу

⁵⁰ См.: Дадабаева З.А. Особенности экономического сотрудничества Таджикистана с восточноазиатскими странами // Восточные соседи СНГ: факторы и проблемы сотрудничества. М., 2010. С. 136.

⁵¹ <https://www.ilgiornale.it/news/mondo/lotta-cina-contro-terrorismo-ed-estremismo-nello-xinjiang-1795672.html>

⁵² Шуцунь В., Цинсун В. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // Проблемы национальной стратегии. 2013. Т. III. С. 84–101. Авторы придерживаются в целом положительной оценки феномена, но все же указывают на ряд негативных последствий для Пекина. Если в числе положительных моментов фигурирует заложение многообещающей платформы в российско-китайском сотрудничестве, прорыв для китайской экономики на российском рынке, а также немаловажная гарантия в сфере безопасности, в первую очередь в западных провинциях, выделяются и менее притягательные аспекты. Во-первых, Китай отдает себе отчет в том, что внутренние правовые нормы Евразийского Сообщества неизбежно ударят по странам-экспортерам. Во-вторых, остается неразубленным гордиев узел, составляющий суть вопроса, а именно то, что российские и китайские интересы идут вразрез, при этом китайское руководство понимает, что Москва рассматривает постсоветское пространство как регион своего доминирующего влияния и вряд ли потерпит чье-либо присутствие. Учитывая масштабность вышеперечисленных интересов Китая, не составит труда предположить негативную реакцию Пекина. В заключение авторы выражают озабоченность тем, как сложится судьба экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

социальной и экономической неоднородностью вовлеченных в проект государств, в 2009 г. проект с подачи Польши и Швеции был преобразован в программу Восточного партнерства, но на сей раз он ограничивался бывшими советскими республиками Кавказа и Восточной Европы. В качестве основных целей ВП обозначены сотрудничество в сфере иммиграции, вплоть до упразднения визового режима; углубление интеграции, направленное на создание зоны свободного обмена; возможность заключать соглашения об ассоциации с ЕС. И именно ассоциация стала пружиной, приведшей к новому витку эскалации в отношениях Брюсселя с Москвой, вплоть до печально известных событий на Украине. Партнерская программа не дала ощутимых результатов, хотя в ее реализацию были вложены серьезные ресурсы, при этом она отвлекла внимание европейцев от проблем Средиземноморского региона⁵³. Ситуация радикально изменилась с переходом к фазе подписания договоров об ассоциации — в 2014 г. их заключили Молдова, Грузия и Украина. Кремль воспринял это решение как целенаправленную попытку дестабилизировать российские отношения с государствами ближнего зарубежья, преобразовав его, по выражению Элен Каррер д'Анкокс в “более дальнее и менее ближнее”. Неслучайно, продвигаемые ЕС проекты чаще всего являются альтернативой соответствующим проектам по интеграции с Россией, как в рамках СНГ, так и в контексте евразийских организаций. Наиболее проблематичным является вопрос свободы передвижения товаров, который будет распространяться на страны, подписавшие соглашения об ассоциации с ЕС, которые, в свою очередь, уже являются бенефициарами упрощенного режима, действующего внутри СНГ: это дало бы возможность европейским производителям избежать таможенных пошлин, налагаемых Российской Федерацией и государствами-членами СНГ.

В качестве заключения с опорой на вышеизложенное можно вновь отметить, что в основе евразийской интеграции лежат разнообразные по своей природе элементы — экономические, стратегические, культурные, социальные. И сегодня только Россия может взять на

⁵³ Обзор европейских инвестиций в сектор восточного партнерства представлен в справке, подготовленной Еврокомиссией, с которой можно ознакомиться по адресу: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/eap_vademecum_en.pdf. Что касается Российской Федерации, то изначально РФ придерживалась открытой позиции: министр иностранных дел С. Лавров заявил о возможности участия России в проекте восточного партнерства ЕС (см. статью, опубликованную агентством France Press на сайте: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=lavrov-russia-could-join-eu-eastern-partnership-2009-11-25>).

себя роль движущей и направляющей силы в процессе интеграции⁵⁴. Москва видит в этом важный фактор экономического сотрудничества и бесспорного закрепления своей роли в диалоге с глобальными игроками.

Связи, существующие в своей совокупности как на государственном, так и на общественном уровне, уже выступают, *сами по себе*, идеальной основой единого мировоззрения (*Weltanschauung*). Из этого вытекает, что усилия, направленные на действенное восстановление этих связей и на сохранение их *общероссийского* характера, который объединяет граждан Москвы, Минска, Алма-Аты, Бишкека и обширной части Ближнего Востока, представляют собой четко спланированную стратегию, которая предполагает сохранность национальной самобытности и, соответственно, государственного суверенитета, но в то же время преследует задачу консолидации той исторической реальности, которая на протяжении столетий являла собой единый народ. Сегодня в условиях глобализации мира это единство несет в себе целый ряд преимуществ. Нужно оговориться, что со стороны противников интеграции единство подвергается критике, поскольку якобы не отражает многообразия постсоветского пространства и используется исключительно в целях пропаганды теми российскими кругами, которые в ней заинтересованы. Для того чтобы опровергнуть подобные обвинения, достаточно вчитаться в слова казахского ученого М.Т. Лаумулина: после падения железного занавеса и активизации контактов с зарубежными народами, казахи осознали, что они вовсе не похожи на соседей-мусульман несмотря на возрождение исламской традиции в республике. Внутри Советского Союза жители Азии считались “азиатами”, но после более тесного знакомства с китайцами и с другими народами Ближнего Востока, казахи осознали, что они вовсе не похожи на подлинных азиатов. У них оказалось больше общего с представителями республик СНГ. Для определения этой общности вновь необходимо прибегнуть к концепту “евразийцы”⁵⁵. Нет смысла отрицать, что эта “общность” в определенной степени обусловлена ностальгией по советским временам, но глубже все же осознание единства духовной идентичности, не

⁵⁴ Необходимо особо отметить мнение тех, кто рассматривает интересы Москвы в евразийской интеграции исключительно как реакцию неприятия позиции Запада, отказывающегося рассматривать Россию как равноправного партнера, а также на затруднения в закреплении своей роли среди крупнейших азиатских держав (см.: *Mostafa G. The concept of “Eurasia”: Kazakhstan’s Eurasian policy and its implications // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. IV. P. 164*).

⁵⁵ Цит. по: *Лаумулин М.Т. Возвращение в место, которого нет // Россия в глобальной политике. 2012. Т. I. С. 88 и сл.*

являющейся исключительно религиозной, так что поиску партнеров в новых формах объединения целесообразнее просто вернуть ценность тому, что уже существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб., 2012.
- Вернадский Г.В. Золотой век Киевской Руси. М., 2012.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2012.
- Горюнов И.А. Азиатский вектор России: возможности и угрозы // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. М.; Ростов н/Д., 2014. С. 130–131.
- Гринберг Р.С. Формирование Евразийского союза: шансы и риски // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. М.; Ростов н/Д., 2014.
- Дадабаева З.А. Особенности экономического сотрудничества Таджикистана с восточноазиатскими странами // Восточные соседи СНГ: факторы и проблемы сотрудничества. М., 2010.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Январь 1881 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 30. XXVII. Л., 1972–1987. С. 33–37.
- Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. М., 2013.
- Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007.
- Иойрыш А.И. Уроки А.Д. Сахарова: государственно-политические взгляды. М., 1996.
- Кара-Мурза С.Г. Евразийская интеграция: главные трудности // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. М.; Ростов н/Д., 2014. С. 20–23.
- Лаумулин М.Т. Возвращение в место, которого нет // Россия в глобальной политике. 2012. Т. I.
- Малинкович Е.Д. Три революции и две перестройки. М., 2008.
- Милютенко Н.И., Прохоров Г.М. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008.
- Нысанбаев А.Н., Курманбаев Е.А. Евразийская идея Чокана Валиханова // Евразийское сообщество. 1999. Т. XXVI. С. 26–31.
- Осипов Ю.М. Концептуальные основы европейской международной интеграции // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. М.; Ростов н/Д., 2014.
- Попов Д.С. Казахстан — ворота Китая в ЦА // Геополитика. 2012. Т. XVI.
- Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
- Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
- Россия и ЕС в Центральной Азии, ССХХII доклад Института Европы РАН. М., 2008.
- Сайт агентства France Press. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=lavrov-russia-could-join-eu-eastern-partnership-2009-11-25>
- Сайт агентства RT. URL: <http://rt.com/politics/clinton-russia-cis-peskov-371/>

Сайт агентства “Эуростат”. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&language=en&rcode=tps00001&tableSelection=1&footnotes=yes&labeling=labels&plugin=1>

Сайт Госдепартамента США. URL: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/>

Сайт Статкомитета СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/>

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизации. М., 2009.

Сыздыкова Ж.С. Евразийский Союз: к будущему с учетом прошлого // Теория и практика общественного развития. 2012. Т. X.

Трепалов В.В. Русские в Евразии XVII–XIX вв. М., 2008.

Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. URL: <http://www.kulicki.com>

Чубарьян А.О. “Норманская” теория о законе // Российская газета. 2014. 2 нояб.

Шелкопляс Е.В. Новая большая идея как условие большой евразийской интеграции // Евразийская интеграция, геостратегический аспект. М.; Ростов н/Д., 2014. С. 167–168.

Шустов А.В. Русские опять покидают Казахстан // Алтынорда. 2011. 24 нояб.

Шуцунь В., Цинсун В. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // Проблемы национальной стратегии. 2013. Т. III. С. 84–101.

REFERENCES

Artamonov M.I. Istoriya hazar [History of the Khazars]. L., 1962 (in Russian).

Back to the USSR? Putin raises fears of return to Cold War days with plans for “Eurasian Union” of former Soviet states // Daily Mail. 2011. 5 Oct. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2045186/Vladimir-Putin-Eurasian-Union-plans-raise-fears-return-Cold-War-days.html>

Bugajski J. Expanding Eurasia: Russia’s European Ambitions. Washington, 2008.

Chenoy A.M., Kumar R. Reemerging Russia: structures, institutions and processes. Singapore, 2017.

Chubar’yan A.O. “Normanskaya” teoriya o zakone [“Norman” theory of law] // Rossijskaya gazeta. 2014. 2 noyab. (in Russian).

Clinton, Yelstin set Summit for April 4 // Washington Post. 1993. 26 febr. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1993/02/26/clinton-yeltsin-set-summit-for-april-4/815131f9-3aca-4fc8-aa12-ca01e9cc6f1f/>

Cohen A. The “Primakov doctrine”: Russia’s zero-sum game with United States // Heritage Foundation. 1997. Vol. CLXVII.

Custine A.L.L., de. La Russie en 1839. Wouters et Co. Imprimeurs — Libraires. Bruxelles, 1843.

Dadabaeva Z.A. Osobennosti ekonomicheskogo sotrudnichestva Tadzhikistana s vostochnoaziatskimi stranami [Features of economic cooperation of Tajikistan with East Asian countries] // Vostochnye sosedi SNG: faktory i problemy sotrudnichestva. M., 2010 (in Russian).

Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya. Yanvar’ 1881 [Writer’s diary. January 1881] // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. T. 30. XXVII. L., 1972–1987. S. 33–37 (in Russian).

Evrazijskij integracionnyj proekt: efekty i problemy realizacii [Eurasian integration project: effects and implementation problems]. M., 2013 (in Russian).

- Evraziystvo: klyuchevye idei, cennosti, politicheskie prioritety [Eurasianism: key ideas, values, political priorities]. Barnaul, 2007 (in Russian).
- Goryunov I.A. Aziatskij vektor Rossii: vozmozhnosti i ugrozy [Asian vector of Russia: opportunities and threats] // Evrazijskaya integraciya, geostrategicheskij aspekt. M.; Rostov n/D., 2014. S. 130–131 (in Russian).
- Grinberg R.S. Formirovanie Evrazijskogo soyuza: shansy i riski [Formation of the Eurasian Union: Opportunities and Risks] // Evrazijskaya integraciya, geostrategicheskij aspekt. M.; Rostov n/D., 2014 (in Russian).
- Groh D. La Russia e l'autocoscienza d'Europa. Torino, 1980.
- Hegel G.W.F. Die Vernunft in der Geschichte Auf Grund des aufbehaltenen handschriftlichen Materials. Leipzig, 1930.
- <http://eurasia.com.ru/vciom.html>
- http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_notsats.pdf <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>
- <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-08-13/belarus-protests-why-is-putin-backing-lukashenko>
- <https://www.bostonglobe.com/2020/08/06/arts/focus-seeing-post-soviet-society-ice-red-penguins/>
- <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2624817/How-Putins-walking-Six-years-ago-EDWARD-LUCAS-branded-scaremonger-warning-danger-posed-West-today-threats-alarms-ever.html>
- <https://www.ilgiornale.it/news/mondo/lotta-cina-contro-terrorismo-ed-estremismo-nello-xinjiang-1795672.html>
- <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?sy=2013&ey=2020&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=47&pr1.y=5&c=946%2C137%2C122%2C181%2C124%2C918%2C138%2C964%2C182%2C960%2C968%2C423%2C935%2C128%2C939%2C936%2C961%2C172%2C132%2C184%2C134%2C174%2C144%2C944%2C178%2C136%2C112%2C941&s=NGDP-D%2CPPPPC&grp=0&a=#cs29>
- Iojoysh A.I. Uroki A.D. Saharova: gosudarstvenno-politicheskie vzglyady [The lessons of A.D. Sakharova: State and Political Views]. M., 1996 (in Russian).
- Kara-Murza S.G. Evrazijskaya integraciya: glavnye trudnosti [Eurasian integration: main difficulties] // Evrazijskaya integraciya, geostrategicheskij aspekt. M.; Rostov n/D., 2014. S. 20–23 (in Russian).
- Kennan G.F. The Marquis de Custine and his Russia in 1839. Princeton, 1971.
- Laumulin M.T. Vozvrashchenie v mesto, kotorogo net [Returning to a place that does not exist] // Rossiya v global'noj politike. 2012. T. I. (in Russian).
- Malinkovich E.D. Tri revolyucii i dve perestrojki [Three revolutions and two perestroika]. M., 2008 (in Russian).
- Martini M. L'utopia spodestata. Torino, 2005.
- Milyutenko N.I., Prohorov G.M. Svyatoj ravnoapostol'nyj knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi [Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the Baptism of Rus]. SPb., 2008.
- Mostafa G. The concept of "Eurasia": Kazakhstan's Eurasian policy and its implications // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. IV.
- Nysanbaev A.N., Kurmanbaev E.A. Evrazijskaya ideya Chokana Valihanova [The Eurasian Idea of Chokan Valikhanov] // Evrazijskoe soobshchestvo. 1999. T. XXVI. S. 26–31 (in Russian).

Osipov Yu.M. Konceptual'nye osnovy evropejskoj mezhdunarodnoj integracii [Conceptual foundations of European international integration] // Evrazijskaya integraciya, geostrategicheskij aspekt. M., Rostov n/D., 2014 (in Russian).

Popov D.S. Kazakhstan — vorota Kitaya v CA [Kazakhstan — China's Gateway to Central Asia] // Geopolitika. 2012. T. XVI. (in Russian).

Putin V.V. Novyj integracionnyj proekt dlya Evrazii: budushchee, kotoroe rozhaetsya segodnya [A new integration project for Eurasia: the future that is being born today] // Izvestiya. 2011. 3 okt. (in Russian).

Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros [Russia: the national question] // Nezavisimaya gazeta. 2012. 23 yanv. (in Russian).

Riasanovsky N.V. Storia della Russia. Milano, 2013.

Rossiya i ES v Central'noj Azii, CCXXII doklad Instituta Evropy RAN [Russia and the EU in Central Asia, CCXXII report of the Institute of Europe RAS]. M., 2008 (in Russian).

Sajt agentstva France Press [The website of the France Press agency]. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=lavrov-russia-could-join-eu-eastern-partnership-2009-11-25> (in Russian).

Sajt agentstva RT [RT agency website]. URL: <http://rt.com/politics/clinton-russia-cis-peskov-371/> (in Russian).

Sajt agentstva "Eurostat" [The site of the agency "Eurostat"]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&language=en&pcode=tps00001&tableSelection=1&footnotes=yes&labeling=labels&plugin=1> (in Russian).

Sajt Gosdepartamenta SSHA [US Department of State website]. URL: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/> (in Russian).

Sajt Statkomiteta SNG [CIS Statistical Committee website]. URL: <http://www.cisstat.com/> (in Russian).

Schmidt M. Is Putin pursuing a policy of Eurasianism? // Demokratizacija. 2005. Vol. I. P. 200–205.

Sengupta A. Conceptualizing Eurasian geopolitics: debates and discourses on Hertland // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия. Новосибирск, 2009 (in Russian).

Semennikova L.I. Rossiya v mirovom soobshchestve civilizacii [Russia in the world community of civilization]. M., 2009.

Shelkopyas E.V. Novaya bol'shaya ideya kak uslovie bol'shoj evrazijskoj integracii [A new big idea as a condition for great Eurasian integration] // Evrazijskaya integraciya, geostrategicheskij aspekt. M.; Rostov n/D., 2014. S. 167–168 (in Russian).

Shrielman V.A. To make a bridge: Eurasian discourse in the post-Soviet world // Anthropology of East Europe Review. 2009. Vol. II. P. 69–85.

Shucun' V., Cinsun V. Perspektivy evrazijskogo integracionnogo proekta i ego posledstviya dlya Kitaya [Prospects of the Eurasian integration project and its consequences for China] // Problemy nacional'noj strategii. 2013. T. III. S. 84–101 (in Russian).

Shustov A.V. Russkie opyat' pokidayut Kazakhstan [Russians are leaving Kazakhstan again] // Altynorda. 2011. 24 noyab. (in Russian).

Spengler O. Der Mensch und die Technik: Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. Berlin, 2014.

Syzdykova Zh.S. Evrazijskij Soyuz: k budushchemu s uchetom proshlogo [Eurasian Union: towards the future taking into account the past] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. T. X. (in Russian).

Trepalov V.V. Russkie v Evrazii XVII–XIX vv. [Russians in Eurasia in the 17th — 19th centuries]. M., 2008 (in Russian).

Trubeckoj N.S. Vzgljad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [A look at Russian history not from the West, but from the East]. URL: <http://www.kulicki.com> (in Russian).

Uffelmann D. Post-Russian Eurasia and the proto-Eurasian usage of the Runet in Kazakhstan: a plea for a cyberlinguistic turn in area studies // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. II.

Vasil'eva N.A., Lagutina M.L. Global'nyj evrazijskij region: opyt teoreticheskogo osmysleniya social'no-politicheskoy integracii [The Global Eurasian Region: An Experience of Theoretical Understanding of Socio-Political Integration]. SPb., 2012 (in Russian).

Vernadskij G.V. Zolotoj vek Kievskoj Rusi [The Golden Age of Kievan Rus]. M., 2012 (in Russian).

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. Eurasia and Eurasian integration: beyond the post-soviet borders // *Eurasian Integration Book*. Almaty, 2012 (in Russian).

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. Evrazijskaya kontinental'naya integraciya [Eurasian continental integration]. SPb., 2012 (in Russian).

Wilson R.T. A sketch of the military and political power of Russia. Auckland, 1817 (in Russian).

Zonova T., Reinhardt R. Main vectors of Russian foreign policy 1991-2014 // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2014. Vol. 81. N 4. Settembre-dicembre

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-184-201

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ США (НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2020 г.)

П.Я. Фельдман, канд. полит. наук, доц., доц. кафедры философии и социологии ОУП ВО “Академия труда и социальных отношений”, ул. Лобачевского, 90, г. Москва, Российская Федерация, 119454*

Н.С. Данюк, канд. историч. наук, первый заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов (ИСИП) РУДН, член Общественной палаты РФ, ул. Миклухо-Маклая, 10, г. Москва, Российская Федерация, 117198**

Я.С. Сенокоп, асп. кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, г. Москва, Российская Федерация 119991***

В настоящей статье осуществляется прикладной анализ сетевых социальных технологий, посредством которых западные IT-корпорации оказывают прямое и опосредованное влияние на политические процессы. Предметом исследования выступает совокупность инструментов форматирования публичного информационного пространства, нашедших применение в ходе электоральной кампании по выборам президента США 2020 г. Совокупность эмпирических наблюдений позволяет утверждать, что крупнейшие сетевые ресурсы (Facebook, Twitter, Google, YouTube и др.) так или иначе способствовали успеху кандидата от Демократической партии.

Изучив релевантный американский опыт, авторы статьи выделяют набор манипулятивных технологий, используемых администрацией социальных сетей для формирования специфических электоральных установок у пользователей. В их числе блокировка аккаунтов, настройка поисковых алгоритмов таким образом, чтобы они выдавали заранее запрограммированный результат, маркировка идеологически чуждых материалов как “фейковых”, “недостовверных”, “манипулятивных” и “потенциально опасных”, автоматическая рекомендация тех или иных материалов к просмотру, удаление или искусственная пессимизация неудобного контента.

Стремясь к расширению собственной аудитории, социальные сети насыщают виртуальное пространство так называемым “партизанским” контентом, который у одной части общества вызывает бурное одобрение, а у другой — не менее бурное возмущение. Это влечет за собой поляризацию и радикализацию масс. Наиболее деструктивные последствия данного процесса констатируются

* Фельдман Павел Яковлевич, e-mail: pavelfeld@mail.ru

** Данюк Никита Сергеевич, e-mail: danyuk@isip.su

*** Сенокоп Ян Станиславович, e-mail: yan.senockop@yandex.ru

в США, где приверженцы демократов и республиканцев из политических оппонентов превращаются в полных антагонистов.

Обретение социальными сетями, поисковыми системами и новостными агрегаторами политической субъектности создает предпосылки для качественного изменения устоявшихся электоральных практик. Наибольшую озабоченность вызывает способность ИТ-корпораций манипулировать политическим сознанием и поведением граждан в ходе судьбоносных избирательных кампаний. Осознание данного обстоятельства заставляет авторов статьи поставить вопрос о необходимости упорядочения политико-коммуникационных процессов, разворачивающихся на виртуальных платформах в интернете.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные технологии, манипуляция массовым сознанием, социальные сети, электоральное поведение, “фейковые новости”.

MODERN TECHNOLOGIES OF SOCIAL MANAGEMENT IN THE US POLITICAL PROCESS (USING THE EXAMPLE OF THE 2020 PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGN)

Feldman Pavel Y., Candidate of Political Science, Associate professor, Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations, Lobachevskogo str., 90, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: pavelfeld@mail.ru

Danyuk Nikita S., Candidate of Historical Science, Deputy Director of the Institute for Strategic Studies and Predictions at RUDN University, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Mikluho-Maklaya str., 10, Moscow, Russian Federation, 117198, e-mail: danyuk@isip.su

Senokop Yan S., Postgraduate Student, Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: yan.senockop@yandex.ru

This article provides an applied analysis of the social network technologies used by Western IT-companies to exert a direct or indirect influence on political processes. The study focuses on a set of tools that were employed to shape the media landscape during the 2020 presidential election campaign in the United States. Overall, the empirical observations suggest that the largest networking services (such as Facebook, Twitter, Google, YouTube, etc.) more or less contributed to the success of the Democratic candidate.

Having studied the relevant U.S. experience, the authors identify a set of manipulative techniques used by social network administrators to form specific electoral attitudes among users. These include blocking accounts, setting up search algorithms to produce pre-programmed results, labeling ideologically objectionable materials as “fake”, “untrustworthy”, “manipulative” and “potentially dangerous”, automatically recommending certain materials for viewing, and removing or pessimizing unwanted content.

Seeking to expand their own audience, social networks flood the media space with so-called “partisan” content, which is vigorously welcomed by one part of society and just as vigorously rejected by another. This leads to polarization and radicalization of the masses. The most destructive consequences of this process can be witnessed in the United States, where Democrat and Republican supporters become not just political opponents but real antagonists.

Social media, search engines and news aggregators, developing their capacity as political actors, pave the way to a qualitative change in the established electoral practices. The greatest concern is the ability of IT-companies to manipulate the political consciousness and behavior of citizens during crucial election campaigns. Considering this circumstance, the authors raise a question about the need to regulate the political and communication processes unfolding on the Internet platforms.

Key words: *political communication, social technologies, manipulation of mass consciousness, social networks, electoral behavior, fake news.*

На современном этапе развития политической науки все большее внимание уделяется социальным технологиям, посредством которых осуществляется управление вертикальными и горизонтальными коммуникационными процессами в обществе. Большинство футурологических концепций середины — второй половины XX в. сводилось к тому, что стремительное развитие вычислительной техники рано или поздно приведет к интеллектуальному “очеловечиванию” машины. Однако эволюция инструментов социального управления оказалась еще более стремительной, чем пресловутый технический прогресс. В конечном итоге не машины приобрели человеческие черты, а индивиды уподобились программируемым устройствам, чьи эвристические и поведенческие модели определяются внешним воздействием. В значительной степени этому способствовала пандемия коронавируса COVID-19 и связанные с ней санитарные ограничения, которые ускорили процесс виртуализации коммуникационных практик. На этом этапе мощный импульс к развитию получили технологии дистанционного обмена информацией (прежде всего, в сфере образования). Аудитория электронных и традиционных СМИ существенно расширилась, а субъекты политических процессов окончательно адаптировались к интеракции в режиме онлайн. Вполне закономерно, что это придало дополнительный импульс развитию технологий социального управления.

Американские исследователи О. Хелмир, Б. Браун и Т. Гордон характеризуют социальные технологии как специфические средства и способы преобразования общества за счет оказания целенаправленного воздействия на сознание людей в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации¹. Ключевая особенность данных средств заключается в их способности стимулировать эмоциональные реакции индивидов, формируя таким образом их поведенческие установки. Российский политолог И.Н. Панарин не без основания полагает, что социальные технологии зачастую принимают форму информационно-психологического воздействия². Подобному

¹ Helmer O., Brown B., Gordon T. Social technology. N.Y., 1966.

² Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2012.

воздействию могут быть подвержены практически все сферы человеческой личности: когнитивная (знания, навыки, мышление), аксиологическая (ценности, убеждения, мировоззрение), эмоциональная (чувства), коммуникативная (общение, взаимодействие). Стремительное увеличение объема социально значимой информации, циркулирующей в публичном пространстве, порождает своеобразный “парадокс изобилия”. Поток новостей становится настолько плотным, разнородным и перенасыщенным, что индивиды теряют какую-либо возможность их верификации. Рациональная дихотомия “знаю — не знаю” уступает место иррациональной альтернативе “верю — не верю”. В данных условиях люди становятся особенно подверженными манипулятивному воздействию.

На протяжении последних тридцати лет сохраняется устойчивая тенденция к расширению доступа граждан к электронным источникам информации. Так, в 2020 г. число пользователей интернета превысило 4,6 млрд человек, что составило более 60% от всего населения земного шара. При этом 4,1 млрд из них имеют аккаунты в социальных сетях³. Примечательно, что аудитория *Facebook* (самой крупной социальной сети в мире) по своей численности превосходит суммарное количество жителей Китая и США. Вероятно, в ближайшей перспективе придется пересмотреть традиционное представление о “глобальной паутине” как о вспомогательном элементе коммуникационной инфраструктуры общества. Для сотен миллионов современных людей виртуальное пространство социальных сетей является более реальным, чем окружающая материальная действительность. Зачастую именно в этой искусственно созданной среде формируются их мировоззренческие установки. Научно-экспертному сообществу еще только предстоит оценить регулятивные и мобилизационные возможности социальных сетей, однако уже сейчас очевидно, что в политической сфере они весьма существенны. В этой связи представляется необходимым выдвинуть гипотезу о существовании “сетевых технологий социального управления” или “социально-сетевых технологий” (подобные формулировки уже используются в ряде научных работ, но их употребление носит единичный и бессистемный характер).

Прикладной анализ сетевых технологий социального управления целесообразно осуществить на основе богатого эмпирического материала, полученного в ходе кампании по выборам президента

³ Social media users pass the 4 billion mark as global adoption soars // Creative agency “We are social”. 20.10.2020. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/10/social-media-users-pass-the-4-billion-mark-as-global-adoption-soars> (accessed: 20.11.2020).

США 2020 г. Эта чрезвычайно напряженная президентская гонка ознаменовала собой окончательное превращение IT-корпораций в самостоятельных политических акторов. До недавнего времени в массовом сознании преобладало мнение о том, что социальные сети и другие интернет-сервисы подчиняются строгому действию математических алгоритмов и предоставляют своим пользователям практически неограниченную свободу распространения легального контента. Однако на практике все оказалось иначе. Были получены многочисленные свидетельства политически мотивированного вмешательства администрации электронных сетевых платформ в информационно-смысловое пространство их пользователей. Впервые в новейшей истории встал вопрос о правомерности применения политической цензуры такими популярными сервисами, как *Twitter*, *Facebook*, *YouTube*, *Google*. И даже Д. Трамп, в совершенстве владеющий технологией виртуального общения с избирателями, оказался к этому не готов.

В 2016 г. своим электоральным триумфом 45-й президент США был во многом обязан социальным сетям, которые служили для него каналами прямой коммуникации с аудиторией, в то время как практически все традиционные СМИ оказывали консолидированную поддержку Х. Клинтон. Неожиданный для многих экспертов успех Д. Трампа наглядно продемонстрировал агитационно-пропагандистскую мощь интернет-ресурсов. Осознание данного обстоятельства окончательно пришло и к владельцам социальных сетевых платформ. Парадокс заключается в том, что они сами создали технологические предпосылки для победы неуютного для них кандидата. Д. Трамп всегда выступал выразителем интересов национально ориентированного капитала, имеющего отношение к реальному сектору экономики, тогда как транснациональные IT-корпорации и финансовые элиты традиционно поддерживали Демократическую партию. На рубеже 2019–2020 гг. стало окончательно ясно, что по интенсивности влияния на электоральные предпочтения западного избирателя социальные сети сравнялись с традиционными масс-медиа или даже превзошли их. Вполне закономерно, что владельцы соответствующих ресурсов решили воспользоваться своей привилегированной возможностью фильтровать информационные потоки, проходящие через них.

В ходе предвыборной кампании и после ее завершения Д. Трамп столкнулся с беспрецедентными ограничениями на распространение своих агитационных материалов в интернете. Так, в августе 2020 г. *Facebook* удалил видеоматериал с фрагментом интервью 45-го президента США, где тот заявил, что “дети практически не вос-

приимчивы к COVID-19”⁴. *Twitter* поступил еще жестче: под эгидой борьбы с недостоверной информацией о пандемии коронавируса он заблокировал официальный аккаунт избирательной кампании Д. Трампа. В ответ представители его предвыборного штаба обвинили корпорации из Силиконовой долины в предвзятости по отношению к главе Белого дома и заявили о том, что социальные сети “не являются арбитрами истины”⁵. Настоящий прецедент заставляет всерьез задуматься о наличии у социальных сетей юридической возможности и, самое главное, морального права самостоятельно определять степень достоверности информации, размещаемой на их виртуальных площадках. Например, утверждение Д. Трампа о том, что дети легче переносят COVID-19, подтверждается результатами целого ряда исследований британских и американских ученых⁶. Его можно расценивать, скорее, как “смелую гипотезу”, нежели “фейковую новость”. Во всяком случае, *Facebook* и *Twitter* едва ли обладают более достоверными сведениями по этому вопросу, чем президент страны.

Если в случае с информацией о пандемии коронавируса ограничительные меры со стороны IT-компаний формально можно объяснить заботой о здоровье собственных клиентов, то мотивы удаления компрометирующих материалов о семье Д. Байдена в период предвыборной гонки с большой долей вероятности носят исключительно политический характер. В середине октября 2020 г. все те же *Twitter* и *Facebook* начали блокировать публикации пользователей, содержащие ссылки на разоблачительную статью газеты *New York Post* с критикой в адрес сына кандидата от Демократической партии. Авторы материала утверждали, что Байден-младший, находясь в совете директоров украинской энергетической компании *Burisma*, представлял частные интересы своего отца, на тот момент занимавшего пост вице-президента США⁷. В основу расследования легли письма высокопоставленных лиц, добытые посредством взлома их электронной почты. *Twitter* даже заблокировал личный профиль пресс-секретаря Белого дома К. Макинени за репост вышеу-

⁴ Твиттер на время заблокировал аккаунт избирательной кампании Трампа // Deutsche Welle. 2020.06.08. URL: <https://www.dw.com/ru/twitter-zablokirovala-akkaunt-izbiratelnoj-kampanii-trampa/a-54456473> (дата обращения: 20.11.2020).

⁵ Там же.

⁶ Коронавирус и дети: 12 вопросов о том, что грозит вашему ребенку // BBC. 2020.14.04. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-fut-52231282> (дата обращения: 20.11.2020).

⁷ Smoking-gun email reveals how Hunter Biden introduced Ukrainian businessman to VP dad // New York Post. 2020.14.10. URL: <https://nypost.com/2020/10/14/email-reveals-how-hunter-biden-introduced-ukrainian-biz-man-to-dad> (accessed: 20.11.2020).

помянутой статьи. Администрация социальной сети объяснила свое решение недопустимостью тиражирования сведений, полученных нелегальным путем. Однако те же самые IT-корпорации не только не препятствовали, но и всячески содействовали распространению “информационных утечек” о якобы имевшем место сговоре президента Д. Трампа с Россией. В конечном итоге все эти конспирологические теории были официально опровергнуты специальным прокурором США Р. Мюллером, но ссылки на компрометирующие материалы подобного рода размещены в *Twitter* и *Facebook* до сих пор.

Помимо блокировки и сокрытия общественно-политического контента американские социальные сети использовали против Д. Трампа маркировку его публикаций специальной символикой, указывающей на их недостоверность. Подобная ситуация имела место, когда губернатор Калифорнии Г. Ньюс (член Демократической партии) распорядился выслать пустые избирательные бюллетени жителям своего штата по почте. Д. Трамп расценил эту инициативу как попытку электорального мошенничества и на своей странице в *Twitter* написал: “Почтовые ящики будут вскрыты, бюллетени будут подделаны и даже незаконно распечатаны и подписаны”⁸. Позже он сделал еще несколько публикаций аналогичного содержания. Администрация социальной сети незамедлительно снабдила их подписью с активной ссылкой: “Получите достоверную информацию о распространении бюллетеней по почте”. Сама семантика данного комментария указывает на то, что заявление 45-го президента США следует рассматривать как ложное. Переходя по указанной ссылке, пользователи оказывались на специальной странице с официальным обращением службы безопасности *Twitter* следующего содержания: “Трамп делает необоснованное заявление о том, что рассылка бюллетеней по почте приведет к фальсификации результатов голосования”. Далее следовали отсылки к материалам *CNN*, *Washington Post* и мнению “ряда экспертов”, которые также усмотрели ложь в словах главы государства⁹.

Следует признать, что Д. Трамп выразил свою позицию в присущей ему жесткой и провокационной манере. Однако с формальной точки зрения, его заявление представляет собой субъективное мнение частного лица и не противоречит действующему американскому

⁸ Twitter обратил внимание пользователей на фейки в постах Трампа // РБК. 2020.27.05. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2020/5ecdba8c9a794773d1b8808f> (дата обращения: 20.11.2020).

⁹ Trump makes unsubstantiated claim that mail-in ballots will lead to voter fraud // Twitter. 2020.26.05. URL: <https://twitter.com/i/events/1265330601034256384> (accessed: 20.11.2020).

законодательству. Тем не менее, социальная сеть, позиционирующая себя как трибуна для свободного выражения разнообразных взглядов, отказала главе государства в этом праве. Впервые в современной электоральной практике *Twitter* обрел собственный “голос” и от лица обезличенной информационной системы вступил в полемику с кандидатом на пост президента. Практически идентичный инцидент имел место уже непосредственно в день выборов, когда кандидат от Республиканской партии разместил в своем аккаунте пост о попытках “украсть его голоса”. Администрация *Twitter*, ссылаясь на “многообразные источники, включая *Associated Press*, *Bloomberg* и *National Public Radio*”, вновь обвинила Д. Трампа во лжи¹⁰. Весьма характерно, что в подобных случаях всегда имеет место апелляция к политологам и средствам массовой информации, которые априори настроены против 45-го президента США. Например, *Twitter* охотно цитирует *CNN*, но полностью игнорирует сообщения консервативного канала *Fox News*. Многочисленные примеры коллаборации между либеральными масс-медиа и социальными сетями указывают на схожесть их идеологических установок и политических ориентаций.

В постэлекторальный период *Twitter* перешел к прямой полемике с Д. Трампом о честности процедуры голосования. Заявление 45-го президента США о том, что итоги выборов в штате Пенсильвания были сфальсифицированы, модераторы опровергли ремаркой “Множественные ресурсы оценивают эти выборы иначе”. Аналогичной маркировке подверглась не содержащая явных оценочных суждений публикация сенатора Д. Мастриано. Ее автор, апеллируя к открытым данным Государственного департамента о ходе голосования в Пенсильвании, задался вопросом о происхождении более 1 млн бюллетеней, присланных по почте (именно они обеспечили победу кандидату от Демократической партии на уровне штата)¹¹. Политические пристрастия владельцев *Twitter* красноречиво характеризует тот факт, что еще задолго до оглашения итогов президентской гонки руководство социальной сети пообещало передать официальный аккаунт главы государства Д. Байдену непосредственно в день истечения полномочий Д. Трампа¹². Таким образом, IT-гигант сам для себя определил победителя выборов.

¹⁰ Ballots counted after Election Day are legitimate as long as they were cast on or before November 3, as per state-by-state rules // *Twitter*. 2020.04.11. URL: <https://twitter.com/i/events/1323361679699181569> (accessed: 20.11.2020).

¹¹ State Senator D. Mastriano's personal Twitter account. URL: <https://twitter.com/SenMastriano> (accessed: 20.11.2020).

¹² Аккаунты президента США в *Twitter* перейдут Байдену в день инаугурации // РБК. 2020.21.10. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fb881119a79470551c07cfd> (дата обращения: 23.11.2020).

Объективности ради следует привести пример того, как вмешательство со стороны администрации сетевых ресурсов иногда позволяет пресечь распространение “фейковой информации” под видом достоверных данных. Летом 2020 г. после гибели афроамериканца Д. Флойда от рук полицейских по США прокатилась волна расовых протестов. Либеральная пресса незамедлительно обвинила Д. Трампа в дискриминации чернокожего населения и разжигании межнациональных конфликтов. Особенно активно педалировалась тема негативного влияния 45-го президента на молодое поколение, которое бессознательно копирует манеру его поведения. Сам он категорически отвергал подобные обвинения и периодически проводил информационные контратаки (не всегда удачные). Так, на своих страницах в *Twitter* и *Facebook* американский лидер попытался разоблачить видеоролик, якобы продемонстрированный в эфире *CNN*, где чернокожий ребенок убегает от белого. Оформленные в фирменном стиле популярного телеканала титры гласили: “ребенок-расист, вероятно, избиратель Трампа”. Затем на экране появлялась надпись “как все было на самом деле”, а за ней следовали кадры с теми же детьми, радостно обнимающими друг друга. Таким образом Д. Трамп хотел показать, что журналисты злонамеренно сфабриковали компрометирующий его сюжет¹³.

Однако попытка уличить недружественное СМИ в подтасовке фактов провалилась. Как стало известно позже, в оригинальном материале *CNN*, наоборот, рассказывалось о дружбе двух мальчиков с разным цветом кожи. Следовательно, президент США умышленно исказил показанный по телевидению сюжет, либо по ошибке сослался на изготовленный кем-то “фейковый” продукт. Так или иначе, решение *Twitter* и *Facebook* заблокировать ролик, снабдив его пометкой “манипулятивное видео”, представляется вполне оправданным. К тому моменту его уже посмотрело более 4 млн человек. Действительно, западная общественность многократно призывала администрацию социальных сетей более тщательно подходить к модерации контента, размещаемого пользователями. В первую очередь, речь идет об общественно значимой информации, которая представляет потенциальную угрозу для национальной безопасности и политической стабильности. В то же время, на практике очень сложно провести границу между подобной модерацией и политической цензурой. На фоне чрезвычайной поляризации и радикализации американского общества еще более сложной задачей представляется внедрение в социальные сети разного рода этических фильтров.

¹³ Personal Twitter account of D. Trump. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (accessed: 20.11.2020).

Не следует игнорировать и тот факт, что IT-корпорации обладают колоссальным объемом персональных данных и при необходимости способны использовать их для реализации своих политических интересов. Например, они могут снабдить ту или иную партию ценной информацией о социально-демографических характеристиках потенциальных избирателей, наделив ее преимуществом в период электоральной борьбы. Технические возможности *Facebook*, *Twitter*, *Instagram* и других аналогичных ресурсов позволяют нацеливать политическую агитацию и рекламу на конкретную аудиторию. Они могут сделать так, что значительная часть пользователей с большой долей вероятности никогда не увидит мультимедийные продукты и новости, идущие вразрез с интересами IT-корпораций. Для этого не требуется прибегать к блокировкам — достаточно пессимизировать определенный контент, понизив его позиции среди результатов поисковых запросов и рекомендаций. К подобной технологии нередко обращается *YouTube*, который, по мнению ряда экспертов, искусственно занижает позиции идеологически неудобных для компании роликов в рейтингах популярности даже тогда, когда они набирают миллионы просмотров¹⁴. Кроме того, алгоритмы данного видеохостинга ориентированы на максимальную персонализацию контента. Заранее зная интересы и политические пристрастия своих пользователей, они рекомендуют им лишь те ролики, содержание которых соответствует уже сформировавшимся мировоззренческим установкам аудитории. Таким образом, в период избирательной кампании 2020 г. сторонники Д. Трампа и Д. Байдена находились в принципиально разных идейно-смысловых средах, что усугубило поляризацию их взглядов.

До недавнего времени оставался недооцененным политико-коммуникационный потенциал поисковых сервисов и новостных агрегаторов. Как известно, *Google* непосредственно в момент ввода слов в поисковую строку предлагает пользователю набор самых популярных запросов. Предполагается, что система определяет их перечень автоматически, однако имеются веские основания сомневаться в беспристрастности подобных рекомендаций. Не менее пристального внимания заслуживает функционирование новостных агрегаторов, наполняющих свою информационную ленту ссылками на сообщения традиционных СМИ. Так, в августе 2020 г. Д. Трамп обвинил компанию *Google* в том, что 96% результатов поисковых запросов по ключевым словам “*Trump News*” содержат отсылки к

¹⁴ В Госдуму внесли проект закона о санкциях против зарубежных IT-платформ за цензуру российских СМИ // Взгляд. 2020.19.11. URL: <https://vz.ru/news/2020/11/19/1071356.html> (дата обращения: 20.11.2020).

леволиберальным СМИ, нещадно критикующим 45-го президента¹⁵. Однако сторонники Д. Байдена также предъявляют претензии к вышеупомянутому IT-гиганту, владеющему *YouTube*, за то, что с видеохостинга не был удален ролик правоконсервативного информационного агентства *One American News Network*, в котором задолго до объявления официальных результатов голосования сообщалось о победе Д. Трампа на президентских выборах 2020 г. Более того, администрация популярного интернет-сервиса не стала блокировать видеоматериал под названием “Трамп выиграл, но Демократы пытаются ввести людей в заблуждение”, выпущенный тем же агентством на следующий день после выборов¹⁶.

Совокупность эмпирических наблюдений позволяет утверждать, что в ходе электоральной кампании по выборам президента США 2020 г. крупнейшие сетевые ресурсы прямо или опосредованно способствовали успеху кандидата от Демократической партии. Если *Facebook* и *Twitter* делали это достаточно явно, то *Google* и подконтрольный ему *YouTube* — более тонко и завуалировано, сохраняя внешнюю беспристрастность. В целом, можно выделить характерный набор социальных технологий, применяемых IT-компаниями для формирования специфических электоральных установок у пользователей их услуг:

- блокировка аккаунтов и удаление определенного контента;
- настройка поисковых алгоритмов таким образом, чтобы они выдавали заранее запрограммированный результат;
- маркировка идеологически чуждых материалов как “фейковых”, “недостоверных”, “манипулятивных”, “потенциально опасных”, а также их публичное опровержение от имени администрации сети;
- автоматическая рекомендация тех или иных материалов к просмотру;
- сбор персональных пользовательских данных и передача их субъектам политической борьбы;
- искусственная пессимизация неудобного контента.

Владение совокупностью вышеописанных технологий делает социальные ресурсы интернета полноценными участниками политического процесса, подлинные возможности которых еще

¹⁵ Trump claims Google “rigged” searches against him but company denies it // ABC News. 2020.29.08. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-attacks-google-claims-prioritizes-fake-news-searches/story?id=57444232> (accessed: 20.11.2020).

¹⁶ YouTube refuses to remove video that appears to violate its policies // CNBC. 2020.04.11. URL: <https://www.cnbc.com/2020/11/04/youtube-refuses-to-remove-video-that-appears-to-violate-its-policies.html> (accessed: 20.11.2020).

только предстоит осознать. Политические элиты развитых и развивающихся стран начинают всерьез задумываться об ограничении всевластия IT-гигантов. Весьма показательным является конфликт между Д. Трампом и китайской компанией *ByteDance*, владеющей молодежным сервисом *TikTok*, пользовательская база которого составляет более 1 млрд человек. Президент США не без оснований полагал, что хранение личных данных американцев на серверах в КНР представляет потенциальную проблему для национальной безопасности его страны. В конечном итоге он под угрозой запрета вынудил собственников социальной сети учредить совместно с *Oracle* и *Walmart* компанию *TikTok Global*. Штаб-квартира новой организации разместится в Техасе. Ее руководитель и подавляющее большинство членов совета директоров (включая директора по внутренней безопасности) должны быть гражданами США. При этом данные пользователей будут храниться на серверах американской корпорации *Oracle*¹⁷.

Примечательно, что одним из первых осмыслить политические риски, связанные с ростом влияния IT-компаний, попытался не кто иной, как Ф. Фукуяма — апологет глобализации и либеральной демократии. В статье “Как спасти демократию от высоких технологий”, написанной в соавторстве с профессорами Б. Ричманом и А. Гоэлем, он утверждает, что политический вред от деятельности сетевых платформ “гораздо опаснее причиняемого ими экономического ущерба”¹⁸. Авторы указанной работы выступают с жесткой критикой информационного монополизма. С их точки зрения, социальные сети служат удобной средой для распространения “фейковых новостей” и экстремистских идеологий. При этом рядовые пользователи оказываются в “информационных пузырях”, получая только ту информацию, которая подтверждает заранее сформировавшиеся у них убеждения. Наконец, медиа-корпорации могут по своему усмотрению “усиливать или гасить определенные голоса, оказывая дезориентирующее влияние на демократические дебаты по политическим вопросам”¹⁹. Обладание подобной властью, по мнению Ф. Фукуямы, Б. Ричмана и А. Гоэля, позволяет им оказывать решающее влияние на результаты выборов.

¹⁷ Трамп “благословил” сделку с TikTok. В США его пока не будут запрещать // BBC. 2020.20.09. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54228338> (дата обращения: 20.11.2020).

¹⁸ *Fukuyama F., Richman B., Goel A.* How to save democracy from technology // Foreign Affairs. 2020.24.11. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (accessed: 20.11.2020).

¹⁹ Ibid.

Вопреки либеральным идеологическим установкам, вышеупомянутые исследователи предлагают внедрить жесткое государственное регулирование виртуального пространства. Впрочем, сами они признают, что подобные меры “едва ли применимы в такой поляризованной стране, как США”²⁰. Действительно, в сложившихся общественно-политических реалиях американские институты власти не готовы выполнять функции арбитров, беспристрастно идентифицирующих “фейки” и попытки манипулирования общественным сознанием. То, что в “информационном пузыре” сторонников Республиканской партии воспринимается как достоверный факт, с точки зрения убежденных Демократов, не имеет отношения к действительности (и наоборот). В данном случае происходит типичный для эпохи постправды распад идейно-смыслового пространства на две принципиально не совпадающие друг с другом реальности, в каждой из которых степень достоверности того или иного сообщения определяется ценностными ориентациями и эмоциональным состоянием воспринимающей его аудитории²¹. Данная проблема характерна именно для социальных сетей, которые ориентированы на максимальную персонализацию контента. Даже политически ангажированные СМИ традиционного типа вещают на усредненную массовую аудиторию, что заставляет их избегать крайних позиций в освещении тех или иных событий. Так, среди постоянных зрителей леволиберального канала CNN обнаруживается 17% избирателей Республиканской партии²².

В интернете действуют принципиально иные правила. Социальные сети предлагают идеологически окрашенные материалы, которые способны вызвать у аудитории сильную эмоциональную реакцию от гнева до бурного одобрения. В англоязычном политическом дискурсе существует специальный термин для обозначения подобных информационных продуктов — “*partisan news*”, т.е. новости, предназначенные специально для преданных сторонников определенных партий, лидеров и движений. Американские исследователи А. Хаселл и Б. Викс полагают, что провокационные материалы политически ангажированных СМИ вызывают раздражение у обитателей сетевого пространства и, следовательно, способствуют

²⁰ Fukuyama F., Richman B., Goel A. Op. cit.

²¹ Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 250.

²² Americans’ main sources for political news vary by party and age // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/01/americans-main-sources-for-political-news-vary-by-party-and-age> (accessed: 20.11.2020).

интенсификации информационного обмена в интернете²³. Крупнейшие IT-корпорации косвенно заинтересованы в обострении противоречий между сторонниками республиканцев и демократов, поскольку негативные эмоции возмущенных пользователей находят выплеск в виртуальной среде. Чем глубже и непреодолимей идеологический разлом общества, тем выше уровень вовлеченности граждан в социальные сети и рекламные доходы последних. Таким образом, в США и других странах происходит монетизация внутриполитической напряженности.

Безусловно, подобное состояние публичной информационной среды влечет за собой определенные социально-психологические последствия. Как справедливо отмечают Н.Г. Осипова и В.И. Челищев, лавинообразный поток информации, обрушивающийся на человека в интернете, “побуждает к поверхностному восприятию вещей, к ощущению сиюминутности бытия и отрицанию исторических закономерностей”²⁴. В данных условиях индивиды становятся особенно доступными для разного рода манипуляций и провокаций. Велика вероятность того, что подробно описанное М. Кастельсом “сетевое общество” в процессе своего созревания распадется на враждующие друг с другом фракции и перестанет отвечать критерию гибкости²⁵. Доминирующими чертами подобного общества могут стать не пластичность и кооперация, а партикуляризм и политическое сектантство. Объединяя людей в идеологические конгломерации, сетевые платформы будут способствовать дальнейшей фрагментации социума. Наиболее деструктивные последствия данного процесса могут быть констатированы в странах с двухпартийными политическими системами. Прежде всего, это касается Соединенных Штатов Америки, где приверженцы демократов и республиканцев из политических оппонентов на глазах превращаются в полных антагонистов.

Неудивительно, что на этом фоне все чаще звучат призывы ограничить власть IT-корпораций над обществом. Сделать это крайне проблематично, поскольку спрос на их услуги со стороны рядовых пользователей неуклонно растет. Внедрение механизмов государственного регулирования виртуального пространства сопряжено с

²³ Hasell A., Weeks B. Partisan provocation: the role of partisan news use and emotional responses in political information sharing in social media // Human Communication Research. 2016. Vol. 42. Iss. 4.

²⁴ Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4.

²⁵ Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2020.

дополнительными рисками и техническими сложностями. В лучшем случае власть может принудить социальные сети к блокировке запрещенного контента, но она не способна подчинить виртуальное пространство единым этическим стандартам. С правовой точки зрения, механизмы интернет-коммуникации крайне сложно поддаются кодификации и регламентации. Наконец, не исключено, что доминирующие на политическом ландшафте силы могут использовать государственный контроль над социальными сетями для вовлечения максимального количества граждан в свой “информационный пузырь”. Альтернативный вариант заключается в применении по отношению к IT-гигантам комплекса антимонопольных мер, среди которых разукрупнение, принуждение к продаже акций, частичная национализация активов и т.д. Полагаем, что подобные экономические инструменты, доказавшие свою эффективность в нефтегазовой отрасли, не дадут ожидаемого результата в сфере высоких технологий. Да и сама идея о силовом дроблении *Facebook* или *Twitter* на несколько автономных компаний противоречит основополагающим принципам свободной рыночной конкуренции и либеральной демократии.

Если IT-компании из Силиконовой долины существуют в рамках американского правового поля, то их функционирование на территории других стран нередко вызывает правовые коллизии и конфликты. Дабы преодолеть указанную проблему, депутаты Государственной Думы предложили законопроект, предусматривающий наказание для владельцев сетевых платформ, которые ограничивают распространение интернет-пользователями общественно значимой информации на территории РФ. Предпосылками для возникновения данной правовой новеллы стали многочисленные случаи искусственной пессимизации контента консервативно ориентированных отечественных блогеров и средств массовой информации со стороны американских социальных сетей. Например, *YouTube*, вопреки собственным алгоритмам, зачастую удаляет из списка рекомендаций российские видеоролики, набирающие миллионы просмотров, если те противоречат информационной политике компании. В 2019 г. *Facebook* заблокировал аккаунт проекта “*In the Now*” из-за предполагаемых “связей с каналом *Russia Today*”²⁶. Перечень аналогичных эпизодов насчитывает существенное количество примеров использования западными социальными сетями политической цензуры.

²⁶ “Свобода слова для своих”: как Facebook заблокировал популярные новостные страницы из-за “связей” с RT // *Russia Today*. 2019.19.02. URL: <https://russian.rt.com/world/article/603562-facebook-blokirovka-rt> (дата обращения: 20.11.2020).

Однако едва ли на данный момент существуют технические возможности для блокировки подобных ресурсов, а предусмотренные Административным кодексом штрафы не сильно обременят крупные IT-корпорации.

Подводя итоги, можно заключить, что информационно-коммуникационные технологии социального управления на современном этапе играют ведущую роль в регулировании политических процессов. Степень их влияния на общественное сознание трудно переоценить. Стремясь к расширению собственной аудитории, социальные сети насыщают виртуальное пространство “партизанским” контентом, который у одной части общества вызывает бурное одобрение, а у другой — не менее бурное возмущение. Это влечет за собой поляризацию и радикализацию масс. Негативные последствия этой поляризации стали очевидными в ходе президентской электоральной кампании 2020 г. в США. Кроме того, IT-корпорации как заинтересованные субъекты политики стараются формировать максимально благоприятные внешние условия для собственного функционирования. Следовательно, они используют свои колоссальные информационные ресурсы для управления электоральным поведением граждан. Обретение социальными сетями, поисковыми системами и новостными агрегаторами политической субъектности создает предпосылки для качественного изменения устоявшихся коммуникативных практик. Исследователям и политикам уже в ближайшей перспективе предстоит дать внятный ответ на этот вызов времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аккаунты президента США в Twitter перейдут Байдену в день инаугурации // РБК. 2020.21.10. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fb881119a79470551c07cfd> (дата обращения: 23.11.2020).

В Госдуму внесли проект закона о санкциях против зарубежных IT-платформ за цензуру российских СМИ // Взгляд. 2020.19.11. URL: <https://vz.ru/news/2020/11/19/1071356.html> (дата обращения: 20.11.2020).

Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2020.

Коронавирус и дети: 12 вопросов о том, что грозит вашему ребенку // BBC. 2020.14.04. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-fut-52231282> (дата обращения: 20.11.2020).

Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4.

Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2012.

“Свобода слова для своих”: как Facebook заблокировал популярные новостные страницы из-за “связей” с RT // Russia Today. 2019.19.02. URL: <https://russian.rt.com/world/article/603562-facebook-blokirovka-rt> (дата обращения: 20.11.2020).

Трамп “благословил” сделку с TikTok. В США его пока не будут запрещать // BBC. 2020.20.09. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54228338> (дата обращения: 20.11.2020).

Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Том 19. № 6.

Twitter на время заблокировал аккаунт избирательной кампании Трампа // Deutsche Welle. 2020.06.08. URL: <https://www.dw.com/ru/twitter-zablokirovala-akkaunt-izbiratelnoj-kampanii-trampa/a-54456473> (дата обращения: 20.11.2020).

Twitter обратил внимание пользователей на фейки в постах Трампа // РБК. 2020.27.05. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2020/5ecdba8c9a794773d1b8808f> (дата обращения: 20.11.2020).

REFERENCES

Akkaunty prezidenta SSHA v Twitter perejdut Bajdenu v den' inauguracii [US President's Twitter accounts to be transferred to Biden on inauguration day] // RBK. 2020.21.10. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fb881119a79470551c07cfd> (accessed: 23.11.2020) (in Russian).

Americans' main sources for political news vary by party and age // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/01/americans-main-sources-for-political-news-vary-by-party-and-age> (accessed: 20.11.2020).

Ballots counted after Election day are legitimate as long as they were cast on or before November 3, as per state-by-state rules // Twitter. 2020.04.11. URL: <https://twitter.com/i/events/1323361679699181569> (accessed: 20.11.2020).

Castells M. Vlast' kommunikacii [Communication Power]. M., 2020 (in Russian).

Fukuyama F., Richman B., Goel A. How to save democracy from technology // Foreign Affairs. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (accessed: 20.11.2020).

Hasell A., Weeks B. Partisan provocation: the role of partisan news use and emotional responses in political information sharing in social media // Human Communication Research. 2016. Vol. 42. Iss. 4.

Helmer O., Brown B., Gordon T. Social technology. N.Y., 1966.

Koronavirus i deti: 12 voprosov o tom, chto grozit vashemu rebenku [Coronavirus and children: 12 questions about what threatens your child] // BBC. 2020.14.04. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-fut-52231282> (accessed: 20.11.2020) (in Russian).

Osipova N.G., Chelishchev V.I. Social'nye mekhanizmy i tekhnologii manipulyativnogo upravleniya lichnost'yu [Social mechanisms and technologies of manipulative personality control] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. 22 (4) (in Russian).

Panarin I.N. SMI, propaganda i informacionnye vojny [Media, propaganda and information wars]. M., 2012 (in Russian).

Personal Twitter account of D. Trump. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (accessed: 20.11.2020).

Shatin Y.V. Postpravda kak ritoricheskij fenomen v sovremennom mediaprostanstve [Post-truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. N 19 (6) (in Russian).

Smoking-gun email reveals how Hunter Biden introduced Ukrainian businessman to VP dad // New York Post. 2020.14.10. URL: <https://nypost.com/2020/10/14/>

email-reveals-how-hunter-biden-introduced-ukrainian-biz-man-to-dad (accessed: 20.11.2020).

Social media users pass the 4 billion mark as global adoption soars // Creative agency “We are social”. 2020.20.10. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/10/social-media-users-pass-the-4-billion-mark-as-global-adoption-soars> (accessed: 20.11.2020).

State Senator D. Mastriano’s personal Twitter account. URL: <https://twitter.com/SenMastriano> (accessed: 20.11.2020).

“Svoboda slova dlya svoih”: kak Facebook zablokiroval populyarnye novostnye stranicy iz-za “svyazej” s RT [“Freedom of speech for your own”: how Facebook blocked the popular news page because of the “ties” with RT] // Russia Today. 2019.19.02. URL: <https://russian.rt.com/world/article/603562-facebook-blokirovka-rt> (accessed: 20.11.2020) (in Russian).

Twitter na vremya zablokiroval akkaunt izbiratel’noj kampanii Trampa [Twitter temporarily blocked Trump’s campaign account] // Deutsche Welle. 2020.06.08. URL: <https://www.dw.com/ru/twitter-zablokirovala-akkaunt-izbiratelnoj-kampanii-trampa/a-54456473> (accessed: 20.11.2020) (in Russian).

Twitter obratil vnimanie pol’zovatelej na feyki v postah Trampa [Twitter drew users’ attention to fakes in Trump’s posts] // RBK. 2020.27.05. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2020/5ecdba8c9a794773d1b8808f> (accessed: 20.11.2020) (in Russian).

Trump “blagoslovil” sdelku s TikTok. V SSHA ego poka ne budut zapreshchat’ [Trump “blessed” the TikTok deal. In the US it will not be banned yet] // BBC. 2020.20.09. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54228338> (accessed: 20.11.2020) (in Russian).

Trump makes unsubstantiated claim that mail-in ballots will lead to voter fraud // Twitter. 2020.26.05. URL: <https://twitter.com/i/events/1265330601034256384> (accessed: 20.11.2020).

Trump claims Google “rigged” searches against him but company denies it // ABC News. 2020.29.08. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-attacks-google-claims-prioritizes-fake-newssearches/story?id=57444232> (accessed: 20.11.2020).

V Gosdumu vnesli proekt zakona o sankciyah protiv zarubezhnyh IT-platform za cenzuru rossijskih SMI [A draft law on sanctions against foreign IT platforms for censoring Russian media was submitted to the State Duma] // Взгляд. 2020.19.11. URL: <https://vz.ru/news/2020/11/19/1071356.html> (accessed: 20.11.2020) (in Russian).

YouTube refuses to remove video that appears to violate its policie // CNBC. 2020.04.11. URL: <https://www.cnbc.com/2020/11/04/youtube-refuses-to-remove-video-that-appears-to-violate-its-policies.html> (accessed: 20.11.2020).

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-202-208

ПРЕКАРИАТ: ОТ ПРОТОКЛАССА К НОВОМУ КЛАССУ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Ж.Т. ТОЩЕНКО*

С.В. Козин, канд. социол. наук, доц. кафедры социальных технологий Южного федерального университета, ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344082**

Как известно, изучение прошлого, настоящего и такого туманного будущего общества (и его ряда классов) по-прежнему привлекает пристальные взгляды многих представителей научного академического общества (в том числе и коллег по социологическому цеху). Данная статья представляет собой рецензию на монографию члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко “Прекариат: от протокласса к новому классу”, изданную в 2018 г. издательством “Наука”. Монография позволяет читателю ощутить, как стремительно менялась социально-классовая структура зарубежного, советского, а затем и российского общества. В ней наглядно отражены исторические аспекты развития и функционирования нового социального класса — “прекариата”. Доказан вывод, что прекариат не имеет явного видения своего будущего, уверенности в обеспеченности своей личной жизни и гарантированности спокойной старости по завершению трудовой деятельности. Внутренний ряд зарубежных и отечественных статистических данных еще больше подтверждает выводы, обоснованные Ж.Т. Тощенко. В дальнейшем автором монографии выясняются последствия существования и функционирования этого нового социально-классового феномена.

Ключевые слова: монография, новый социальный класс, “прекариат”, рынок труда, нестабильная занятость, государство, социальная политика.

PRECARIAT: FROM A PROTO-CLASS TO A NEW CLASS. REVIEW OF THE MONOGRAPH OF ZH.T. TOSHCHENKO

Kozin Sergey V., Associate Professor, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of social technologies of the Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344082, e-mail: mister.svk92@yandex.ru

As you know, the study of the past, present and such a vague future of society (and its number of classes) still attracts the gaze of many representatives of the scientific academic society (including colleagues in the sociological workshop). This article is a

* Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018.

**Козин Сергей Владимирович, e-mail: mister.svk92@yandex.ru

review of the monograph of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Zh. T. Toshchenko “Precariat: from the proto-class to the new class”, published in 2018 by “Nauka” publishing house. The monograph allows the reader to feel how rapidly the socio-class structure of foreign, Soviet, and then Russian society was changing. In it, Zh. T. Toshchenko clearly reflects the historical aspects of the development and functioning of a new social class — the “precariat”. The conclusion is proved that the precariat does not have a clear vision of its future, confidence in the security of its personal life and the guarantee of a quiet old age at the end of employment. An impressive number of foreign and domestic statistical data further confirms the conclusions of reasonable Zh. T. Toshchenko. In the future, the author of the monograph explores the consequences of the existence and functioning of this new social-class phenomenon.

Key words: monograph, a new social class, the “precariat”, the labor market, unstable employment, government, social policy.

5 декабря 2018 г. издательство “Наука” при финансовом содействии “Российского фонда фундаментальных исследований” по проекту № 12-111-00028 выпустило в свет новую монографию, принадлежащую перу Жана Терентьевича Тощенко, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории социологии РГГУ, — “Прекариат: от протокласса к новому классу”.

Сложные, многогранные, дискуссионные и вместе с тем захватывающие читателя сюжетом монографии уже, пожалуй, давно стали “визитной карточкой” Ж.Т. Тощенко. Автор монографии — сотрудник двух крупнейших учебных заведений (РГГУ и Института социологии ФНИСЦ РАН) — рассматривает прекариат как социальный слой, который олицетворяет отдаленность не только от плодов производства, но также и целого общества, при этом он чувствует неповторимые, изящные формы использования их работы и т.д.¹

Структурно монография состоит из введения, трех разделов, заключения, приложения, указателя имен. Каждый из разделов монографии отображает авторский концепт и посвящен конкретным проявлениям прекариата в жизни общества. Монография базируется на широком массиве данных, полученных в ходе эмпирических социологических опросов населения, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ, ФОМ, РГГУ и т.д. в период 2012–2018 гг., а также списке литературы, состоящего из 459 научных зарубежных и отечественных релевантных произведений.

Следует добавить, что Ж.Т. Тощенко с обоснованным критическим анализом в своей новой монографии берется за упоминание очень “щепетильных” тем. Причем таковые они не только для рос-

¹ Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 6.

сийской социологии: трудности на рынке труда, сложности и специфика работ граждан РФ и мигрантов и т.д.

В первом разделе “Теоретико-методологические основы исследования прекариата” автор работы описывает генезис понятия “общество травмы”, отмечая наработки предшественников, изучающих *травму* как “социальную деформацию” (об этом писали, например, Ю. Хабермас, П. Штомпка, Д. Александер, З. Бауман).

Для общества травмы, по мнению Ж.Т. Тощенко, характерно отсутствие полноценных продуманных целей развития, многое строится по принципу “авось да получится” (эта формулировка не устарела до сих пор), на практике фактически отсутствует реальная сменяемость власти, что приводит к застою, “заржавлению лифтов”. Для новых управляющих кадров характерна низкая мобилизационная творческая сила (мощь), которая важна для осуществления государственных и политических преобразований в ряде социальных сфер: *образование, наука, здравоохранение и т.д.* [курсив мой. — С.К.]².

Автор также останавливается на объяснении новых социально-классовых изменений в обществе, их стратификации, моделях понимания, классических трактовках класса (К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, М. Вебера), в том числе и постнеклассических суждениях о модификации классов (Дж. Кейнса). В дальнейшем автор работы понимает невозможность применения новых современных подходов и неполную состоятельность классических теорий к описанию прекариата.

Во втором разделе “Структура прекариата: основные группы” автор повествует читателю о так называемой неформальной (теневой) занятости, причем в масштабах как всего мира, так и конкретно России, отмечает виды занятости и их непосредственные характеристики, называет потенциальных кандидатов в прекариат, к ним он причисляет и фрилансеров.

В дальнейшем автор работы, используя имеющийся в наличии разработанный научный базис, и позиции других зарубежных и отечественных ученых (П. Бурдье, Г. Стэндинг, Р. Сэймур, З. Бауман, З.Т. Голенкова, В.В. Карачаровский, П.А. Горохов и др.), а также статистическую информацию приходит к выводу, что *“прекариат — это формирующийся класс, который представляет, с одной стороны, социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом <...>, с другой стороны, это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения...”* [курсив автора в оригинале]³.

² Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 15–16.

³ Там же. С. 81.

Автор ссылается на официальные высказывания политиков, министров (А.Л. Кудрин, О.Ю. Голодец, Э.С. Набиуллина) по поводу роста прекариата, бедности обычного населения (и отставания от Европы в плане благосостояния граждан), повышения неравенства между богатыми и бедными и т.д. Как утверждает автор работы (и мы с ним согласны), численность прекариата, несомненно, возрастает и достигает “от 30 до 50% численности трудоспособного населения”⁴.

Автор убедительно показывает, как на самом деле обстоит ситуация с работой, и, основываясь на обобщении данных всероссийских опросов РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН, приходит к выводу: “Нет внятной программы по преодолению молодежной безработицы”⁵.

Затем предлагает возвратиться к мысли К. Маркса о том, что недостаток в грядущем будущем мире будет заключаться в величине свободного времени, которое расходует индивид сам на себя⁶.

Далее стоит отметить, что стержень нового класса — неформально занятые на рынке труда: граждане, лишившиеся работы из-за сокращения или закрытия производства. Так, безработица присуща не только жителям мегаполисов, но и жителям современных сел (деревень, хуторов): “в период 2000–2015 гг. число работающих на земле сократилось с 4071 тыс. до 2355 тыс. чел., т.е. произошло практически двукратное падение”⁷.

Безработица, сложность нахождения новой достойной работы и оплаты труда, обнищание населения, рост числа различий и разногласий между властью и народом, непродуманная социальная политика и т.д. приводят к зарождению новых деформированных общественных слоев (общностей, групп), что свидетельствует не о неких издержках развития, а об устойчивой направленности развития прекариата⁸.

В третьем разделе “Настоящее и будущее прекариата” отмечается, что “ломка” российского постсоветского общества, изменение не только политической власти и доктрины, но и разделение общества на богатых и бедных усиливают стагнацию важнейших экономических отраслей нашего производства, что вкуче и подспудно подталкивает к росту прекариата. “Для прекариата, — утверждает

⁴ Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 85.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. С. 217.

⁷ Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 16–17. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

⁸ Тощенко Ж.Т. Эволюция идей: от пролетариата к прекариату // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 3. С. 25. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.1

автор, — прежде всего, *характерно неустойчивое социальное положение...*” [курсив автора в оригинале]⁹.

Вместо официальных форм работы начали возникать суррогаты занятости в виде неформальной работы, что приводит к социальному диссонансу. Справедливости ради скажем, что постепенно в современном обществе стали отходить от подхода, который получил название “Профессиональный человек” и возник в 1900-х гг. (Ф.У. Тейлор) и который имел три стадии своего развития. Ж.Т. Тощенко, анализируя данный подход и периоды его развития, а также свой личный опыт работы заводским социологом на производстве, приходит к выводу, что во второй половине 1980-х гг. наметился целый ряд негативных моментов. Например, из-за нехватки вакансий по специальности часть людей была вынуждена искать (находить) себя в других видах профессий; следующим нюансом можно назвать расхождения кадровых резервов и реальных потребностей (т.е. обучали одной специальности, а в реальности требовалась другая). Снижался уровень согласованности между регионами, областями и т.д. Часть людей работала по иной специальности, поскольку она более высоко оплачивалась¹⁰.

Добавим, что распад СССР (26 декабря 1991 г.) породил в обществе вакуум, сдвиги, в том числе и в трудовой сфере, что также привело к росту прекариата (хотя на тот момент в нашем обществе подобного термина и группы еще не существовало). Некоторые появившиеся “дыры” впоследствии стали почти тотально закрывать приезжающими мигрантами, наемной дешевой рабочей силой, так называемыми гастарбайтерами (от нем. *gastarbeiter* — “гость-работник”), как правило, это граждане Киргизии, Китая, Таджикистана, Узбекистана, Украины и др. стран.

Автор монографии постарался дать прогноз возможного будущего прекариата. По первому сценарию прекариат будет проходить метаморфозу из “класса в себе” в “класс для себя”¹¹.

Второй сценарий заключается в нарастании общественных противоречий (разногласий) и, как следствие, накоплении и выплескивании недовольства в протестных голосованиях, митингах, акциях и т.д. Третий сценарий подразумевает коренную перестройку официальной социальной политики, сокращение масштабов неформальной экономики, социального неравенства, нахождение

⁹ Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. С. 211.

¹⁰ Тощенко Ж.Т. Социология труда: генезис идей в контексте мировых и Российских реалий (опыт нового прочтения) // Мир России. 2004. Т. 13. № 4. С. 48–49. DOI: 10.24412/FezSFAxwoQQ

¹¹ Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. С. 272.

согласия между властью и рядовыми гражданами. Но этот путь, как показало время, был из разряда фантастики. И четвертый сценарий — это развитие новых технологий, НТР-4, замена людей живым интеллектом [различного рода роботами. — *Прим. С.К.*], реализация не столь удачной “цифровой реформы” и т.д. Но данный сценарий по оценкам ряда социологов и экономистов в настоящее время является самым отдаленным применительно к РФ, поскольку мы существенно отстаем в своем развитии от таких передовых стран, как США и Китай.

Рецензируемая монография несмотря на свою бесспорную значимость не лишена недочетов и порождает ряд рекомендаций и пожеланий. В частности, есть редакторские огрехи, недостаток иллюстрационных материалов, а также зарубежной статистической информации по прекариату. Вместе с тем очень интересным виделось бы освещение проблемы прекариата в субъектах РФ (как мы знаем, каждый субъект РФ наделен властью, имеет свою неповторимую и вместе с тем богатую историю, культуру, экономику, традиции, взаимоотношения общества с властными структурами, но и, безусловно, свой спектр трудностей).

Рецензируемая концептуальная монография являет миру итоговое научное открытие недавно отметившего 85-летний юбилей крупного ученого-социолога Ж.Т. Тощенко. В своей монографии Ж.Т. Тощенко реализовал связь времен из вчера — через сегодня — в завтра. Хотелось бы акцентировать внимание читателя на том, что автор скрупулезно и точно использовал богатый “багаж” зарубежной и отечественной научной релевантной литературы, которая дает читателю более полную и объективную, целостную “картину” рассматриваемой проблематики.

Следует констатировать, что в целом монография Ж.Т. Тощенко — это капитальный научный академический труд, объединяющий в себе многие плоскости и аспекты прекариата; монография несет в себе огромное количество созидательных мыслей, написана, с точки зрения содержания, довольно плотно, что позволяет испытать удовлетворение от обстоятельного и глубокого анализа новаторской проблемы. Монография обращена к студентам, аспирантам и специалистам, занятым исследованием проблем социально-классовой структуры общества, труда и занятости.

В целом можно говорить о том, что монография Ж.Т. Тощенко, безусловно, найдет свою читательскую аудиторию, и займет подобающее место в ряду научных исследований. Добавим, что к середине 2020 г. монография получила восемь рецензий от таких признанных социологов, как А.А. Возьмитель, Г.С. Широкалова Л.Е. Бляхер,

Н.Е. Тихонова, С.А. Кравченко и др., и была процитирована, согласно данным РИНЦ, 108 раз.

Надеемся, что в дальнейшем научное направление, начатое Ж.Т. Тощенко в изучении нового социального класса, прекариата, получит дальнейшее развитие и в дискуссиях, и в статьях множества исследователей (в том числе и коллег по цеху) и на страницах журнала “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. М., 1969.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М., 2018.

Тощенко Ж.Т. Социология труда: генезис идей в контексте мировых и Российских реалий (опыт нового прочтения) // Мир России. 2004. Т. 13. № 4. С. 40–61. DOI: 10.24412/FezSFAXwoQQ

Тощенко Ж.Т. Эволюция идей: от пролетариата к прекариату // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 3. С. 13–29. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.1

Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

REFERENCES

Marx K., Engels F. Sochineniya [Essays]. Vol. 46. CH. 2. M., 1969 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu [Precariat: from the proto-class to the new class]. M., 2018 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Sociologiya truda: genezis idej v kontekste mirovy`x i Rossijskix realij (opy`t novogo prochteniya) [Sociology of labor: the Genesis of ideas in the context of world and Russian realities (experience of a new reading)] // Mir Rossii. 2004. Vol. 13. N 4. S. 40–61. DOI: 10.24412/FezSFAXwoQQ (in Russian).

Toshchenko Zh.T. E`volyuciya idej: ot proletariata k prekariatu [Evolution of ideas: from the proletariat to the precariat] // Humanities Of The South Of Russia. 2018. Vol. 7. N 3. S. 13–29. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.1 (in Russian).

Toshchenko Zh.T., Velikiy P.P. Osnovny`e smy`sly` zhiznennogo mira sel`skix zhitelej Rossii [Main meanings of the life world of rural residents of Russia] // Mir Rossii. 2018. Vol. 27. N 1. S. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33 (in Russian).